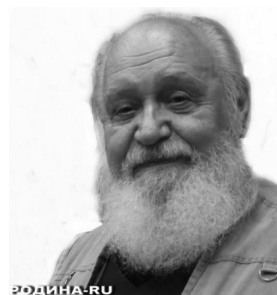

**ФЕДЕРАЦИЯ
СПОРТИВНОГО ТУРИЗМА РОССИИ
АВТОРСКАЯ ЛИГА
ПЕДАГОГОВ-ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ РОССИИ
«РУССКОЕ ПОЛЕ»**

**ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ,
КТО ЛЮБИТ ДЕТЕЙ
ДОРОГУ И РОДИНУ**

ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

РОДИНА-RU

В мире дополнительного туристско-краеведческого образования детей

**СПЕЦВЫПУСК: 200 СТРАНИЦ
В ПАМЯТЬ О ВЫДАЮЩЕМСЯ
ПЕДАГОГЕ-ПУТЕШЕСТВЕННИКЕ
ИГОРЕ ФЁДОРОВИЧЕ ПОПОВЕ**

3 (73)

2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Казанцев В.В., гл. редактор

Гладков А.Г., зам. гл. редактора, оргвопросы

Курбатов Ю.Д., дизайн, вёрстка

Курбатова Л.А., отв. секретарь, корректор

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Голованов В.П., доктор педагогических наук, председатель редсовета журнала

Дрогов И.А., кандидат педагогических наук, председатель учёного совета Международной Академии детско-юношеского туризма и краеведения им.А.А. Остапец-Свешникова, председатель комиссии по детско-юношескому туризму Федерации спортивного туризма России, мастер спорта по спортивному туризму

Казанцев В.В., гл. редактор журнала «Родина-Ru», член президиума Международной Академии детско-юношеского туризма и краеведения имени А.А. Остапец-Свешникова, Заслуженный путешественник России, зам. председателя редсовета журнала

Кострев Н.А., гл. редактор сайта «Методический центр по туризму», кандидат в мастера спорта по спортивному туризму, старший инструктор по спортивному туризму

Костин С.И., вице-президент Федерации спортивного туризма России, председатель Центральной Маршрутно-квалификационной комиссии (ЦМКК) России, мастер спорта по спортивному туризму

Панов С.Н., кандидат технических наук, вице-президент Федерации спортивного туризма России, мастер спорта по спортивному туризму

Яковлев А.В., кандидат политических наук, вице-президент Федерации спортивного туризма России, член общественного совета при Министерстве спорта РФ

ИНФОРМАЦИОННАЯ СПРАВКА О ЖУРНАЛЕ «РОДИНА-RU»

1. Краткая история журнала:

Информационно-образовательный журнал «Родина-Ru» (В мире дополнительного туристско-краеведческого образования детей) издаётся с октября 2000 года. Основан по инициативе доктора педагогических наук, профессора А.А. Остапец-Свешникова (основателя Экспериментального центра детского и юношеского туризма и экскурсий «Родина», Международной Академии детско-юношеского туризма и краеведения) и туристско-педагогической общестственности ВАО г. Москвы.

В 2000–2010 гг. журнал выходил под названием «**Русское Поле**» (Вестник ЭЦДЮ-ТЭ «Родина» / ДДЮТЭ «Родина» / КС ТКД ВАО г. Москвы) в формате ведомственного издания (54 номера). С 2014 г. журнал выходит под обновлённым названием «**Родина-Ru**» под эгидой общественных организаций: Федерации спортивного туризма России и Авторской лиги педагогов-путешественников России «Русское Поле», при поддержке Международной Академии детско-юношеского туризма и краеведения им. А.А. Остапец-Свешникова.

Год основания журнала – 2000.

2. Профиль журнала – дополнительное образование педагогов, детей и молодёжи средствами походно-полевой деятельности

3. Основные направления журнала «Родина-Ru»:

- детско-юношеский туризм и краеведение в России;
- спортивный туризм, соревнования, экстрим;
- педагогика и психология детского туризма;
- история и философия детского туризма;
- экскурсионная и музейная работа;
- экспедиционная и проектная деятельность учащихся;
- социальный и безбарьерный туризм;
- личностный рост педагога-путешественника.

4. Информация для авторов:

Рукописи принимаются только в электронном виде в редакторе «Word» на любых электронных носителях или по электронной почте (kazantsev-v@mail.ru). Фотографии и рисунки, чертежи и схемы, иные графические материалы, размещённые в тексте, в обязательном порядке дублируются (прилагаются) отдельными файлами с разрешением в пределах 300–600 dpi в общепринятых форматах «jpg», «jpeg» (джей-пэг) или «tiff» (тиф). Желательно присылать материалы в шрифте «Times New Roman» (14-й кегль – через один интервал).

Рукописи проходят внутреннее (редакционное) или внешнее (профильное) рецензирование. Рецензии авторам не высылаются. Мнение и позиция редакции может не совпадать с мнением и позицией автора, что само по себе не является поводом для отказа в публикации материалов, но редакция оставляет за собой право отбора материала и его редактирования.

Перепечатка в любых изданиях материалов, опубликованных в журнале «Родина-Ru», возможна, но при письменном (электронном) запросе в редакцию и при обоюдном согласии нашей редакции и автора материалов. При перепечатке текстов, фотографий, а также при цитировании ссылка на журнал «Родина-Ru» обязательна (за исключением общедоступных текстов).

Редакция не несёт ответственности за публикацию присланных автором своих материалов, которые им же были опубликованы и в иных изданиях. Ответственность за оригинальность текста, фотоматериалов, иной графики несёт автор, предоставивший их в редакцию журнала.

Ответственность за достоверность рекламных объявлений несёт рекламодатель.

© Авторская лига педагогов-путешественников России
«Русское Поле», 2018.

Редакция выражает благодарность всем, принявшим участие в подготовке спецномера журнала «Родина-Ru» № 3 (73)–2018, посвящённого памяти выдающегося педагога и путешественника Игоря Фёдоровича Попова, и особенно семье И.Ф. Попова (фотографии из семейного архива), ученикам и коллегам И.Ф. Попова – за воспоминания об Игоре Фёдоровиче, составившие основу данного номера, и В.И. Шахновичу за помощь в сборе материалов и участие в работе над выпуском журнала.

В номере использованы фотографии из архивов И.Ф. Попова, Г.Н. Цыбренко, Н.А. Васюнина, В.В. Казанцева, Л.А. Мониц, В.В. Пересветова и В.И. Шахновича. Фотографии к статьям как правило соответствуют годам и упомянутым в статьях событиям. Фотографии на обложке – Н.А. Васюнин (1998 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

РОДИНА – ЭТО НАША ЖИЗНЬ

Суворов А.В., Попов И.Ф. Родина – это наша жизнь	6
---	---

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КАЗАНЦЕВ В.В. Русский учитель	8
--	---

И.Ф. ПОПОВ. СТАТЬИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Устная автобиография. Отрывок	11
На плечах гигантов	15
Мои ученики	19
Про Чукотку	29
Дружба и братство. Из беседы с детьми	35

ИМЕНА – НА ВСЕ ВРЕМЕНА: И.Ф. ПОПОВ

ШАХНОВИЧ В.И. ХАРАКТЕР	37
СЕЛЕЗНЁВА А.Н. МИЛЫЕ СЕРДЦУ	39
МОЧАРНАЯ Н.А. ПРОСТРАНСТВО ЛЮБВИ И СВОБОДЫ	41
АВДЕЕВА В.П. ВОСПОМИНАНИЕ О СТАРШЕМ ДРУГЕ	44
МИНКС Н. ВЛЮБЛЁННЫЙ В ЖИЗНЬ	51
МИНДЕЛЬ А.Я. ДОРОГОЙ НАШ ЧЕЛОВЕК	56
ХАРИН П.В. ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ	58
РИВКИН М.Н. ВЕСЁЛЫЕ ИСТОРИИ ПРО МОЕГО УЧИТЕЛЯ	61
САПРУНОВА О.Н. ЖИЗНЬ В ЖИЗНИ	64
ВУЛИХ М.Е. ПОПОВ В МОЕЙ ЖИЗНИ	66
ПЕРОВА И.П. У КАЖДОГО – СВОЙ ТЕМП	68
СЕЛЕЗНЁВА А.Н. КАК МЫ ПОЗНАКОМИЛИСЬ	72
СМОЛИН К.А. ПЕРВОЕ РУКОВОДСТВО	74
АВДЕЕВА В.П. У КРОМКИ ОКЕАНА	77
МОЧАРНАЯ Н.А. ПАМЯТИ ПОПОВА ИГОРЯ ФЁДОРОВИЧА	81
ВАСЮНИН Н.А. «ГОРИЗОНТ» В ПУТИ. ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ	86

«ТРУДНЫЕ» ДЕТИ

АЛХУТОВ С.М. ПОСВЯЩЕНИЕ ОТ ПОПОВА	89
ПЕРЕСВЕТОВ В.В. СЛОВО О ПИФЕ	91
ШАХНОВИЧ В.И. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЗАДАЧКА (КОММЕНТАРИЙ К «СЛОВУ О ПИФЕ»)	94

ПОХОДНАЯ ПЕДАГОГИКА

Шахнович В.И. САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ПЕРЕВАЛ (РАССКАЗЫ ОБ УЧИТЕЛЕ)	
ЗНАКОМСТВО (О ТОМ, ЧЕМ ФРАНЦУЗСКИЙ PIF ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ РУССКОГО ПИФА)	101
ПЕРВЫЙ ГОД (ЧТО МОЖНО СДЕЛАТЬ С ЛУЖЕЙ, ЕСЛИ В НЕЙ ЖИВЁТ ЛЯГУШКА)	112
ПОСУДА (ПОЧЕМУ СЛОВО «КЛМН» НЕ НАЧИНАЕТСЯ С БУКВЫ «Ё»)	116
ВИНО АНГЛИЙСКОЙ КОРОЛЕВЫ (РАССКАЗ О ТОМ, ГДЕ ЕГО НАЙТИ)	121
СЕМЕРО ОДНОГО ЖДУТ (КАК ГРУППА ТУРИСТОВ ЖДАЛА В ПОХОДЕ СЛЕСАРЯ)	124
СТРОЙОТРЯД (ЧТО СТРОИЛИ ЛЕТОМ СТУДЕНТЫ ПЕДВУЗА)	129
МЕТРО (КАК ПОПОВ В ЗАПОЛЯРЬЕ МЕТРО «РАСКОПАЛ»)	130
КИРОВСК (О РАЗНОЦВЕТНЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ В РАЗНОЦВЕТНОМ ГОРОДЕ)	131
АНОФ-1 (ПОЧЕМУ ВАЖНО ХОДИТЬ С УЧИТЕЛЕМ НА ЭКСКУРСИИ)	133
АЙКУАЙВЕНЧОРР (О ВЕЛОСИПЕДАХ И ГОЛОВЕ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ)	137
НАУКА УБЕЖДАТЬ (О ТОМ, КАК УЧЕНИКИ С УЧИТЕЛЕМ ДОГОВАРИВАТЬСЯ УЧИЛИСЬ)	139
ЗЛОДЕЙ С ЧЕМОДАНОМ (О ТОМ, КАК ПЕДАГОГИКА ФИЗИКУ ПОБЕДИЛА)	143
ГОРИ, ЗОНТ! (О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МЕТОДИКИ ПИТАНИЯ В ПОЕЗДЕ)	147
САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ПЕРЕВАЛ (О НЕПРОСТЫХ ОТВЕТАХ НА ПРОСТЫЕ ВОПРОСЫ)	153
СТОЛЬКО НЕ ЖИВУТ (НЕОБЫЧНЫЙ РАССКАЗ ПРО ОБЫЧНУЮ КАСТРЮЛЮ)	160
ПЕРФОКАРТЫ (О ТОМ, КАК ПОПОВ УМЕЛ ВСЁ ЗАПОМИНАТЬ)	166
КАК Я ПОЛЮБИЛ БОТАНИКУ (О ТОМ, ЧТО ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ – НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ)	168
АЛАВЕРДЫ (РАССКАЗ ПО СЛУЧАЮ НЕЧАЯННО ПРИКЛЮЧИВШЕГОСЯ ДНЯ РОЖДЕНИЯ)	169
ПОПОВ НА ЧУКОТКЕ (РЕПОРТАЖ ИЗ РОДИЛЬНОГО ДОМА БЕЛЫХ МЕДВЕДЕЙ)	173

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Попов И.Ф., Казанцев В.В. Горизонт – перспектива, которая всегда впереди. Интервью-беседа о жизни и о деле. Часть 2-я	181
Попов И.Ф., Костерев Н.А. Мы на правильном пути. Интервью	204

БИБЛИОГРАФИЯ

И.Ф. Попов. Список ранее опубликованных статей	212
И.Ф. Попов в журнале «Родина-RU»	212
СПИСОК ФОТО НА ЦВЕТНОЙ ВКЛАДКЕ (СТР. 97–100)	213

РОДИНА – ЭТО НАША ЖИЗНЬ

- Мы – русские. Боже мой, какое счастье!
- Легко в учении – тяжело в походе, тяжело в учении – легко в походе.
- Храни в памяти имена великих людей и в своих походах и действиях с благоразумием следуй их примеру.
- Праздность – корень всему злу, особливо военному человеку.
- Где тревога, туда и дорога; где «ура!» – туда и пора.
- Опасности лучше идти навстречу, чем ожидать на месте.
- Идя вперёд, знай, как воротиться.
- Скорость нужна, а поспешность вредна.
- Стоянием города не берут.
- Никакой баталии в кабинете выиграть не можно.
- В кабинетах врут, а в поле бьют.
- Ученье – свет, а неученье – тьма.
- Сам погибай – товарища выручай.
- Всякий воин должен понимать свой маневр.
- Ближайшая к действию цель лучше дальней.
- Кто напуган – наполовину побит.
- Стреляй редко, да метко. Штыком коли крепко. Пуля обмишудится, штык не обмишудится: пуля – дура, штык – молодец.
- Пудра – не порох, букля – не пушка, коса – не тесак, и я – не немец, а природный русак.
- Мы русские и потому победим.

Суворов Александр Васильевич (1730 – 1800), князь, великий русский полководец, гениальный военный теоретик, национальный герой России, величайший военный гений всех времён и народов. Генералиссимус российских сухопутных и морских сил, генерал-фельдмаршал Священной Римской империи, великий маршал войск пьемонтских, кавалер всех российских орденов своего времени, а также семи иностранных. С 1789 года Суворов-Рымникский (почётное прозвание), с 1799 года Суворов – князь Итальянский. Автор знаменитой книги «Наука побеждать».

- Нельзя понять, что такое путешествие, сидя дома.
- Без поисков нет открытий.
- Дружба и братство дороже богатства.
- Если ты устал – помоги товарищу, и тебе станет легче.
- Один – за всех, все – за одного!
- И семеро одного ждут...
- Каким бы маленьким ни был кусок хлеба, в походе его делят на всех.
- Пошёл в поход – не бойся, боишься – не ходи!
- Доброе дело – говорить правду смело!
- Худая снасть и отдохнуть не даст.
- Путешественник найдёт келью – и под елью!
- Скорость нужна, а поспешность вредна.
- Не зная броду, не лезь в воду.
- После нас – чище, чем до нас.
- Дорогу осилит идущий!

Попов Игорь Фёдорович (1932–2016),
 учитель, педагог дополнительного образования высшей квалификационной категории, педагог-организатор, руководитель детского спортивно-туристского коллектива «Горизонт», старший инструктор-методист, академик Международной Академии детско-юношеского туризма и краеведения имени А.А. Остапец-Свешникова, Заслуженный путешественник России, автор свода заповедей «Крупинки туристской мудрости» детско-юношеского туристского объединения «Горизонт».

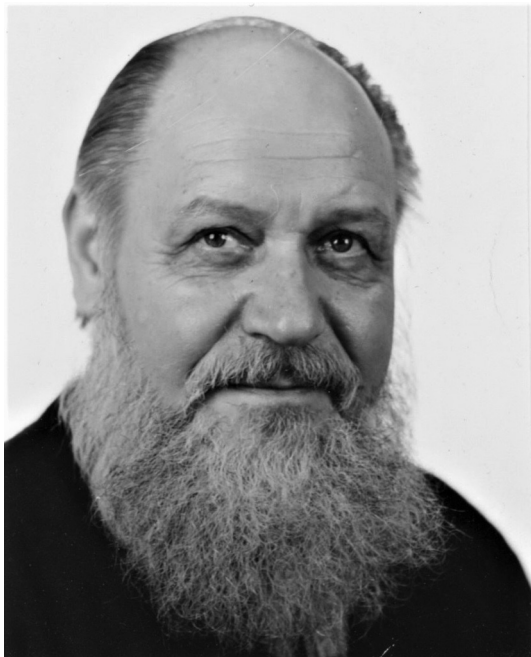

РУССКИЙ УЧИТЕЛЬ

Я знал Игоря Фёдоровича Попова, я с ним дружил и, наконец, я с ним работал в одном инновационном образовательном учреждении долгие годы – в столичном Экспериментальном центре детского и юношеского туризма и экскурсий «Родина», основанном и руководимом доктором педагогических наук, профессором А.А. Остапец-Свешниковым. Игорь Фёдорович в коллективе Центра, без сомнения был самым авторитетным человеком и специалистом своего дела, и этот авторитет безоговорочно воспринимали все члены коллектива без исключения, все педагоги и технические работники, а всего в коллективе было более 150-ти сотрудников. Игорь Фёдорович обладал редким даром – он «подкупал» любого человека с первого взгляда: у всякого человека, который ранее его не знал, после пяти – десяти минут общения с ним возникало ощущение, что Игорь Фёдорович – давний его закадычный друг и товарищ, ему можно довериться, с ним можно идти по жизни... Во внешнем виде, во взгляде глаз его с прищуром и в интонациях голоса сквозили жизненная мудрость и профессиональная надёжность педагога – учителя, в том понимании, в котором это воспринималось на Руси

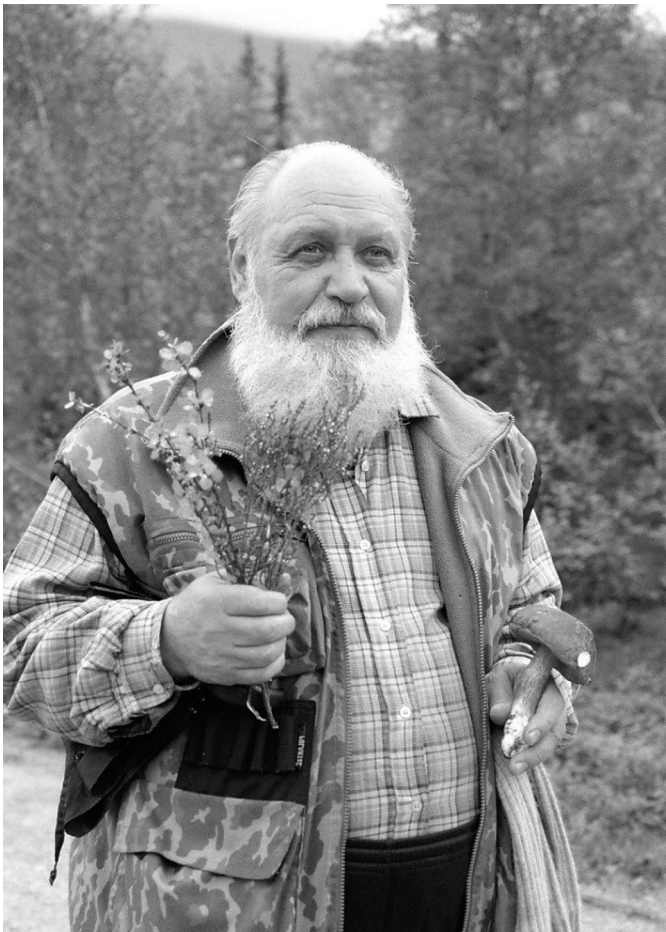
издревле – за советом, за помощью, за вразумлением шли на Руси не столько к лекарю, к священнику, сколько к Учителю, прежде всего...

Игорь Фёдорович был настоящим русским Учителем в том смысле, что в его натуре жил вековой опыт русского народного учительства, в котором любовь к людям, воспитание в человеке духовности и верности Отечеству всегда выходила в основу процесса обучения и передачи знаний. В русском учительстве воспитание ребёнка сплавлено воедино с его обучением, а развитие его личности, выявление его природных задатков и качеств

всегда было необходимым условием образования... Не сформировать сильную личность, всеми способами отстаивающую свои личные интересы, а «вывести в люди» начинающего жить человека, с тем, чтобы он в обществе был востребован, значим и ценим – вот тот народный алгоритм учительского мастерства, который в Игоре Фёдоровиче, казалось, был заложен от природы, но это только так казалось – И.Ф. Попов всю свою жизнь неустанно работал над собой, впитывая знания, приобретая всё новые и новые умения и навыки, совершенствуя каждодневно своё педагогическое мастерство и высочайшую квалификацию путешественника.

Русь-матушка, Россия – велика, просторы её необъятны, дороги до сих пор не измерены, многие пути и по сей день не пройдены и не проложены, а потому издавна на Руси строили, возвращали, обучали, воспитывали, путешествовали коллективно – «миром», «общиной», «коммуной»... Тради-

ции коллективизма, слава Богу, не изжиты в нашем обществе и сегодня, и коллективизм, столь необходимый и в пути, и в жизни, у Игоря Фёдоровича Попова всегда был мощным педагогическим инструментом воздействия на личность ребёнка.

Игорь Фёдорович был поистине педагогом народным, мудрым и умеющим подобрать свой волшебный ключик даже к самым сложным и «трудным» детям – он брал к себе в коллектив любого «трудного» ребёнка, от которого

отказывались иные педагоги, и каждый в его коллективе становился личностью, Человеком и надёжным товарищем, на которого всегда можно положиться... Так было всегда, ибо таким был и сам Игорь Фёдорович Попов. Его сила Учителя не только в его знаниях, в его умениях, в его удивительных личных качествах, но и в том, что он своим личным примером, своей жизнью и своим мастерством показывал, как надо учиться, действовать и как надо жить. А потому его ученики ему верили всегда, безоговорочно, с него брали пример, а, главное, его – любили, и любовь эту сохраняли, берегли и передавали своим детям... Не столько в строгости и требовательности, сколько в любви и осознанности обучались его дети; не только знаниями, но светом наполнялись их души, и этот свет в душах они сохраняют и поныне.

Этот номер журнала «Родина-Ru» необычен тем, что полностью посвящён Игорю Фёдоровичу Попову – мы отказались от иных текущих статей и перенесли их в последующие номера, с тем, чтобы на страницах этого номера раскрыть по возможности полнее и обстоятельнее жизнь, судьбу и душу героя нашего времени, выдающегося русского педагога, великолепного путешественника и замечательного человека – Игоря Фёдоровича Попова. А помогут нам в этом его благодарные ученики...

*Гл. редактор
информационно-образовательного
журнала «Родина-Ru»
В.В. Казанцев, 2018 г.*

Фото 1 – из личного архива И.Ф. Попова

Фото 2 – из личного архива Н.А. Васюнина

И.Ф. ПОПОВ. СТАТЬИ РАЗНЫХ ЛЕТ

ПОПОВ ИГОРЬ ФЁДОРОВИЧ, ПЕДАГОГ-ОРГАНИЗАТОР, ПЕДАГОГ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КАТЕГОРИИ, УЧИТЕЛЬ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ, УЧИТЕЛЬ ГЕОГРАФИИ

УСТНАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

ОТРЫВОК*

25 августа 1931 года, моя мама, Юлия Васильевна, находясь в «интересном положении», пошла в лес, за грибами. Помог с родами лесник, но завязал пуповину он кое-как...

Родилась и выросла мама в Тамбове, в семье паровозного мастера. Дед, Василий Григорьевич – мастер на все руки – разбирался не только в парово-

зах, но и ремонтировал паровые машины и крупорушки-мельницы. У него было три брата. Дядя Иван был поэт, и даже в возрасте 98 лет присылал стихотворные поздравления. При этом он окончил Московский институт землеустройства; отличался он и крайней честностью. У нас дома хранился его подарок – часы с боем. Дядя Алексей за участие в революционных выступлениях 1905 года был исключён из студентов и стал матросом. До эвакуации 1941 года у нас дома хранились его подарки из дальних стран – огромная шишка иноземного кедра, кокосовый орех, раковина с острова Мадагаскар и флакон от французских духов. Но, согласно народной поговорке: «В семье не без урода», третий брат моего деда был «запойный картёжник», за его долги пришлось продавать дом...

Семья была мещанская, жили все хорошо, так как у всех были руки «золотые». Были и известные личности среди наших родственников, точнее у брата прадеда родился будущий создатель радио А.С. Попов.

Мама была третьей в семье из

10 детей: Катерина, Вера, Юлия, Зоя, Костя, Саша, Евгения, Надежда, Людмила... Катя и Вера учились в гимназии, а Юлия – в коммерческом училище (за хорошие успехи в обучении учёбу оплачивали учителя).

В 1917 году, когда маме было 15 лет, благополучие семьи закончилось – начался голод. Какое-то время она даже работала у соседа Величко («кулака») батраком по найму. Братья – Костя и Саша – убежали в Красную армию, учились позднее в Тульском оружейном училище. Впоследствии Саша стал полковником авиации, воевал на Дальнем Востоке. В голодные годы мама работала в ЛРА – американском обществе помощи рабочим, которое спасло многих людей от голодной смерти. Затем мама училась на рабфаке саратовского университета; перевелась в Москву в Педагогический университет на факультет дошкольного воспитания. Но не доучилась – послали работать в Свердловск – организовывать детские площадки (сады) при заводах. Работала в ЦК работников просвещения на Чистых прудах в 1927–1928 году. Университет всё-таки закончила – литературный факультет Пединститута. Приглашали её работать личным воспитателем детей [партийных руководителей –] Маленкова, Микояна, но она отказалась, так как хотела «работать для всех». Работала завучем в детском санатории для детей ЦК партии в Кратово (Московской области). Кстати, туда была проложена отдельная железнодорожная ветка.

Отцов у меня было двое, но так получилось, что в моём свидетельстве о рождении, в графе «отец» стоял прочерк. Мой первый отец – Карпов Александр Иванович – учился в Ти-

миряевской сельскохозяйственной академии на факультете электрификации. Брак был «гражданский». После окончания был направлен в станицу Цимлянская. Он оказался в банде Антонова, которая была против коллективизации. Был одним из организаторов восстания крестьян... «Нельзя забирать весь хлеб у людей», – таково было его мнение. Но у власти было другое мнение. В общем, отца расстреляли. Официальный муж моей мамы – Зуев Фёдор Ильич – историк и декан Тюменского пединститута, подарил мне брата, Алексея, и новое отчество «Фёдорович». Но, к сожалению, тоже оказался «врагом народа». Дело в том, что его заместитель по хозяйству много воровал. В 1936 году отец его сильно «пропесочил», за что, в отместку, в органы поступил сигнал, что «Зуев Ф.И. не согласен с линией партии»... Отца посадили, а после войны пришло письмо с сообщением о его смерти «от сердечного приступа».

Итак, я родился в посёлке Некрасово при санатории Верховного совета. Жили мы с дедом и бабушкой. Потом переехали в Кратово, где матери предложили воспитывать детей работников ЦК. Но из-за отказа – понизили в должности. Для меня и брата всегда взрослые твердили одно: «Вам нельзя себя плохо вести, ведь вы дети Юлии Васильевны». Это мы запомнили очень хорошо. Однажды, мама, по совету директора, который лупил детей «как сидорову козу», хотела меня наказать ремнём. Долго искала орудие наказания, не нашла, расплакалась, и наказание не состоялось.

В 1937 году умер дед, и мы переехали в Горетовку, где мама работала в детском доме. Там нас застала война.

Все школьники копали окопы. Затем эвакуация на Урал, детский дом. Это была Курганская область, степи, солёные озёра. Спали мы на подоконниках, так как пол – из глины пополам с соломой – был холодный. Весной я убежал из детского дома – путешествовать, когда кончались скудные припасы – возвращался. Писали в школе между строк на газетах. Было голодно и холодно. Но у нас была кошка и собачка, которых мы кормили своей кашей. Запомнилась больная девочка по прозвищу «сруля». За дополнительную тарелку каши (голодали тогда почти все) она демонстрировала удивительные способности своего организма. Садилась на горшок, ела кашу, которая сразу же оказывалась в горшке. Долго она не прожила.

Мы не ощущали себя в семье – мать появлялась редко. Она преподавала в тюрьме особого режима, ИТК-2. Вместе с ней мы стали жить только после войны, когда ей выделили комнату на ул. Кирова (сейчас это ул. Мясницкая).

В детстве мечтал быть и дворником, и лётчиком, и моряком. Даже учился в Херсонском морском училище, но у меня нашли артрит правого коленного сустава, с которым нельзя быть моряком. Здоровье у меня было слабое. В детстве, в возрасте одного года я заболел менингитом. Обычно, при таком заболевании 98% погибали, из оставшихся в живых многие становились идиотами. Я отделался только глухотой на одно ухо. Меня лечил профессор Салищев (его брат – картограф). Он, как семейный врач, также отсоветовал мне становиться моряком.

Жажда путешествий, передвижений привела меня в железнодорожное училище. Даже отработал на железной дороге техником тяги 3-го ранга. В 1952 году – возможно с затаённым желанием укрепить слабое здоровье физкультурой – начал учиться в физкультурном техникуме «Трудовых резервов» на Преображенке. Затем техникум перевели в Ленинград. Там я познакомился с интересным человеком – Цезаревичем Н.Я.

Я увлекался мотоспортом, пулевой стрельбой, лыжами. В 1950 году получил удостоверение водителя мотоцикла всех марок. Больше всего мне нравился бег на длинные дистанции – пять и десять километров. Конечно, мы выступали на всех государственных праздниках, когда надо было идти строем и кричать под левую ногу: «Великому Сталину – Слава! Ура! Ура! Ура!»

Через некоторое время перешёл к новому тренеру Георгию Робертовичу Нюренбергу. У него было и инженерное образование, через некоторое время он стал доктором наук. Он меня научил, что в спорте важен тонкий расчёт, надо знать не только механику движения, но и биофизику и биохимию. В любую погоду, высокий, тонкий, худой он всегда ждал нас на тренировках. С ним было приятно общаться и учиться. Его техника бега была одной из лучших в мире.

С 1955 года я начал работать в школе учителем физкультуры, сначала в ремесленном училище, а с 1957 года в женской школе (тогда обучение мальчиков и девочек было раздельное). Не все любили работать с женскими капризами, но мне нравились труд-

ности. Работал в школах 608, 297. В последней застал строительство стадиона и добился от строителей и администрации сделать его качественно, чтобы в любую погоду там было сухо. А в зале – настоял на устройстве полов палубного типа. Выступал на первенствах Союза по спортивной ходьбе на 50 км, но в 1959 году порвал связки, и ходьба была запрещена. Но с 1955 года появилось новое увлекательное увлечение – походы. Первые палатки делали из картона, покрытого лаком. Брезента не было. Ходили в радиальные выходы на Сходню, Звенигород, Бородино, Торбеево озеро, Велегож (Таруса), Истру, Новомешково. Эти места я изучил досконально. Водил в походы школьников и туристов по путёвкам.

С 1963 года совместно с В.В. Титовым начали заниматься детским туризмом. В 1964 году мы с ним пошли в сложный поход на Алтай, в район Телецкого озера. Решил получить знания для туризма, и в 1969 году окончил геофак педагогического института (МГЗПИ). Начался в моей жизни детский туризм (параллельно с работой в школе учителем физкультуры и

географии). Люблю группы разновозрастные.

С 1985 по 1987 год тогдашний директор РОНО запретил мне участвовать в течение пяти лет в первенствах по детскому туризму, так как после очередного похода я не успел сдать вовремя финансовый отчёт (в те времена государство оплачивало значительную часть расходов на походы). Задержка произошла потому, что мы с детьми сидели три дня в Горно-алтайской библиотеке, где собирали материалы об Алтайском театре.

Мне повезло – я...*

2003 г.

* **Примечание.** К сожалению, до редакции журнала дошёл лишь отрывок автобиографии И.Ф. Попова, который прерывается на полуслове... Но и по этому отрывку складывается впечатление о жизни и личности выдающегося педагога – Игоря Фёдоровича Попова.

Транскрибацию фонозаписи и обработку текста выполнила ученица И.Ф. Попова – **Балашова Ирина Олеговна.**

Фото – из личного архива И.Ф. Попова (ок. 1951 – 1955 гг.).

ПОПОВ ИГОРЬ ФЁДОРОВИЧ

НА ПЛЕЧАХ ГИГАНТОВ

«Патриарх?» – впервые слышу, чтобы так «обзывали» меня!

Как говорил ещё А.А. Остапец, «Мы все стоим на плечах гигантов, что были ещё до нас». Ведь патриарх туризма, в моём понимании, это не

Младан-91

путешественник типа Почётного члена нашего ЭЦДЮТЭ «Родина», который лично для себя преодолевает всякие океанские или горные трудности, фиксируя их в своём убогом дневнике-книжке, а какой-то богатеи его и его семью спонсирует, давая право назы-

ваться «профессиональным путешественником». Чушь какая-то!

Первые походы, что я делал, были с ночлегами в шалашах из веток, методу изготовления которых мне дали корифеи отечественного туризма ещё довоенных тридцатых годов прошлого века. И только потом я увидел брезентовые палатки, заменённые ещё позже палатками из более современных материалов: верёвки пеньковые – на капрон, нейлон и ещё чёрт знает что! Но стали они от этого очень хорошими, лёгкими, прочными. Были у нас поливинилхлоридные шуршащие плащи, что рассыпались в прах при морозе даже в минус пять градусов. Потом появились поролон, пенопласт, полиэтилен, заменитель ватных изделий. Ученики удивляются: «Как вы ходили в «пятёрки»? Такие большие расстояния, с трудностями – и с таким снаряжением?» Щи и супы с борщами были у нас в походах не в лёгких бумажных пакетах, а в стек-

лянных банках! Несли эту тяжесть в рюкзаках. Карт не было, а шли по схемам, нарисованным от руки. А в продаже были не «карты», а одно название: «шестикилометровки», специально искажённые по углам и другим геодезическим нормам. Это чтобы

враги из-за океана и всякого другого Запада по ним заблудились, и не смогли точно обозначить у нас военный объект. «Русская ракета целится в зенит: и зимой и летом мать твою хранит!» От таких карт погибло столько наших собственных туристов! Хотя за кордоном спокойно продавались карты наших территорий даже 1: 100.000 («километровка»).

Да, идея туризма – перемещение человека по планете. Она как была, так и осталась. Сейчас некоторые «деятели от туризма» хотят называться туристами, даже не ходя в туристские походы. Разве такое возможно? Оказывается, возможно – да ещё как! Даже значок Мастера спорта по туризму к «пиджаку» цепляют.

Корифеи туризма описывали современную **им** методику проведения походов, для **своего** времени. А время-то идёт, наука и техника прогрессируют, производство не стоит на месте. Меняется всё! Но оказалось, что почему-то не меняется только методика обучения учебному предмету, путь достижения цели, и задачи обучения и воспитания.

Если бы сегодня взять на вооружение то, что в книгах моей молодости предписывали делать корифеи, то я должен был бы кусочки пористого кирпича замочить на ночь в керосине, завернуть их в детскую жёлтую клеёнку (чтобы не пахло и не портило содержимое рюкзака). И получится это – растопка для костра в ненастную погоду! Хотя кусочек древней свечки или берёсты и сегодня и можно, и полезно взять с собой, будет не лишним. А вот для освещения всего зимнего лагеря сегодня уже надо брать оргстекло. Воткнув подожжённый конец

пластины из оргстекла, мы при установке лагеря будем чувствовать себя комфортно даже в полярную ночь.

Поэтому я для себя решил: если уж стал учителем, то буду учить детей тому, что знаю сам. Ведь ещё К.Д. Ушинский сказал, что учитель кончается тогда, когда перестаёт сам учиться. И знать я поэтому должен одинаково хорошо и старое, и новое. И ведь учусь я!

Не пишу я книг по туризму только потому, что тогда не хватает мне времени на обучение своих учеников. А через 10-20-50 лет книжка, на которую было потрачено время – неизбежно устареет. Так что на вопрос «Вы стояли у истоков детского туризма?» – ответ однозначный: «Нет, не стоял, и не мог стоять!»

Учителем в туризме у меня была сама жизнь, то есть люди, которые меня окружали. Чистый туризм у меня начался слишком поздно. До него был, прежде всего, **спорт** – лёгкая атлетика, мотогонки, лыжи, стрельба (пятиборье). Это уже после него появился в моей жизни туризм. Но вот знания, умения и практические навыки, нужные не только для туризма, но и в быту, и в других условиях, я получил задолго до открытия мною такого вида спорта, как **туризм**. Об этом я расскажу отдельно.

Настоящий патриарх туризма – это человек, который объясняет методику проведения своих походов с детьми. К таким я отношу:

Губанов Николай Михайлович. Учитель, 70 лет ходивший в походы, а родился он ещё в 1873 году.

Игнатенко Александра Сергеевна. Ещё до войны готовила туристов и альпинистов, из которых в Великую

Отечественную формировала горно-стрелковые отряды для обороны Кавказа. Стояла у истоков Московского городского клуба туристов и его горной секции. Многие ведущие туристы страны, такие как Ю. Гранильщиков, Г. Ким, Б. Коновалов, И. Васильев и другие, считали её своим учителем.

Крайман Матус Иосифович, в туризме более 70 лет, с 1926 года. Из них с детьми, как педагог – более 60 лет.

Щербаков Николай Николаевич. Учитель физического воспитания и учитель труда в школе, где училась Зоя Космодемьянская с братом-танкистом – Александром. В этой же школе позже воспитывался у него известный полярник Шпаро Дима.

Николаю Николаевичу не было и 20-ти лет, а пришлось командовать батальоном. Преодолевал в Германии реки с облицованными гранитом стенками-берегами, а многие солдаты у него не умели плавать, и тонули. Дал себе слово: если выживет, то будет учить детей плавать. Выжил в огне войны, и слово, данное перед своими погибшими солдатами, выполнил. Окончил Малаховский техникум физической культуры и стал учить детей плавать. Занимался с детьми водным туризмом на плотках. На притоках Волги выполнял с ними краеведческие гидрологические исследования – самодельными (!) приборами. Был шефом музея боевой славы в Снегирях. Написал книгу: «Мы плывём под парусами (книга для учителя)», М. 1987.

Берман Александр Ефимович, автор чудесной книги для участников и руководителей школьного туризма: пешего, лыжного, водного. А всего – написал несколько книг, посвящён-

ных туризму.

Минделевич Сергей Владимирович, ученик «Капитана Гранта», редактор газеты «Вольный ветер». Написал методическое пособие для старших пионервожатых «Пора в поход!»

Ярошенко Виталий Владимирович, вот он – патриарх, как и **Валентин Михайлович Куликов** и **Донора Аркадьевна Шенкман**, которая в свои почти 85 лет продолжает работать в ЦАО.

Дихтярёв Виктор Яковлевич. «ВэЯка», своего одноклассника, тоже отношу к этим самым, патриархам.

Алексеев Алексей Алексеевич (1950). Своего ученика по средней школе № 750 в Лосинке тоже отношу к патриархам.

Конечно, относятся к ним и **Болдырев Сергей Николаевич**, **Власов А.А.** (VELO), и **Васильев И.В.** воспитавшие много туристов-педагогов; **Аверин Лёня**, **Варламов Володя**, **братья Волковы – Николай и Борис**, **Огородников Борис**, **Гранильщиков Юра**.

Добкович Владимир Владиславович (1907–1983) из ЛГУ – вот настоящий патриарх! «ДОБ» как его нежно-уважительно называли в наше время, был первым человеком, у которого я профессионально учился туризму. Но он не оставил во мне... не сделал меня туристом, хотя Вуокса на лодках и Карельский перешеек на лыжах с ним были пройдены.

Шмелёв Михаил Михайлович, в московском Доме учителя я ходил к нему на занятия.

Потресов Александр Сергеевич из дома пионеров Ленинского района Москвы, очень был интересный че-

ловец. Общался я с ним: он и фотограф, и историк, и конструктор байдарок и прочей всячины. Он нашёл (реконструировал) путь «из варяг – в греки». Сегодня мне его стиль работы напоминает наш Дима Плоткин, который с детьми из ЭЦДЮТЭ «Родина» пробивался путём Петра I с будущим флотом.

Так что понемногу набирался...

Смолин Пётр Петрович, из МГУ. Профессор, биолог (в основном орнитолог), знаком мне ещё с детдома. Детдомовские помещения на реке Горетовка перешли потом к МОПИ, и стали биостанцией. Он же мне давал рекомендацию в действительные члены Географического общества в 1974 году.

Сбор-поход IV категории сложно-сти для учителей Москвы, что провёл Виталий Владимирович Ярошенко в Горном Алтае для нас, мне очень много дал и многому научил. Познакомил с разными системами учителя и взглядами на туризм. Выбрал

свой путь, так как с 1961 года я работал не в школе, а в интернате-гиганте на окраине леса «Лосиный остров», где были дети, брошенные родителями. И коллектив интерната делал всё, чтобы воспитанники не чувствовали себя сиротами при живых родителях. Создал там группу туристов из учителей-воспитателей: Галя Латышева, историк, сейчас доктор исторических наук; Гербов В.Л., председатель МКК, историк; Виноградова К.М., литератор родом из Кологрива (туда поход); Куликов Виталий Михайлович; Губерниев Ю.Д., труд, велопоход с детьми в Крым из Москвы; Неделева В.; Шнейдер Лёня, математик и географ, сейчас директор школы; Карелия, Соловки, Краснодар, по Волге до Астрахани; лыжный по Южному Уралу, археологические раскопки в Ольвии и другое. Старший воспитатель и директор тоже принимали участие.

Меня всю жизнь окружали хорошие люди. Простите меня, если забыл кого тут назвать.

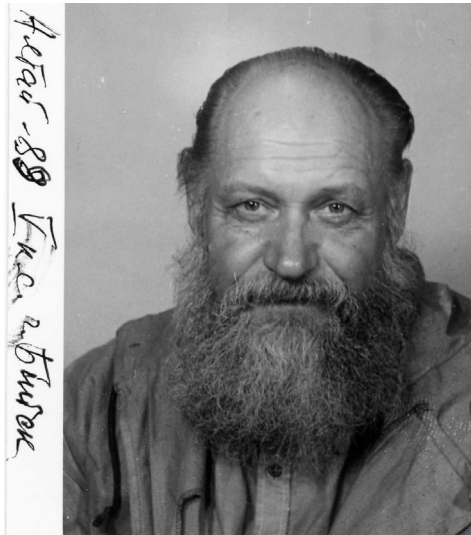
24.10.2012 г.

Фото – из личного архива И.Ф.Попова

ОТ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «РОДИНА-RU»

Перед прочтением следующей статьи И.Ф. Попова «Мои ученики» рекомендуем нашим читателям предварительно ознакомиться со статьёй Вадима Шахновича «Перфокарты», опубликованной в этом же номере журнала, с тем, чтобы лучше понимать представленные ниже записки. Попов И.Ф. вёл свои записки об учениках много лет, в рукописном варианте, на бумажных карточках. Делал примечания, зачёркивал и исправлял,

дополнял – но никогда не выбрасывал записи об учениках. С 2007 года Игорь Фёдорович начал переводить свои бумажные записки в компьютерные, цифровые. Много ошибался, у него не получалось, что-то дописывал на ходу. Отсюда – появившиеся ошибки и неточности, которые мы постарались, по мере возможности, исправить при подготовке этой статьи к публикации. Тем не менее, несоответствия фактам в этих записках остались, за что про-

сим не судить строго. Дополнительно мы постарались стиль «заметки на память» превратить в журнальный стиль, чтобы материал можно было нормально воспринимать при чтении. При чтении надо понимать также, что информация представлена по состоянию на самые разные годы: от 1960-х до 2016, и в настоящий момент в значительной степени устарела.

Порядок перечисления учеников

ПОПОВ ИГОРЬ ФЁДОРОВИЧ

МОИ УЧЕНИКИ

Мои выпускники – в основном порядочная и достойная когорта вышла из занятий туризмом. Повторяю, **туризмом – как движением, исследованием нового:** на пути с физическими нагрузками и перегрузками, и, что тоже очень важно – автономией. Моим ученикам никто не помогал,

изменён. И.Ф. вспоминал их в разбивку, как получится. Мы расположили их по возрастанию годов рождения. Исключениями являются «туристские династии», описанные, как правило, вместе; а ещё – ситуации, когда И.Ф. не указал год рождения.

И ещё, ряд заметок про учеников имеет «острые» педагогические характеристики и оценки, которые педагог И.Ф. Попов делал для себя. Учитывая современные реалии, и требования законодательства, редакция не только выполнила удаление из статьи записанных И.Ф. Поповым персональных данных своих учеников. Мы также постарались связаться с каждым из учеников Игоря Фёдоровича, про которых он написал «острые» тексты, и согласовали с ними возможность такой публикации. Ниже приводятся только те «острые» слова, на которые ученики И.Ф. сами дали своё разрешение. Остальные заменены на многоточие [...]

Стиль и лексика Игоря Фёдоровича Попова, по возможности, сохранены.

они всё делали сами, и не только для себя.

Романтика, скажете? Но понятная по книгам «романтика» меркнет перед первыми походными трудностями. Поэтому учителю надо возможные походные трудности донести до сознания ребёнка как необходимость.

«Без труда...» – о рыбке из пруда. И не зря у меня в туристской группе появился девиз: «**Туризм – наука, Труд – необходимость, Коллектив – сила!**» Эти правила заложены были во мне и моих товарищах хорошими людьми – воспитателями, что окружали нас в военном детстве. Они объясняли нам, голодной шпане, элементарные вещи на предмет, который развил В.В. Маяковский: «Что такое хорошо, и что такое плохо?» В туризме главное – чтобы была педагогическая цель, а она намного превышает чисто походную цель (пройти маршрут). Отсутствием педагогической цели в туризме особенно грешат современные педагоги дополнительного образования (ПДО), руководители походов и «экспедиций» школьников... У меня такая цель была всегда, хотя многие мои воспитанники были с девиантным поведением, когда попали ко мне.

Многие мои ученицы, девушки, стали работать в медицине, а юноши – в педагогике. Попробую перечислить их здесь, хотя понимаю, что всех вспомнить будет трудно.

Цыганова Татьяна Афанасьевна (1947). Закончила педучилище, потом физмат МОПИ. Учитель школы, Мастер спорта по туризму. Всё ещё воспитываю её (даю советы: ведь наша страна, как говорит анекдот, была «страной советов»). Моя ученица с 1963 года и по настоящее время, хотя начала этот процесс ещё Донара Аркадьевна Шенкман, в школе. «Случайно» в Монголии воспитывала моего внука Игорька – была старшей пионервожатой. А вот в Эфиопии туризмом не позанимаешься, под пулями пешком не находишься. Зато математику на французском языке изучать

было можно, и она преподавала её там. Сейчас водит детей только в подмосковные походы, и проводит экскурсии для своей педшколы в ЮЗАО у Н.А. Костерева.

Щербинин Владимир Васильевич (1949). Володю, пожалуй, назову своим «взрослым» учеником, хоть начал заниматься не у меня со школьных лет. Ходили с ним вместе с 1980-х годов.

Алексеев Алексей Александрович (1950). Мой бывший ученик 10-го класса школы № 750, что в Лосинке на Ярославском шоссе. В Лосинку я попал после ликвидации интерната № 87 Дзержинского района, и через год (в 1967 г.) перешёл в школу № 371 Куйбышевского района, по месту жительства. Успел сводить Алексея в леса Подмосковья, Белоруссии, Карпат.

Калабухов Станислав Юрьевич (1950) и **Елена Короткова** (1953). В школе № 371 учились в конце 1960-х. Походы по зимней Карелии, Приполярному Уралу, Кавказу. Сейчас работают учителями в школе № 1714. Стас – ведёт труд. Лена, с детства чудный ребёнок, теперь – математик. Педагогами их сделал туристский «Горизонт», где в школе № 371 на Открытом шоссе я проработал учителем физического воспитания одиннадцать лет и там же географию начинал преподавать. А ведь был Стас [...], каких ещё поискать в Метрогородке!

Смирнова Елизавета Александровна (1951). Гидролог. Научный зал библиотеки МГЦСУ, что на Белокаменной. Дети: Женя, участник горных и лыжных походов V–VI к.сл. Надя – в медучилище поступила. Девушка была с фокусами, теперь остепени-

лась, в замужестве. Моя внучка Оля, до школы в Сирии, нянчила Женьку и учила его основам арабского языка. Лиза от меня с бухты Горячей морем (славное море – священный Байкал) ушла в Иркутск вместе с Ольгой Зобиной в августе 2001 года к друзьям по институту.

Каменева Марина Нилевна (1953). Шпана была настоящая, но любила театр, особенно Таганку. В «Горизонте» Кама с 1968 г.: Ю. Урал, Карпаты, Кольский 1971, и др. Окончила геофак МГЗПИ. Потом ходила лыжные походы по Кольскому, Приполярному, Карпатам, Алтаю, горам Кавказа, по Полярному с Лукояновым и Борей Волковым (школа инструкторов лыжного туризма ДСО «Спартак»). Подарила мне на день рождения: «Всем хорошим в себе, я обязана Вам!!!» Стала директором книжного магазина «Москва». Кандидат экономических наук, Заслуженный работник культуры Российской Федерации, имеет правительственные награды.

Ривкин Марк Нахимович (1954). Туризмом начал заниматься у меня в школе № 371, когда учился в 7-м классе. Заставил я его быть вторым руководителем в походе по Хибинам школы № 371, тогда Марик уже был студентом второго курса авиационного института. Мастер спорта по туризму. В СЮТуре проводил занятия в НТП, СТП в качестве инструктора. С детства был ровный ребёнок, Anne Наумовне хлопот не доставлял. Жена Юлия – врач, дочь перешла в школу 1530, и сын.

Дедушка **Мочарный Сергей Фёдорович** (1955). Руководил походами IV–V к.сл. Связан с «ядрёной» наукой и горными лыжами. Его бывшая жена

Наташа ходила с детскими группами в качестве врача. Последний поход с «Горизонтом» – в Тунки в 2007 году.

Мочарная Наталья Алексеевна (1956). Занимается у меня туризмом с 1969 года (с 6 класса). Врач, с детства эталонный ребёнок (их сверстники брали пример также с Тани Волковой). Сыновья – тоже туристы, горнолыжники: Алексей и Сергей. Две внучки тоже берутся родителями в горы. Регионы походов значительны.

Левина Елена (1956). «Горизонт», детский музыкальный работник в ДМШ. Кавказ, Кольский, Приполярный, Карпаты зимой и летом, Карелия – лыжный, Селигер. С детства чудный ребёнок.

Дедушка **Балашов Сергей Михайлович** (1956). Учитель физкультуры, старший инструктор туризма. За его плечами много походов V–VI к.сл. Много лет работал инструктором у Шлякова; методистом МГЦТК – у генерала Дмитриева; ПДО по туризму в школе № 1688. В «Горизонте» с шестого класса, с 1969 года. Последняя «пятёрка» – под руководством Шахновича в Восточном Саяне в 2006 году для повышения квалификации педагогов. В связи с хронической болезнью последний год не может водить детей, хотя в 2011 с Костеревым в паре был.

Лебедева (Балашова) Ирина Олеговна (1959). В «Горизонте» с 1-го по 10-й класс в 371-й школе, потом на геофаке МОПИ. Лыжные походы на Карельском перешейке, в Хибинах и Карелии, Приполярный, Полярный Урал, Карпаты, Средняя Азия. Последний поход – в 2007-м году на Байкальский хребет. С детства чудный ребёнок, в очень сложной семье. Я, конечно, единственный, кто знал се-

мейную ситуацию. Работает в Институте географии Академии наук.

Их дети: **Балашова Мария Сергеевна** (1980) и младший **Балашов Иван Сергеевич** – туристы. Внуки Ирины и Сергея – участники туристских праздников, что проводит для жителей ЮВАО Евгений Яковлев (воспитанник Ярошенко).

Игонин Дмитрий Витальевич (1956). С ПИФом путешествовал многократно, с осени 1972 (?) года: в Михайловское, когда учился в 9-м классе школы № 315. Занимался атлетикой, «средневик», чемпион МГС «Спартак» и Москвы среди юношей. Заместитель руководителя в 1974 году совместно с Тоней Соловьёвой на Карпатах. Окончил Бауманский и в нём же преподаёт.

Харин Павел Вячеславович (1956). Воспитанник «Горизонта» с 7-го класса, гениальный учитель химии, ПДО в МосгорСЮТуре. Много лет работает методистом. С детства чудный ребёнок, но родителям-химикам хлопот от него было предостаточно, особенно на кухне и во дворе дома со всякими взрывами и превращениями. По опыту – на высоком уровне профессионал в педагогике и в ТКО, ТКД.

Попова (Соколова) Марина Юрьевна, мать Дениса и Алексея, вдова Жени Попова. Ходит под парусом и без оного: на катамаранах. Всей семьёй занимаются горными лыжами.

Курбатов Юрий Дмитриевич (1956). Юру, пожалуй, тоже назову своим учеником, как и Володю Щербинина, хоть и начинали они заниматься не у меня со школьных лет.

Бондаренко Светлана Ивановна (1957). «Трудный ребёнок» из интер-

ната. «Правильная вредина и зануда», эта бывшая в 1973 году учащаяся 371 школы. После школы окончила геофак МГЗПИ. Живёт на ул. Изумрудная в Лосинке. Сын Антон – юрист, и тоже турист. Ходила со мной: январь – Приэльбрусье; Абхазия – весна в снегу перед Приполярным; Приполярный Урал – по Печоре вверх до Аранца и до Сабли с Мариком Ривкиным, Аллой Пыниной, Сергеем Мочарным, Сергеем Балашовым; Тунки IV к.с. с Погореловым Эдиком (скончался), Алтай. Уже в первый год после 10 класса работала (сразу!) туроргом Ворошиловского района, назначил Куликов В.М. Потом в СЮТуре – до прихода Ярошенко; далее – зав. методическим кабинетом самостоятельного туризма Московского учебно-методического центра ИПК РТЭО (на Киевской, 22). Всё время помогала и помогает детскому туризму.

Маркин Анатолий Александрович (1958). Учитель биологии, географии в школе № 380. Одно время был директором этой школы. Сын Саша в 11 классе, дочь – в интернате. Как слушателя туристской школы ВТП–СИП водил его в Восточные Саяны (IV к.с.) от р. Кан через г. Пирамида – на истоки р. Агул, водопад Кинзелюк и далее на р. Казыр и В. Гутару. В том же походе были у меня Фролов, Панин, Свешников, Смирнов, Сидорина и Распутина Ирина.

Сухарев Сергей Валентинович (1958). Учитель школы № 366, биолог-географ. Бывший директор школы. Преподаёт в налоговой академии.

Сухарева Екатерина Платоновна (1958). Историк. Дружат с восьмого класса. Деточки у них на «А»: Аня и Антон – туристы с детства, чудные

ребёнки.

Лаврухин Александр Иванович (1967). Школа № 371. Украина, Приполярный Урал, Кавказ, Крым; с 1974–2002 года.

Лаврухина (Гаврилова) Татьяна Борисовна (1960). Ученица с 1 по 10 класс в школе № 371. Медучилище. С 1973 года: Кавказ, Зимняя Карелия, Украина, Карельский перешеек (лыжный), Баксан (лыжный), Южный Урал в 1975 году, Приполярный Урал. С детства чудный ребёнок – это осталось на всю жизнь.

Перова Ирина Петровна (1963). Училась у меня в НТП (Адыгея–1982), и СТП (Хибины–1982). Окончила истфак МГПИ. Экскурсовод музея Ново-Девичий монастырь. Вторник – общий выходной, по утрам работает в будние дни, а в воскресные – по вечерам. Чугунные ворота (Кузьминки). С детства чудный ребёнок. Сын Андрей – 2-й класс (2002–2003 уч. год). Поёт 4-й год в хоре «на Стопани». 2005–2006 – уже 5-й класс. Муж Андрей Андреевич руководит детским компьютерным клубом. Вся семья путешествует по России.

Сапрунова Ольга Николаевна (1963). Одноклассница Вадима Шахновича. Училась во второй французской спецшколе. Учитель биологии и химии, ПДО по туризму в центре «Россия Молодая» ЦАО. В «Горизонте» с 8 класса: Хибины, Крым, Карпаты, Кавказ, Алтай, Саяны, Тянь-Шань. Обучалась в СТП, ВТП, СИП. С детства чудный ребёнок, в переходный – чуть чудила. Собственные дети, а их трое – тоже туристы и педагоги дополнительного образования при центре «Россия молодая» ЦАО. Готовит кадры. Руководство похода-

ми в разных регионах у этого учителя биологии. Как ПДО воспитала десятки инструкторов детско-юношеского туризма.

Шахнович Вадим Игоревич (1963). Учитель физики, инструктор пешеходного туризма, член городской МКК. В «Горизонте» с 8-го класса. С детства чудный ребёнок, но сложный, так как очень умный. Из-за этого в детстве были конфликты с одноклассниками. Готовит кадры педагогов, руководителей походов в округе у Н.А. Костерева и в МосгорСЮТуре. Выполнил норматив Мастера спорта по туризму. Методика «Горизонта» принята: уважать, никого не выгонять (кому надо, тот сам уйдёт – шутка, конечно!)

Максимова (Фаворина) Ольга Викторовна (1965). Сыновья: Евгений (1982), Николай (1990), Пётр (1997–?). Занималась в «Горизонте» в 1979–1980 г.г. Прошла много походов: Черниговщина (1980), Восточный Саян (2001), Хибины (январь 2002), Байкальский хребет (август 2002). Написала мне, 70-летнему юбиляру, пожелания (16.11.2002): *«Ту школу жизни, которую я прошла под Вашим руководством, не заменит ничто. Спасибо Вам за Вашу мудрость, хитрость, здоровый авантюризм. Сил Вам, здоровья, хороших и добрых людей вокруг. Люблю, люблю, люблю...»* Школьная дружба учеников школы № 836 Фавориной Оли и Максимова Саши переросла в любовь. Теперь у четы Максимовых трое детей. Евгений в 2001 году окончит 11-й класс школы № 1167, в этой же школе учится его брат Николай, в 5-Б классе. Младший сын Пётр пока дошкольник (3,5 года) и не пробует курить, как

это делает средний брат «Колянчич». Максимов Евгений Евгеньевич будет поступать по стопам отца, полковника Генштаба, в Петербургскую Академию связи. Младшая сестра Оли – Маша, которая в детстве тоже ходила с нами в походы, имеет сына-дошкольника. Она менеджер связи, распространяет средства коммуникации и очень довольна своей беспокойной работой. Отменная шпана в детстве была: брала «на понт» и «на глотку».

Селезнёва Анна Николаевна (1966). НТП, СТП, дочь друзей Петрушкина Володи. Закончила МИРЭА: кибернетика, факультет медицинского оборудования. Очень сложный и трудный по жизни человек. Конец 1980-х годов: Северный Кавказ, Хибины. Дочка Маша с раннего детства в «Горизонте», КМС по ориентированию с Димой Никифоровым (не путать с Ю. Никаноровым), горные лыжи.

Монахов Алексей Алексеевич (1967). Туристский организатор Калининского района Москвы. Его жена – Романова Александра Львовна, Саша. Оба из Сокольников. В «Горизонте» с 6 класса школы № 366, с детства чудный ребёнок. Ходил со мной на Горный Алтай (1985). Потом руководил походами III к.сл., участвовал в походах V–VI к.сл. Сын Ярослав – тоже турист «Горизонта», прошёл Кавказ, Хамар-Дабан, Хибины, Байкальский хребет. Вся семья продолжает заниматься туризмом.

Алхутов Сергей Михайлович (1968). Шпана конченная: билась с ним и школа и пионервожатая Лена Васильева. Биохимик, учитель школы № 1142 в Люблино. СТП 3-у Западный Кавказ; Лыжный 1-рук; Ха-

мар-Дабан. В «Горизонте» с 9-го класса, Западные Саяны, старший(?) инструктор. Пишет статьи в какую-то Энциклопедию. Ко всему ещё поэт и художник, за спиной которого и музыкальная школа.

Дзвонковский Сергей Леонидович (1969). 1-я спецшкола в Сокольниках, у пожарной каланчи. В Саянах–1984 был командиром. Живёт у метро «Автозаводская», ул. Трофимова.

Посохина (Арсентьева) Юлия Валерьевна (1968). Старшая пионервожатая школы № 366. Подмосковье 1982–1985, Кавказ–1983 и 1985 г.г. НТП, СТП. Дочь Дарья – копия мамы в детстве, была – один в один, с теми же выкрутасами. Занималась в «Горизонте», участвовала в походе на Байкальский хребет в 2003 году. Сейчас – студентка. Все ходячие туристы и горнолыжники.

Рождественский Андрей Борисович (1968). ПДО отдела туризма в ДДТ СВАО. Делает с детьми сложные дальние походы, хорошо учит детей. Схлестнулся с ними в Северобайкальске, в 2003 г.; видел их пришедших с Чары. Был шпана и [...] с детства. [...] В походах ему помогает биолог школы Алхутов Сергей Михайлович.

Герасимова (Малофеева) Мария Викторовна (1969). 315 школа, в 1983 г. училась в 7-а классе. С детства чудный ребёнок. Отец – военнослужащий, мама – геодезист и «пушкинист». Братик Павлик тоже учится в Сокольническом районе, в походы ходит вместе с сестрой. Походы и полученные там знания о Кавказе, Хибины, Карпатах, Западных Саянах и других районах, пригодились ей как учительнице. Маша лауреат городско-

го конкурса «Самый классный классный». В той же школе № 315 учились (до Маши) и мои туристы чуть постарше – Мочарный Сергей, Комарова Наташа, Воронина Оля, Игонин Дима, Волкова Таня (в 1972–1973 годах), а потом – Цыплакова Катя, Белокоскова Катя – целая моя там плеяда выросла.

Семёнов Максим Николаевич (1969). В «Горизонте» с 6 класса. Одноклассник и друг Дзвонковского. Саян–1984 (завпит), Хибинь–2004 с собственными детьми. «Сёма» сломал зачем-то ключицу и лопатку при подъёме на перевал Ферсмана в Хибинах (июнь 2010 года) во время одиночного хождения. Теперь ходит с большой детской группой вместе с товарищами-педагогами. Крупный специалист по финансам (КРУ). Дочери: Настя перешла в 6-й класс (2004) и Оля (ей три года).

Смолин Кирилл Александрович (1969). Звался «Поручик Федотов». С 7-го класса школы № 364 (1983 г.) у меня в Сокольниках в «Горизонте». В Саянах 1984 был зав. снаряжения. Имеет опыт горных походов высших категорий сложности. Ныне «деловой человек», сам катит на тачке и маме – Елене Игоревне – «Мерс» подарил. С детства чудный ребёнок.

Забудская Ирина Михайловна (Якшина Ира, 1969). Школьница-туристка «Горизонта»; старшая пионервожатая – туристка «Горизонта»; учитель географии – туристка «Горизонта»; организатор внешкольной работы, на данный момент уже много лет – директор школы № 1688 (836), но остаётся приверженцем идей, что с детства получила в спортивно-туристской секции «Горизонт» ПИФа. Была «трудным ребёнком» из благо-

получной семьи, но тихим. «А в тихом омуте...», – сами знаете... СТП, ВТП, СИП Сютур, Кавказ, Хибинь, Карелия, Приполярный, Южный Урал. Школа занимается военным поиском. Её младший брат Алексей. Этот с детства чудный ребёнок теперь руководитель сложных походов (вода V–VI к.сл.)

Такое часто бывает, следуя поговорке «с кем поведёшься от того и...» (нахвататься!), когда наши ученики сами становятся учителями, и продолжают наше общее дело. Так, в нашем ВАО: Тымко Н.В., Сидорова И.А., Зобина О.А. – воспитанники турорга Перовского РДП Каменецкого Юрия Авсеевича. Тот в свою очередь – воспитанник Ярошенко В.В., у которого в это же время учениками были и Авдеева Вера, и Яковлев Женя, и Гайлит Ира, и Коля Костерев, и длинный ряд ставших инструкторами-профессионалами, которых некоторые теперь называют «патриархами детского туризма». От Славы Титова с детьми занимается Галина Перепёлкина, у которой самой из учеников выросло несколько ведущих московских педагогов-туристов. Воспитанник В.В. Титова – Громов Володя. В 1963 году он был в моём отделении школы инструкторов «Спартак» в лыжной Карелии, а летом 1964 года у меня в другой уже школе инструкторов «Спартак» были Манучаров и Кусикова Галя. На экскурсии по улицам Москвы автобус загорелся и учитель Манучарова Галина Анатольевна, спасла детей, а сама обгорела. Вот они, скромные герои среди нас! У Манучаровых дочь – педагог, воспитывает через туризм подрастающее, как говорят, поколение. Их много, но вре-

мя идёт, и ряды их редуют. Спешить надо, пока ещё не поздно подготовить смену, если чиновники от педагогики дадут это сделать, понимая значение ТКО, ТКД, ТКР. Но бюрократ от педагогики никогда не сможет оценить, ни воспитательного, ни образовательного, ни оздоровительного значения туризма, как педагогической категории... или педагогического метода? или ещё чего-то там... «жаль, что слаб в теории...» – очень к месту эта строчка из песни про «Аксинью». Однако я отвлекся...

Кутузова Анастасия Михайловна (1971). С отличием окончила медицинский и юридический. Настя – старшая дочь Кутузова Михаила Ивановича (1946), который с Рогальским на Восточном Саяне для МЧС ставит аварийные буи КОСПАС. Палец в рот не суй этой девице (откусит). А была не хуже «Камы» – Каманевой Марины Ниловны, той самой, что выгнал Титов с треском из своей группы вместе с Таткой и Володькой Уткиным за курение, и всего лишь за пререкания. У Титова в группе всегда действовало правило: «Я начальник, ты – дурак». Про этот принцип я ещё приведу ниже пример из житейской педагогики. А я взял их к себе в «Горизонт» и продолжал с ними работать, чем Вячеслав Васильевич был оскорблён, и один год мы даже не общались из-за этого. Настя продолжает горные походы в качестве медика.

Архипов Михаил Юрьевич (1973). Турист с детства, чудный ребёнок. Горный туризм, окончил МВТУ. Мама – Наталья Владимировна (1950), тоже из «Горизонта», в школе 371 немного занималась туризмом – Хибины, Карпаты. Результат – рефе-

рент, заместитель директора по науке ИГРАН (Старомонетный, д. 29, метро «Полянка»). Там же работает Десин Лев Васильевич (который открыл перевал Шокальского) и Русское Географическое общество.

Попова Татьяна Игоревна (1974). Место рождения гор. Москва – моя младшая дочь, участница похода по Хибинам, но предпочитает цветущие регионы – по профессии цветовод-декоратор. С детства чудный ребёнок.

Попов Денис Евгеньевич (1978). Старший сын Жени Попова, который погиб на велосипеде под самосвалом на мосту через Язу на Преображенской площади. Педагог-географ в ЦАО.

Попова Ольга Владимировна. Моя первая внучка. Имеет туристский опыт 2-р пеш., на Кольском. Первый разряд, лыжный, Подмосковье. 12 октября 2005 г. родился сын, внук моей дочери и мой правнук Сергей. Тимофею три года в 2012 году. Внучка Оля по диплому «менеджер по культуре и туризму» и бывшая сотрудница «Родины» – экскурсионный отдел (зав. отделом Воронина – Тайдакова).

Игонина Анна Дмитриевна (1983). Дочь Игонина Димы и Волковой Тани (врача-кардиолога). Учитель иностранного языка школы № 316 в Гольянове. Пришла в 18 лет в школу учителем – сразу со школьной скамьи. Теперь – «Учитель года». Преподаёт в 10–11 классах. Ведёт информатику, а в педагогическом институте – английский.

Крылова Екатерина Евгеньевна (1988). Сознательная жизнь началась уже не при «развитом социализме». Южный берег Чёрного моря; Хибин (январь 2002); Байкальский хр.

(II к.сл., август 2002), зимний тур-лагерь «Алоль», потом с Ольгой Фавориной в район Малого Вудьявра; в июле 2003 – Приполярный Урал, самостоятельно ими самими организованный, где получила черепно-мозговую травму, спасая двух товарищей на переправе реки Кожим. Там перевернуло Урал-ЗИС гружённый тяжёлыми мешками с пьезокварцем. Девчонке удалось выкинуть из кабины водителя и своего товарища. И поэтому на Алтай с Любой Монич не пошла в августе того же года, в сентябре ещё продолжают лечебные процедуры. Но уже 30.07.2004 они ушли на Западный Саян, в Ергаки, и сплавом по р. Мане с Любой Монич, её братом, Костей, **Анохиной Женей** из «Горизонта». Анохина, кстати, кандидат педагогических наук, преподаватель в Академии физической культуры и спорта.

Шнейтер Женя – режиссёр театра, окончила Щукинский. Поступила во 2-й медицинский институт (лето 2005). Стала врачом (2011), хирургом. Работает в 20-й больнице. Нам в школах инструкторов туризма читает лекции и проводит практику по медицине.

Авдеев Александр Васильевич и его жена **Гарнага Лена** начинали ходить в походы ещё учениками школы № 836 (сейчас у неё № 1688). Теперь работает учителем математики и заместителем директора школы № 347 на «Щелчке». Во внеклассной работе всё время использует туризм и экскурсии.

Михайлова Дарья Андреевна (1988). Она из г. Королёв, ул. Военных строителей. За поступление на геофак в июле 2005 надо вручить ей «Энциклопедию туриста». В 2010 г. окончи-

ла геофак по специальности «учитель географии со знанием английского». Инструктор детско-юношеского туризма, активный помощник «Горизонта». В пединституте английский язык преподавала им Анька Игонина – после уроков в школе № 316! Это тоже моя ученица.

Назаров Алексей. Настройка компьютера и вело!!! Шпана с Преображенки.

Глаголева-Каменева Маша и её муж Саша, учились в школе № 380. Сейчас занимаются коммерческим экстремальным туризмом по всем континентам планеты. Для детей путёвки только по РФ, очень дёшево. Четыре собственных ребёнка в походе чувствуют себя как дома.

Попов Алексей Игоревич (1968), инструктор горного туризма. Это мой единственный сын...

28 мая 2003 года от Веры из школы № 1130 на Осенней, дом 8. Едем в Бородино. Ольга Владимировна Вороненко передаёт подробно. Заезд в 11:30 от площади у метро «Крылатское», где памятник защитникам неба. Автобус будет там. Учитель Волкова (Волхова) Надежда Григорьевна (1965), историк (номер телефона). Класс – 10-й, который недавно изучал Бородино... (стоимость). 10-е классы. Историчка и математик. Математичка восемь лет в школе, Татьяна Витальевна (1954). Родители были туристами, сама из инженеров (связь – волноводы, СВЧ полосковая и щельевая), интересная работа. 2002 год – серебряная свадьба, муж горный турист альпинист, Андрей Георгиевич. Коновалов Борис Осипович, летом пойдёт по воде через заповедник Каргополь – Пудож. Сама экскурсовод по Кремлю

и в пределах Красной площади. Дочь Анна – специалист по Китаю, сама мама. Пойдёт на Селигер, в водный поход. В музей «на халяву», как просила провести по входным билетам Метленко, не удалось попасть. Взрослые – 21 руб., школьники – 11 руб. 50 коп. $472,50+42=514,50+85,50$ сдачи = 600 руб. Но в Перхушкове и Вязёмах по одной экскурсии самостоятельно провёл, и от Бородинского поля дети «тащились». Уже в пределах Москвы случайно выяснил, что «историчка» – бывшая моя ученица по школе № 371 Анненкова Надя, а потом работавшая там пионервожатой. Видимо, её младший брат Андрей у меня тоже занимался. Надина дочь подарила ей внука Ваню. На Молодёжной высадили. А 9 июня от математички Ханкевич Татьяны Витальевны (1954) получил письмо с тремя фотографиями, и с просьбой о дальнейшем сотрудничестве, её адрес..., и телефон домашний... звонить до 23 часов. В Мурманске в СТП МосгорСЮТур. Внук Андрей (1997) – все ходячие туристы.

Братья **Бабенко Володя** и **Максим** – ученики **Жени Попова**. Володя погиб в горах. Максим женился на старшей дочери моих учеников **Тани Волковой** и **Димы Игонина** – Екатерине, кардиологе, которая и диссертацию защитила, и дочек ему родила. Все ходячие туристы и горнолыжники.

Практически помогает **Сорокина Мария**, с 5 класса. Медсестра в 20-й больнице. В 10 классе перестала ходить в походы, боялась: «А вдруг ребёнка не рожу из-за рюкзака?» А у её старшей сестры – двое детей, и ничего: ходит в горы, врач-травматолог. «Дура, ты, Машка», – говорит. Всякие Кавказы, Хибины, Западный Саян,

Алтай, думаю не зря она прошла, если так серьёзно думает о детях. В 2011 году вышла замуж.

Рыбаков Алексей Михайлович. Зав. кафедры МПГУ худграф, и у Бунимовича в школе замом. Нина Петровна, Алексей – художественнаяковка. Настя (Коркина), четверо детей, все в походах. Адрес: ...

Итоги:

Многие мои воспитанники из «Горизонта» занимаются сейчас со школьниками профессионально, но и они уже в предпенсионном и пенсионном возрасте.

Многочисленных педагогов, что занимались у меня туризмом на семинарах СЮТур и районных клубов (НТП, СТП, СИП и ВИП), я не включил в список «своих» учеников. Их готовил кто-то до меня, и я не имею права их приписывать к своим ученикам. У меня же они просто повышали квалификацию. «Свои» – это те, кто со мной в «Горизонте» с детства. Вот те из них, кто продолжает работать с детьми в туризме и сейчас:

Харин Павел Вячеславович (МосгорСютур); Шахнович Вадим Игоревич (Вторая школа); Калабухов и Короткова (школьные учителя); Рождественский Андрей Борисович (ДДТ в СВАО); Алхутов Сергей Михайлович (школьный учитель-энциклопедист и поэт); Балашов Сергей Михайлович (ПДО), Гарнага Лена (347 школа), Курбатов Юрий Дмитриевич, Сапрунова Ольга Николаевна (ПДО); Цыганова Татьяна Афанасьевна – [и ещё] сотни воспитанников.

Конечно, кого-то из педагогов я пропустил, простите за отсутствие памяти (конечно, сейчас даже начинаю вспоминать туристов-педаго-

гов, что забыл, не включил в список учеников). Но если из них осталось на настоящее время хотя бы десять работающих педагогов – туристов профессионалов – и они за свою «туристскую жизнь», будем считать, что четверть века, воспитали и перевоспитали туризмом хотя бы по двадцать детских судеб, (это, меньше, чем по одной в год) то получится $10 \times 25 \text{ лет} \times 20 \text{ детей} = 5.000 \text{ детей!}$ [Прим. ред.:

в математике И.Ф. «слегка» ошибся, раз в 20 примерно]

Даже не верится, что так много могут сделать всего лишь десять человек!

24.10.2012 г.

Фото – из личного архива И.Ф.Попова

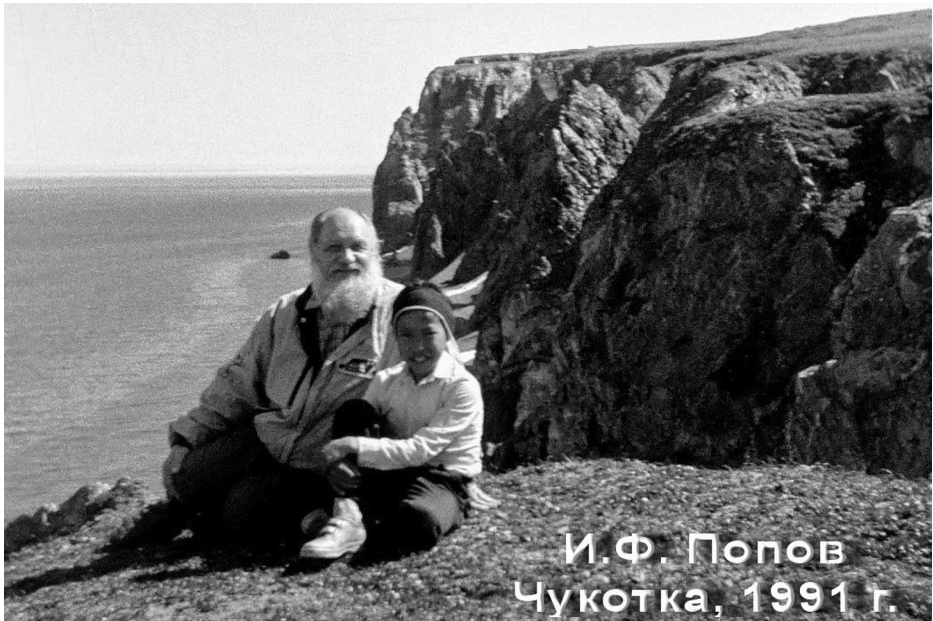
ПОПОВ ИГОРЬ ФЁДОРОВИЧ

ПРО ЧУКОТКУ

(1991–1994 гг.)

Меня часто спрашивают про Чукотку: как я туда попал, как «мотал срок», про местных жителей, про село Уэлен, про связь с Москвой и про

всё остальное. Расскажу... На самом деле всё очень просто. Надвигается старость. Значит, грядёт пенсионный срок. Правительством он рассчитыва-

**И.Ф. Попов
Чукотка, 1991 г.**

И.Ф. Попов. Чукотка, 1991–1994 гг.

ется на 19 лет, но от выхода на пенсию в 60 до 79 доживают только единицы.

Жена, работающая в школе учителем, ворчит: «Вот, был учителем – получал нормальную заработную плату. Стал начальником в отделе туризма, и я тебя и твоих трёх детей должна кормить». Достала вусмерть моё мужское начало.

И то правда, ведь пенсия зависит от заработка. Принцип социализма «от каждого по способностям, каждому – по труду» никто до 1991 года ещё не отменял. Но пенсия не может быть более 120 руб. + 10% = 132 руб. Минимальная ставка по стране медикам и учителям – 60 руб. 00 коп. в месяц. Работая учителем в школе, за 1 ставку при стаже свыше 40 лет и высшем образовании я получал 170 руб. а за полторы ставки – 255 руб. в месяц.

Когда перешёл на работу «начальником» – туроргом района – стал получать намного меньше: 125 рублей, а за 1,5 ставки – только 187 руб. 50 коп. Пенсия – 40% от зарплаты.

Пенсия мне, как учителю была бы положена 102 руб., до максимума явно не дотягивает. А как туроргу всего (!) Куйбышевского района мне будет положено всего лишь 75 руб. в месяц. А как учителю – можно было бы и 132 руб. иметь. Разница $102 - 75 = 27$ руб. в месяц была существенна. На эти 27 рублей можно было в общем вагоне поезда ежемесячно сделать три поездки от Москвы до Питера (9 руб. x 3 конца = 27 руб.). А там – сходить в Эрмитаж, или в Русский музей, или на балет. За те же деньги на рынке можно было купить по 20 коп. за килограмм более 100 кг картошки; или 100 батонов белого хлеба по 1 кг; или более 10 кг

говяжьего мяса дополнительно; или молока купить: даже сейчас, в 2012 году, на пакете молока ещё пишется кое-где советская цена 1 литра – 36 копеек. На 27 рублей можно было купить – 75 литров молока! Стущёнка для походов – 55 коп. за банку – получилось бы 49 банок.

Оставался один путь – уехать учительствовать на Север, где зарплата с коэффициентом. В «Учительской газете» был объявлен конкурс на замещение должности учителя географии в школу-интернат художественного воспитания в районе Крайнего Севера, в посёлке Уэлен на мысе Дежнёва на берегу Тихого и Северного Ледовитого океанов, в Берингове проливе. С соседней сопки там виден берег другого материка – Северной Америки, Аляски, которая когда-то принадлежала России, а сейчас – США. Решил участвовать.

Подумал: дети выросли. Елена замужем, двухкомнатная квартира на неё получена, работает инженером метеорологом для нужд авиации. У неё растёт моя внучка Оля. Сынок Алексей получил специальность железнодорожника, отслужил в армии, работает учителем информатики. Младшая Татьяна после школы учится по любимому делу на цветовода-декоратора. Ей уже 17 лет, считай, на носу – совсем взрослая стала.

Решил: поеду, дети выросли и при деле. А зарплата в том районе Крайнего Севера – самая высокая: двойной коэффициент с увеличением через каждые полгода на 10%, так что на достойную пенсию должен буду заработать к концу трёхлетнего срока.

В зимние каникулы 1990–1991 учеб-

ного года мы с Сергеем Леонидовичем Дзвонковским ходили в пеше-лыжную «единичку» (1 к.сл.) на плато Лагонаки. С восьмиклассниками-новичками из 917 школы в снежную метель встречали Новый Год. Это был мой последний поход перед отъездом на Чукотку.

Перед самым Новым Годом, прямо из Майкопа, отправил по почте документы на Чукотку. Работаю и жду решения комиссии. Победил в заочном конкурсе и получил приглашение. Вызов пришёл в феврале 1991 года. Мой «серый кардинал» в отделе Куйбышевского РДП Серёга Фролов по этому поводу закатил начальству истерику из-за того, что я уезжаю. Требовал немедленно повысить мне зарплату (я получал с сентября 1990 г. 375 рублей). Но в феврале 1991 серебристая машина всё-таки вылетела из Домодедово...

Приземлился в Магадане, потом долго летел до Анадыря. Там долго сидел, ждал лётной погоды в столице Чукотки. То же самое повторилось в аэропорту бухты Святого Лаврентия, а уже из Лаврентия вертолётном пограничников меня доставили в Уэлен. В иллюминатор видел, как идёт по маршруту Чукотка (СНГ) – Аляска (США) женская группа лыжниц «Метелица». А в ней участницей была Вера Петровна Авдеева. Это конец февраля 1991 года, мне было тогда ещё чуть меньше 60 лет было...

Так что с конца февраля 1991 г. – новые фамилии учеников, которых обучал, воспитывая (или воспитывал, обучая), в самой восточной точке материка Евразия, в Беринговом проливе, между Тихим и Северным Ледовитым океанами.

Учебная нагрузка в Уэлене была

небольшой. Вёл географию и новый предмет ОБЖ, что вместо НВП. Из девяти месяцев 1990–1991 учебного года у детей пропало шесть месяцев – не было учителя. Я в тот год учил их фактически только три месяца – март, апрель и май. За это время пришлось «прогнать» в 10 и 11 классах трёхлетнюю программу по географии, чтобы предмет вошёл в аттестат зрелости. До меня там делали прочерк, а из-за этого прочерка в аттестате зрелости детей потом не принимали в экономические вузы. Прихватывал для этого и часы от ОБЖ.

С другими классами легче: за три месяца восполнили пробел в предыдущих знаниях и прошли текущий курс. А на следующий год закрепили и выправили пробелы в знаниях всего курса географии, так как до меня географии у детей не было целых три года (не было учителя).

Пришлось, как и всем, быть в интернате воспитателем. Вёл группы ОФП со специализацией ОБЖ. От районной Детско-юношеской спортивной школы (ДЮСШ) вёл секцию пулевой стрельбы. Два года мои ученики держали первое место по стрельбе в Чукотском районе. Я, ещё учась в Ленинграде, окончил школу снайперов в Смольнинском спортивно-стрелковом клубе, выполнив норматив мастера спорта. Но оформлять это звание не стал. Это была командная лыжная гонка с контрольным весом 10 кг, на дистанцию в 30 км, со стрельбой на 300 м из тяжёлой боевой винтовки с открытым прицелом, стандарт $3 \times 20 = 60$ патронов по 20 – лёжа, стоя, с колена.

Для молодёжи села Уэлен создал спортивно-туристскую секцию. Среди

жителей Уэлена и Лаврентия нашлись работники образования, торговли, медицины, строители, сотрудница КГБ, военнослужащие, сотрудники полярных станций – имевших соответственный опыт в пешеходных, лыжных, водных и горных походах.

Для разрешения открытия своей районной маршрутно-квалификационной комиссии (МКК) летал в Магадан, потому что в столице Чукотки – Анадыре и знать не хотят ни о каком туризме, особенно среди чукчей и эскимосов. Магаданская МКК дала полномочия своей дочерней Чукотской районной МКК (шифр 139-04-01-2322000). В Уэлене готовил инструкторов туризма и из местных, коренных жителей. Разработал несколько пеше-горных и водных маршрутов. Дети с удовольствием ходили по ним, а пограничное начальство мешало мне, предлагая для этого бронетранспортёр.

Пока был там, систематически проводил походы для англичан, «американов» и разных прочих шведов за доллары. Они там ценились дорого: 1 доллар за 2 рубля. А давали их разные турфирмы – для походов на горячие источники среди снегов и горных хребтов. Экзотика – раздеваться на сильном ветру. Водили их также на мыс Дежнёва, по побережью. Летом на рейде бросали якоря теплоходы «американцы», и с них на вертолётах и лодках сразу по 12 человек высаживались туристы-иностранцы. Вот я и учил местных школьников азам коммерческого туризма. А для этого им надо было всего-то просто знать свой родной край, самую восточную точку материка Евразия. Да и взрослые парни, и мужики, стали прислушиваться к

нашим занятиям.

Выбрали меня в Совет Старейших, что очень почётно, был единственным в нём европейцем. А так как семья осталась в Москве, то всё время отдавал детям, что были моими учениками. Купил пишущую машинку с длинной кареткой, писал задания на ней для уроков, методическую работу по новому предмету ОБЖ для Севера. В Анадыре моё авторство присвоил заведующий методическим кабинетом, «перец» из Западной Украины. Потом разобрались, приглашали переехать в ихнюю столицу начальником. Отказался, сказав, что буду сельским учителем, как моя Мама, с детьми мне общаться интереснее. Эту методичку потом издали в типографии для школ Крайнего Севера. Приезжал в Москву, на совещании в Министерстве просвещения делал доклад. Работу признали заслуживающей к распространению. По вызову прилетел на семинар в Магадан, а там сменили сроки, глядишь – почти месяц в запасе. Летал на Сахалин и Камчатку, питался и жил в местных СЮТурах, и в походы со школьниками ходил.

Многие мои друзья и ученики писали мне в Уэлен письма, чтобы я там не скучал, и «не притух». Письма были с каждой почтой, что по графику приходила по средам. Вертолёт же не летит в нелётную погоду, а она очень часто такой бывает: то в Лаврентии, то в Инчоуне, то в Уэлене, то одновременно во всех этих начальных и конечном пунктах. Вот и сидят люди на Северах месяцами в аэропортах, ждут лётной погоды. Когда летал в Магадан, то оттуда назад в Уэлен попал через остров, который напополам разделяет 180-й

меридиан. Этот остров ещё является там «роддомом» белых медведей, а второй родильный дом у них в скалах за Уэленом. И «прут» медведицы прямо туда, к весне, через посёлок. Да так, что начальник местной погранзаставы приказывает светом прожектора отгонять их от нашей косы (на которой Уэлен стоит).

Летом 1992 г. прилетал с Чукотки в Москву в отпуск. Сходил во ВФД № 4 что на Преображенке. Там делали мне

велоэнергOMETрическую пробу. Так я катался на велосипеде с датчиками для ЭКГ и другими проводками. В Бакулевском успел прооперироваться у Тани Волковой и рядом там же [ещё кое-что подлечить]. Лёше Харченко дал адресок, и тоже на Чукотку, куда сманил его я по просьбе заведующего Чукотским РОНО.

Публикую заявление на продолжение моего питания в интернате, там интересные детали про мою жизнь в Уэлене есть:

И.о. директора Уэленской сельской средней школы-интерната художественного воспитания тов. Петровой

Пред. профкома школы-интерната учителя географии УСШИХВ Попова Игоря Фёдоровича

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Прошу Вашего разрешения поставить меня с 1 декабря 1992 г. на довольствие в столовую школы-интерната в следующие 4 дня в неделю: понедельник, вторник, четверг и пятницу. Оплату питания гарантирую.

Аналогичным правом пользуются сотрудники Лаврентьевской школы-интерната. В райцентре Чукотского района, селе Лаврентия, с утра и до позднего вечера для жителей функционирует столовая, в магазинах более богатый ассортимент продуктов, да и по спискам нормативные продукты (сахар, яйцо, овощи и др.) продают в большем количестве, чем в Уэлене.

В феврале 1991 г. перед заключением трудового договора на три года директор школы-интерната т. Раскин С.М. гарантировал мне только комнату в учительском общежитии, а не квартиру для семьи; правда, с обстановкой и постельными принадлежностями и возможностью питаться в столовой школы-интерната.

Въезжать в маленькую комнатку с женой и младшей несовершеннолетней дочерью было не резонно, поэтому я приехал сюда один, оставив в Москве семью.

Через три месяца исполнится два года моей работы в Уэлене. Часть этого срока я питался в поселковой столовой, в интернате, кое-что готовил себе дома на электроплитке. Холодильника из Москвы я с собой не привёз, а без него трудно сохранить кое-какие скоропортящиеся продукты из тех, что иногда бывают в нашем бедном магазинчике.

Набор продуктов «генгуза» этого года не позволяет мне наладить хотя бы мало-мальски полноценное питание (желудок стал побаливать, ведь уже пошёл седьмой десяток лет мне). Поселковая столовая закрылась и не будет питать жителей, о

чём и по Чукотскому радио вещали. Уходить домой обедать и возвращаться потом в школу-интернат мне пока трудно: ещё в летнее время сделал хирургическую операцию на правой ноге, но воспалительный процесс ещё не закончился.

Поэтому прошу до конца 1992–1993 учебного года поставить меня на 4 дня в неделю на питание в столовую школы-интерната.

_____ (Попов И.Ф.)

Немного о людях, с кем пришлось там работать или общаться.

Группа юношей-допризывников, из них: школьников – пять (Ачивантин, Изотов, Кенкы, Михайлов, Эрмен); из совхоза – четыре (Уэлен: Рощенко, Вуквучайвун; Инчоун–Кенен, Нутевекет); из косторезной мастерской – пять (Иргутегин, Кулай, Нинель, Таёргин, Тиркитегин). Летал с ними в райцентр на медкомиссию, почти у всех диагноз один: [...] (там три стадии).

Потапов: учитель информатики; ему предлагали Анадырь, но «поезд ушёл», остался в Уэлене. Розетова: тоже осталась, сгорел единственный ж/б жилой дом, перешла в интернатскую комнатушку. Дровозовов Геннадий Николаевич: завуч школы; с уходом «дружбана» Валеры Долгоаршинных в Анадырь – школа эта стала уже не художественной, и процент прибавки к зарплате из-за этого потеряли. Его дочка учится в Анадыре. Присматривает Валерий, но усмотреть тяжело, особенно, если [есть проблемы личного характера]. Она учится совместно с дочерью Мытарева в художественном колледже. Вуквутагина Надя – тоже в Анадыре.

Мытарев: председатель колхоза, погиб в Нешкане, под вездеходом. Вера Келе: завуч начальной школы. Молотенко Лена: замужем в Кергелене. Янко: заслуженный художник РФ (умерла). Тулюкак стал вездеходчиком, милиционером не понравилось, и пра-

вильно. Рытхеу: написал новую книгу. Вышла его книга чукотских анекдотов, в которой реальные фамилии героев изменены на одну букву. Весной 2010-го «дружбан» был с Оноховым на ВДНХ, мы встречались. Он сказал, что Рытхэу «ушёл к верхним людям».

Губернатор Абрамович Роман Аркадьевич пристроил и родственников. Своим замом сделал сына Оренбургского губернатора, а заведующей ОКРРОНО – Дора Самуиловна [Полукшт?], которая благоволит моему «дружбану» за косатку, нарвала, моржа и пеликена на выставке против чертилки, получает всего-навсего в месяц лишь 10.000 долларов. Ида Лейбовна [Ручина, двоюродная сестра Р.А. Абрамовича – прим.ред.] в губернии отвечает за «Красный крест» с соответствующей зарплатой.

У Алексея Афанасьевича из Лаврентия старшая дочь в Одессе регентом церковного хора. Игорь (сын) – [...]. Мама – майор, там работала в КГБ. Козлова уже не заведующая РОНО, приехали какие-то «волонтёры» и её сместили.

Вот так далёкая Чукотка на 3 года стала мне близкой: с 25 февраля 1991 по 04 марта 1994 г. После трёхлетней командировки на Чукотку я по совету Вячеслава Васильевича Титова перешёл работать в Экспериментальный центр детско-юношеского туризма и экскурсий «Родина» Восточного округа Москвы, где и продолжаю трудиться в

поте лица своём, добывая хлеб насущный, пока что.

В Экспериментальном центре детского туризма «Родина» ВАО г. Москвы (руководитель центра – А.А. Остапец), где были и школы Гольянова, и семинары педагогов, проработал до выхода на пенсию. Трудовую книжку получил

на руки, уйдя «на заслуженный отдых» 1 сентября 2013 года, в возрасте 81 года. Общий трудовой стаж составил 64 года, педагогический – 58 лет.

2012 г.

Фото – из личного архива И.Ф.Попова

ПОПОВ ИГОРЬ ФЁДОРОВИЧ

ДРУЖБА И БРАТСТВО ИЗ БЕСЕДЫ С ДЕТЬМИ (ФРАГМЕНТ ВИДЕОЗАПИСИ)

Такая есть пословица русская: «Дружба и братство дороже богатства». Нам сейчас отовсюду говорят: «Деньги, деньги, деньги!» А, главное, есть и другая пословица: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей». Правда? И если каждый друг даст тебе всего по рублю, всего-то навсего, то у тебя будет и сто друзей и сто рублей! А уж если каждый по десятке даст, то и ещё больше! [Смеётся – прим.ред.] Понимаете? Дружба и братство – до-

роже богатства! И это – главное. Надо помнить об этом всю жизнь: и в классе, и дома, и в жизни...

2008 г.

Фото: И.Ф. Попов в Ловозёрских Тундрах Кольского полуострова с группой «Ёлки-Палки» туристского объединения «Горизонт»

– из личного архива И.Ф.Попова, 2008 г.

ИМЕНА – НА ВСЕ ВРЕМЕНА: И.Ф. ПОПОВ

ШАХНОВИЧ **Вадим Игоревич**, воспитанник детского туристского клуба «Горизонт» (руководитель – И.Ф. Попов), учитель физики, астрономии, информатики, IT-аналитик, фотограф, историк-любитель, путешественник, кандидат в мастера спорта по спортивному туризму, инструктор туризма

г. Москва

ХАРАКТЕР

Игорь Фёдорович Попов... Он никогда не мечтал о профессии педагога. В детстве, глядя по утрам в окно, маленький Игорь мечтал быть дворником.

Он получил семейное воспитание в лучших традициях старой русской педагогики. В лихолетье был наполовину детдомовцем, испытал все трудности военного детства. Ему повезло быть учеником воспитанников Антона Семёновича Макаренко. Фёдор Аверьянович Христофоров, директор их детдома, был человеком приличным. В эвакуации он помер от голода – его воспитанникам нечего было есть. Кто из сегодняшних начальников от педагогики может так защищать детей?

После войны пошёл по стопам старших членов семьи. Курсант мореходки: мечтал быть штурманом дальнего плавания. Его отчислили по болезни, сказали, что не сможет ходить. Учился и работал электриком железных дорог. Семейный доктор посоветовал заняться спортом. Увлёкся пятиборьем настолько, что стал одним из лучших спортсменов Ленинграда, участвовал в первенствах Союза. Но болезнь не ушла совсем.

Он не собирался быть туристом, но случайно попал в ученики к одному из организаторов этого сугубо отечественного вида спорта. Он даже не понял, почему его называют спортсменом? Всему этому его научило детство: война и эвакуация. Потом был техникум физкультуры и спорта, профессия педагога – как у матери. А ведь в детдомовской эвакуации он мечтал стать полярником – им каждый день давали шоколад.

Женился. В учительской семье денег было мало. «Шабашил» на лесосплаве в Карелии, впрочем, слово такое ещё не было придумано. Много лет подрабатывал инструктором на турбазах Подмосковья. Познакомился со «спартаковцами» и понял, что туризм – это не для заработков, и совсем не «лучший отдых». В ДСО «Спартак» прошёл множество маршрутов высшей категории сложности – с лучшими туристами страны. Десять лет ходил только со взрослыми – уже будучи опытным педагогом со стажем.

Понял, что нужны серьёзные знания, и в 32 года снова сел за парту. Стал учителем географии с высшим образованием. Только к 36 годам осоз-

нал, что имеет в руках мощнейший инструмент педагогической работы. Он не собирался быть туристом, но создал своё детское туристское объединение, чтобы в отрыве от благ и комфорта цивилизации показать детям настоящую жизнь.

Он учил их добру и ответственности: не за себя, а в первую очередь – за товарищей. Он не мешал ученикам ошибаться и экспериментировать. Помогал сделать правильный выбор в жизни. Показывал ученикам пример, и сам был честным и открытым перед ними. Позволял шутить над собой и не ругал: наглядно показывал, к чему приводят ошибки.

Он не изобрёл ничего нового. Отказывался считать себя лучшим. Коллеги-педагоги критиковали за неспортивность его туризма. Некоторые ученики обижались на недостаток техничности – и уходили в туризм высших достижений. А сам он и не собирался быть туристом! Одним из важнейших педагогических навыков считал умение создавать воспитывающие ситуации в повседневности. Учился этому искусству всю жизнь, но считал, что так и не выучился. Ему говорили, что он идёт на поводу у детей. Он отшучивался, отвечая, что штурманом всё-таки стал: только не дальнего плавания, а дальних путешествий. Ведь это именно за ним его ученики шли по тундре, тайге и горам, пешком и на лыжах. Карпаты, Кавказ, Урал, Саяны, Алтай, Приморье... Трудно найти место в России, где он не бывал.

Тайно гордился, что **целых два** человека, его воспитанника, открыто называют его своим Учителем. А ещё

один (третий) вслух не говорит, но всегда подразумевает это.

Он понимал каждого, с кем общался. Умел моментально находить общий язык с самыми разными людьми. С помощью всего одного пакетика чая сумел изменить систему финансирования питания школьников в походах. Если у его костра появлялся чужой человек, он сначала предлагал ему горячего чая. И только потом начинал расспрашивать. Когда рядом с его палатками другая группа ставила свои – он отправлял к ним ученика с ведром готового кипятка. Так уставшие путники могли быстрее согреться и отдохнуть. Каждую встречу он запоминал, записывал, старался сохранить приобретённую дружбу. Его легко понимали саамы и коми, тувинцы и алтайцы, буряты и чукчи. В 60 лет «сбежал» на Чукотку, и там стал по-настоящему «своим» для местных. Чукчи даже выбрали его в Совет Старейших – единственного европейца за многие годы.

Каждому он помогал сделать свой выбор. Его ученики стали геологами и врачами, инженерами и учителями... Больше всего он хотел, чтобы сохранялась преемственность. Он воспитал множество педагогов, которые сами стали водить детей в походы. Они тоже не собирались быть туристами.

После Чукотки многие стали называть его патриархом, а он говорил, что стоит на плечах гигантов и перечислял своих великих учителей: Ушинский, Лейцингер, Каптерев, Макаренко, Добкович, любимая Мама – Юлия Васильевна...

Невежество называл самым большим врагом людей. Сам учился все свои годы, и брал в помощь всё самое

передовое. Он сомневался и спорил: сам с собой. Не боялся менять себя, и учил этому учеников. Но перемен в стране не принял. Не внешне – сердцем не смог предать тех принципов, которые передала ему Мама и Родина. Так говорил он сам. И искал опору у классиков:

«Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости»

(А.С. Пушкин)

Есть люди, которые и сегодня критикуют его по разным поводам. А он говорил, что не сделал в своей жизни ничего недостойного. И что ему не за что краснеть. Я верю ему: рядом с ним прошло 40 лет моей жизни. А критики – пусть борются со своим невежеством или непониманием происходящего.

Восточная мудрость гласит: «Человеку в жизни необходимо только три везения – от кого родиться, у кого

учиться и на ком жениться. Всего остального он может добиться сам». С Учителем нам в жизни повезло. Он оставил нам самое важное: хотел, чтобы мы продолжали его дело. Костёр его души не погас: он в каждом из нас, его учеников. Все вместе мы храним тепло его сердца.

«Непогасший костёр» – так мы хотели назвать этот сборник. А он помог уловить очень тонкую грань, поправив словами Маяковского, своего любимого поэта: **Несгорающий костёр.**

Примечание (от автора): в этой «характеристике» использованы многочисленные слова, мысли и прямые цитаты самого Игоря Фёдоровича Попова.

2018 г.

Фото – из личного архива И.Ф.Попова (1977 год).

СЕЛЕЗНЁВА Анна Николаевна, ОРГАНИЗАТОР МАСТЕРСКИХ, МАСТЕР ОТКРЫТЫХ РЕМЕСЛЕННЫХ МАСТЕРСКИХ «Дом с наличниками» в г. Углич (МУЗЕЙ РЕМЕСЕЛ И ТВОРЧЕСТВА), ВОСПИТАНИЦА ТУРИСТСКОГО КЛУБА «ГОРИЗОНТ» (РУКОВОДИТЕЛЬ – И.Ф. ПОПОВ)

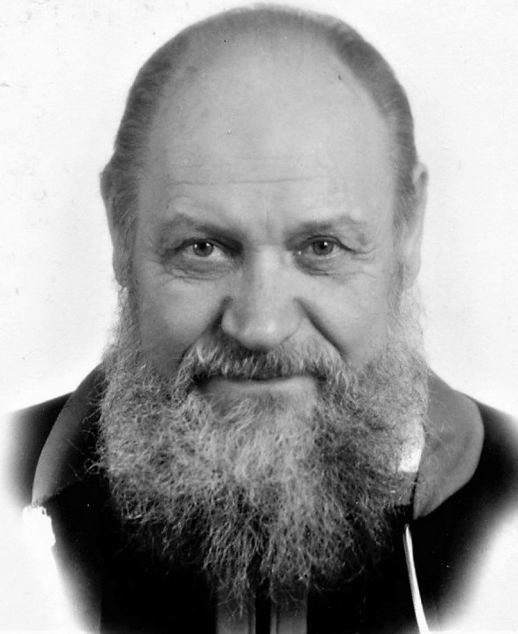
г. Москва – г. Углич

МИЛЫЕ СЕРДЦУ

Дорогой наш учитель и друг, Игорь Фёдорович! Как мы благодарны Вам за то, что Вы были в нашей жизни! Спасибо за Ваше приветствие при нашей первой встрече. Этими милыми

словами: «Здравствуйтесь, юный друг!» и «Здравствуйтесь, юная фея!» – Вы каждому человеку дарили радость, уважение, расположение, поддержку, хорошее настроение! С этих первых

слов Вашего искреннего приветствия мы влюбились в Вас, потому что Вы любили нас всех. Спасибо за Ваше спокойствие и неизменно радостное состояние духа, всегда и везде. С Вами было тепло, спокойно и безопасно: днём и ночью, под дождём и снегом, в городе и на маршруте, в палатке на голых мокрых камнях, и на ледяных спусках. Вы создавали такое спокойное осознание ситуации, что никто не нервничал, что бы ни происходило вокруг. Вы давали нам возможность ошибаться и учиться, быть самими собой и становиться добрее, терпимее, внимательнее. Вы всегда были рядом с нами. Вы ценили каждого из нас, любовались каждым из нас. Никогда Вы не сказали ни о ком плохого. Ваши знания истории, географии, умения и навыки выживания, тонкое знание природы, климата, ландшафтов были неисчерпаемы. Но лучше всего этого Вы знали про Человека, особенно – маленького человека, которому ещё только предстояло повзрослеть. Этим маленьким человекам Вы умели рассказывать так спокойно, тихо, неторопливо и интересно, что Вас слушали, даже самые заядлые болтуны, лентяи и забияки из них. Компания совершенно незнакомых и разных людей буквально за пару дней с Вами становилась дружным, внимательным и надёжным товариществом. Это было чудо! Вы давали мудрые и нужные советы как будто невзначай, слегка шутливо, без нажима, никого не принижая. Этих советов хотелось слушаться! Их любили и ими пользовались! Это такое редкое качество – внимательной и деликатной поддержки! Вы помнили

по именам и фамилиям тысячи детей, учителей, родителей, коллег, сотрудников музеев, школ, предприятий, клубов... У Вас это получалось легко, потому что все эти люди были для Вас по-настоящему интересны и ценны. Каждому из нас Вы подарили друзей, которые стали настоящими друзьями, нашей Большой семьёй на всю жизнь.

Однажды Вы пришли в жизнь каждого из нас... Спасибо за тот прекрасный и неповторимый день, у каждого – свой, с которого всё это началось! Сегодня Вас уже нет рядом, но нет и чувства потери. Вы стали частицей каждого из нас. Ваши слова мы помним, голос слышим и любовь ощущаем. Дорогой и любимый наш Игорь Фёдорович! Благодарим Вас за всё!

2018 г.

Фото – из личного архива И.Ф.Попова

МОЧАРНАЯ **НАТАЛИЯ** **АЛЕКСЕЕВНА**, ВОСПИТАНИЦА туристского клуба «Горизонт» (руководитель – И.Ф. Попов), врач-терапевт высшей категории

г. Москва

ПРОСТРАНСТВО ЛЮБВИ И СВОБОДЫ

Сегодня день Памяти Попова Игоря Фёдоровича. 12 июля 2016 года закончился его земной путь и начался Звёздный Путь (это я нашла у отца Александра Меня)...

А вот мои воспоминания двухлетней давности, 25 августа 2015 г.

Поздравляю с днём рождения Попова Игоря Фёдоровича – Заслуженного путешественника России! И мне нравится путешествовать, и я люблю Россию, поэтому мы – родственные души, и я беру на себя смелость кое-что вспомнить про те времена, когда мы были такими, какие сейчас уже у некоторых из нас внуки – они того возраста, какими мы были тогда...

Поговорим по традиции о любви к туризму, точнее к путешествиям, и просто о любви. Публично признаваться в любви к Вам мне ещё не приходилось, и я писала письма и вручала их Вам лично в руки. Последнее письмо было с цитатами А. Платонова о платонической любви, Агапе. По Ведическим законам она возможна на Земле (выше – духовная любовь) и, возможно, я верю в это, она длится за границами жизни – смерти.

Начнём сначала. Встретились мы весной 1969 года, и нам тогда было по 13–14 лет, а Игорю Фёдоровичу 37 лет. Кто он? Во-первых, руководитель туристского кружка. Во-вторых, педагог, – тот, кто ведёт за собой. Потом узнала, что его мать – учитель-словесник, во время войны заведовала детдомом, в который определила сына. Жена – учитель физкультуры, есть дочь, потом родился сын и ещё младшая дочь. Совсем недавно узнала, что рос без отца, – отец и дядя были репрессированы.

Итак, он пришёл к нам в шестой класс московской школы № 316 (её сейчас нет, как и любимого кинотеатра «Шторм»), и половина класса записалась в туристский кружок! Занимались мы по четвергам в Доме пионеров в Алексеевском парке. Место не случайное – территория Ново-Алексеевского монастыря, вместе с кладбищем, превращённая в детский парк со стадионом. Парк был огорожен забором из авиационных металлоконструкций. В бывших надстроенных кельях жили люди, там жил наш одноклассник Миша Моргенштерн (художник, сейчас живёт в Израиле)

На фото: И.Ф. Попов проводит полевое занятие с группой «Горизонт», 1969 г.

и любимая учительница по биологии Паола Робертовна.

Дом пионеров (временно, «Всё пройдёт» – было написано на кольце Соломона) занимал монастырский храм Алексия Божьего Человека, а наша туристская комната была за сценой в алтарной части храма. Это не воспринималось кошунством, ни тогда, ни сейчас – это было содеяно не нами, и потом я всегда знала, что это будет приведено в порядок когда-нибудь, когда будет надо. Так и случилось, в 1991 году два оставшихся от монастыря храма были отданы верующим, правда территория между ними была разрезана Третьим транспортным кольцом ещё в 1980-х годах.

Среди прочей туристской теории нам было сказано записать в свои тетрадки крупницы туристской мудрости, и первая из них гласила: «Дружба

и братство дороже богатства». Теперь я знаю, что это правда, и почти все мои друзья родом из того самого туристского кружка. Мы тогда были пионерами, а сейчас это объединение в дружные группы, теоретические занятия и походы по Подмосковию мне напоминают скаутское движение.

Подробнее об Игоре Фёдоровиче как педагоге. Действительно, ходить за ним след в след в походе было очень комфортно и удобно, – он всегда ориентировался на более слабого, а сильного ставил замыкающим. Комфорт ещё заключался в отсутствии в нём авторитарности, заорганизованности, в отсутствии спешки. Я это назвала воспитанием не «выпуклостью», а «выгнутостью», позже – воспитанием «пространством свободы». А ещё позже я подумала: а что если это пространство и есть пространство

любви?

Воспитание было нацелено не столько на результат, сколько на процесс. Иногда этот процесс назывался «слиянием с природой». Однажды зимой мы под руководством Игоря Фёдоровича не только построили иглу, но и заночевали в ней! Потом нас долго вынуждали признаться в том, что у нас были пуховые спальники, а мы всегда спали в одних футболках, но, правда, в групповых спальниках.

Походы Игоря Фёдоровича с нами всегда отличались безопасностью и надёжностью. Один раз на Кольском полуострове летом у нас заблудились ребята, но под утро нашлись. Не было также и серьёзных травм. Те, кто потом ходили в горные и водные походы высокой сложности, грешили тем, что принижали роль пешеходного туризма, говоря, что в нём нет мастерства, а только «бери больше и тащи дальше», или даже говорили, что его вообще нет. Они забыли о том, что сами когда-то начинали с детского пешеходного туризма, и что их мастерство начиналось с умения разжечь костёр в любую погоду, поставить палатку и сварить еду.

Да, Игорь Фёдорович брал всех в поход, никому не отказывал, поэтому группы были большими, с разновозрастным составом. Сейчас говорят, что он занимался «трудными» подростками, на что он отвечал: а разве есть другие? Нам он говорил: «Я спасаю детей от подворотни». Я по этому поводу вспоминаю слова, сказанные, кажется, о Визборе, что он спас целое поколение. Ах, милые моему сердцу романтики-шестидесятники! Как наше поколение благодарно им! Не-

возможно представить себе поход без костра и без песен у костра под гитару! Пели песни Окуджавы, Высоцкого, Визбора и др., одних только песен о дороге в нашем репертуаре было штук пять! Так и туризм, и романтика помогли войти во взрослую жизнь.

Из нашего туристского кружка и круга братства не исключены те, кого нет на этом свете. С нами – навсегда – Женя Попов и его сын Денис, Тоня Соловьёва, Таня Волкова, Саша Липоенко, Сережа Тарасов...

Будучи неверующим человеком (сам Игорь Фёдорович говорил, что «верит в Высший Разум»), он неожиданно для себя стал тем, кто познакомил нас с Христом! (говорят, что пути Господни неисповедимы!) А было это в Тарусе в начале 1970-х прошлого века, в музее Поленова: нам – школьникам – с разрешения руководителя (!) тайно (!) показали картину, спрятанную в запасниках, на которой была грешница и Иисус, говорящий: «Кто безгрешен, пусть кинет в неё камнем». Дальше своё образование в этом направлении я получала на лекциях по атеизму в мединституте, но главное, как вы понимаете, было получить толчок в незабвенном пионерском шестом классе!

Спасибо за всё, что было вложено в нас хорошего этим и многими другими Вашими щедрыми жестами, дорогой Игорь Фёдорович!

2015 г.

Фото – из личного архива И.Ф.Попова (1969 г.)

Родина-RU

АВДЕЕВА ВЕРА ПЕТРОВНА, учитель математики, поэтесса, автор нескольких сборников стихов, родилась в Москве, со школьных лет постоянно занималась спортивным туризмом, мастер спорта по спортивному туризму, старший инструктор лыжного туризма, руководитель лыжных школ туристской подготовки педагогов, руководитель многочисленных сложных походов, включая детские спортивные походы, организатор детского московского туризма, педагог дополнительного образования, участница знаменитой международной женской лыжной экспедиции

«Метелица» по Чукотке.

г. Москва

ВОСПОМИНАНИЕ О СТАРШЕМ ДРУГЕ

Заветное имя – Попов Игорь Фёдорович (1932–2016). Выдающийся путешественник, краевед и педагог, академик Академии Российских путешественников, академик Международной Академии детско-юношеского туризма и краеведения им. А.А. Остапец-Свешникова. С Игорем Фёдоровичем я познакомилась в декабре 1967 года. В Доме пионеров на Большой Полянке, д. 45 проходил вечер, посвящённый летним походам туристской секции школьников. Туристская группа Дома пионеров летом 1967 года ходила в поход третьей категории сложности по Приполярному Уралу. Руководитель нашего похода, Виталий Владимирович Ярошенко, пригласил на вечер своих друзей и коллег.

Всем было интересно посмотреть слайды. Много обсуждений вызвал и последний день маршрута, когда дневной переход нашей группы составил 50 км. В зале я оказалась сидящей рядом с Игорем Фёдоровичем Поповым.

Он был товарищем В.В. Ярошенко по спортивным путешествиям. Ему было тогда 35 лет, а мне 16. У меня сохранились фотографии этого вечера.

Прошло несколько лет, и мы стали часто встречаться с Игорем Фёдоровичем на методических объединениях в МосгорСЮТур, так как с 1971 года я стала работать руководителем туристского кружка в ДКШ (Дом комсомольца и школьника) Советского района города Москвы.

Виделись мы и на слётах, на семинарах туристских работников. Запомнился семинар СТП (средней туристской подготовки) 1982 года, который проходил на Кольском полуострове. Игорь Фёдорович вёл одно из отделений в поход второй категории сложности, а мне досталось отделение с походом третьей категории сложности по Хибинским и Ловозёрским тундрам. В тот злополучный год шестью месяцами раньше на перевале Ворткеуай погибла в лавине группа ленинградских студентов. Обнаружил их один

из инструкторов нашей школы СПИ Костерев Николай Александрович. Все отделения школы были сняты с маршрутов и приступили к откапыванию тел ленинградцев из смерзшейся снежной массы. В лице Игоря Фёдоровича мы нашли и старшего друга, и учителя, способного проанализировать ошибки, которые привели к трагедии, способного поддержать людей в экстремальной ситуации.

сюда же стали приходить и мои ученики разных поколений. Под опекой Игоря Фёдоровича расцветала наша педагогическая деятельность. Хотелось сделать занятия школьников в наших кружках интересными, полезными, дать закалку и знания, которые пригодятся им в жизни. Для этого мы не жалели своих сил. Параллельно со спортивной деятельностью мы вели краеведческую работу.

Осенью 1982 года я перешла работать в отдел туризма Дома пионеров Сокольнического района, и моим непосредственным начальником стал Игорь Фёдорович. Дом пионеров располагался в старом храме у метро «Красносельская», а наш отдел туризма находился в алтарной апсиде храма и имел отдельный вход с улицы. Кабинет туризма, расположенный в самой святой части храма, был для нас настоящим домом. Сюда часто заходили ученики Попова, его друзья,

Во всех своих начинаниях я находила поддержку у Игоря Фёдоровича. Вспоминаю об этом периоде жизни, как о самом счастливым, самом плодотворном периоде, хотя и потребовавшим от меня очень большого физического и духовного напряжения, полной отдачи сил. Я проработала под руководством Игоря Фёдоровича с 1982 по 1988 год. Оборачиваясь назад, я думаю о нашем сотрудничестве, как о великом везении, как о большом счастье.

Как проходила жизнь в нашем отделе туризма станет понятно даже из краткого перечня наших общих и личных дел. В этот период у нас были совместные походы, зимние лагеря для всех кружковцев нашего отдела туризма, краеведческие выезды по древнерусским городам с изучением архитектурных памятников, и, кроме того,

путешествия, повышая свою спортивную подготовку. В 1983 и 1984 году я была в лыжных походах по Западным Саянам, а зимой 1985 года в лыжной «пятёрке» по Восточному Кавказу. Удалось побывать в Джунгарском Алатау в горном походе. В 1984 году я выполнила норматив «Мастер спорта по туризму СССР» с превышением

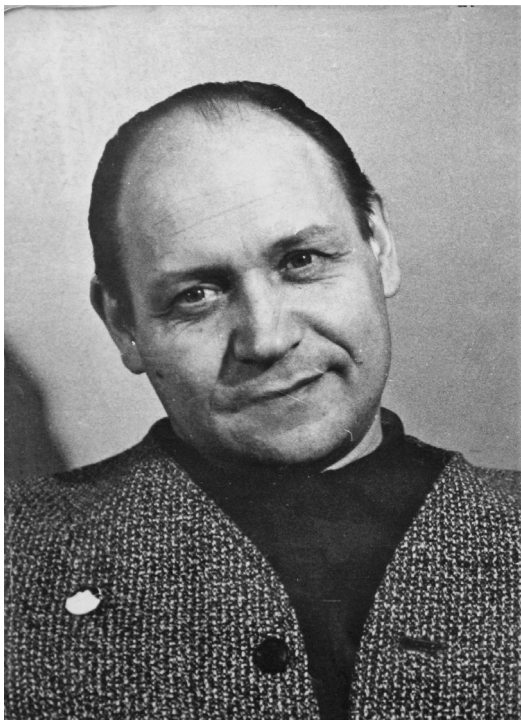

спортивные походы (у каждого со своими кружковцами). Удавалось почти всё задуманное. Мы водили школьников в походы на Западный Кавказ, в Хибины, Алтай, Верхнее-Ангарский хребет, проводили пешие, лыжные и водные походы с кружковцами отдела. Нам с Поповым приходилось брать очередные отпуска зимой.

Вдохновлённая Игорем Фёдоровичем, в свои зимние отпуска я отправлялась в сложные спортивные

квалификационных требований. В эти же годы мне удалось окончить Всесоюзную школу высшей туристской подготовки (ВТП), а также школу Высшей инструкторской подготовки (ВИП), провести в качестве начальника школы лыжную школу СТП на Южном Урале для учителей Москвы.

Игорь Фёдорович Попов, представляя меня новым людям, всегда говорил: «Знакомьтесь, это Петровна, ведущая лыжница Советского Союза»,

хотя это было не совсем верно. На самом деле, замечательным лыжником-туристом был сам Игорь Фёдорович. Знаменитый лыжный поход 1964 года по Алтаю под руководством Мастера спорта по туризму Вячеслава Васильевича Титова*, принёс славу всем его участникам. Даже после ухода из жизни Вячеслава Васильевича Титова, все участники этого похода, в том числе И.Ф. Попов и В.В. Ярошенко, продолжали ежегодно отмечать дату возвращения группы из похода по Зимнему Алтаю.

Итожа эту часть воспоминаний, я твёрдо понимаю, что без Попова мои достижения этого периода были бы невозможны. Он одобрял и давал «зелёную улицу» всему тому, что касалось получения нового туристского опыта для нашей работы со школь-

никами. Всё добытое в сложных путешествиях, мы несли нашим воспитанникам. Сам Игорь Фёдорович в эти годы участвовал в работе Всесоюзных семинаров ВТП (высшей туристской подготовки) в качестве инструктора. В эти годы между мною и Игорем Фёдоровичем сложился негласный договор: чтобы ни случилось, мы никогда не выносили сор из нашей туристской «избы». А ведь в нашей опасной и многосторонней работе с подростками случались и промахи. Своему учителю в туризме Виталию Владимировичу Ярошенко я не могла рассказать о своих трудностях, его строгое (лишь частично справедливое) отношение ко мне, создавало напряжённую и не доверительную атмосферу в наших отношениях. Моим наставником в туризме в эти годы стал

Игорь Фёдорович. Временами после встреч Попова И.Ф. с Ярошенко В.В., мой начальник говорил мне: «Видел Виталия, заступался за тебя. Поругивает тебя твой шеф».

Игорю Фёдоровичу я могла рассказать всё о том, что происходило в моих походах. Однажды, в походе второй категории сложности по Кольскому полуострову в июле 1985 года в моей группе случилась большая неприятность. Обучая детей организации ночлега в безлесной зоне, я проводила ночёвку прямо на седловине перевала Южный Чоргорр. Площадка для пяти палаток была тесновата. Мы поставили две палатки прямо под отвесной стенкой, примыкающей к седловине перевала с севера. Ничто не предвещало опасности. Ночи стояли белые, тёплые. Погода была прекрас-

ная. Неизвестно, что случилось на этом склоне ночью, пока мы спали. То ли небольшое животное вышло на камни, то ли подтаявший за день снег сделал трещины между камнями более свободными. Сорвавшийся вниз камешек был величиной с грецкий орех, он упал с отвеса и пробил крышу одной из палаток, в которой спали девочки. Камень попал в голову Насти. Падая, он скользнул по лбу и оцарапал лицо девочки до крови. Настя выскочила из палатки, держась за лоб рукой. Следом за ней из своей палатки выскочила я. Рана оказалась не опасной. Я сделала Насте перевязку, но до утра уже не заснула. После похода я рассказала о случившемся Попову. А кому ещё я могла и должна была сообщить об этом несчастном случае?

К нам в отдел часто заглядывали

родители кружковцев. Мы с Поповым, как одна команда, помогали им решать вопросы семейной педагогики. Были случаи, когда в наш отдел на имя И.Ф. Попова приходили письма от родителей не только со словами благодарности, но и с просьбами о помощи. В этот период я даже написала методическую работу для молодых педагогов «О работе с родителями кружковцев». Весь наш опыт мы оба использовали в материалах лекций, которые нам доверяла читать СЮТур (станция юных туристов) в аудиториях молодых учителей. Я сама не однажды присутствовала на лекциях Игоря Фёдоровича, его занятиях с кружковцами, и всегда имела возможность посоветоваться с ним по любым вопросам. Кроме знаний педагога (Игорь Фёдорович имел диплом Ин-

ститута Физкультуры, а также геофака педвуза), кроме громадного опыта руководителя походов, И.Ф. Попов имел звание инструктора по спортивному массажу. Он иногда давал советы коллегам по проведению лечебных процедур при боли в спине или ногах, а в случае необходимости мог сам сделать массаж участнику похода, когда врачебная помощь была недоступна.

В тот период, о котором идёт речь, мы с Поповым вывезли среднюю группу кружковцев для участия в туриаде школьников Северного Кавказа. Ранее Игорь Фёдорович уже имел опыт участия в подобном мероприятии в этом районе со своими старшими кружковцами. Туриада проходила в Северном Приэльбрусье. Наша команда состояла из двух групп (25 учащихся 8-х классов), двух студентов-помощников и нас с Игорем Фёдоровичем. Маршруты туриады были разработаны местными туристами, которые хорошо знали район путешествия и неоднократно ходили в этих местах в различные сезоны.

Шёл ноябрь 1985 года. За короткие осенние каникулы мы должны были пройти маршрут около 90 км в верховьях реки Малки с восхождением на плато Бермамыт. Для разминки мы взойшли на вершину Бештау вблизи Пятигорска. Погода стояла отличная. Дневные температуры поднимались до +22°C, светило солнце. Всё же светового дня не хватало для комфортного движения. Группы поднимались в полной темноте, становились на ночлег тоже в темноте. Средний дневной переход составлял около 16 км с большими перепадами высот. У меня, как у руководителя, возникли трудности с ориентированием в темноте в незна-

комом районе да ещё с топографическими картами, на которых частично отсутствовали некоторые объекты. Если бы не знания этого района Игорем Фёдоровичем, то мы не смогли бы укладываться в жёсткий график движения всех групп на маршруте, не смогли бы вовремя являться на точки контрольных пунктов. Те, кто знают о привычном распорядке утренних сборов в группах Игоря Фёдоровича, понимают, что и для него такой жёсткий график воспринимался, как экстремальный. Вспоминаю условия проведения этого похода, как тяжёлые. Поиск дров в темноте в горной местности тоже опасное для школьников занятие. Это был тот случай, когда без Игоря Фёдоровича было бы куда труднее.

С тех пор участие в каких-нибудь соревновательных мероприятиях в горной местности да ещё в межсезонье, я оцениваю, как поход на две категории выше заявленного бескатегорийного маршрута. Все 25 школьников участников этого похода, которые до этого были моими кружковцами в 1987 году перешли заниматься к Игорю Фёдоровичу, так как я стала мамой и ушла в декретный отпуск.

С 1988 года я перешла работать в центр детского творчества «Россия молодая», но связи с И.Ф. Поповым не теряла до последних дней его жизни, бывала на встречах его учеников, читала лекции для учителей по его просьбе.

Во время лыжной экспедиции с командой «Метелица» по Чукотке, в которой я участвовала в 1991 году, я встретила с Игорем Фёдоровичем в посёлке Уэлен, где в то время он работал в школе учителем географии.

Но это уже другая история... [прим.ред. – см. статью В.П. Авдеевой «У кромки океана» в этом же номере журнала]

***Примечание:** Вячеслав Васильевич Титов – мастер спорта СССР по туризму, талантливый педагог и выдающийся организатор детского туризма второй половины 20-го века – начала 21-го.

21.01.2018 г.

Фото-1 и 2 из личного архива В.П. Авдеевой (декабрь 1967 г.) Вечер, посвящённый летним походам туристской секции школьников Дома пионеров на Полянке, 45. На фото-1, кроме Игоря Фёдоровича Попова

(второй слева), Вера Авдеева (третья слева), Юра Каменецкий и Марина Зотова (Соловьева) (первая слева) – позже ставшая художником-мультипликатором, участвовавшей в создании мультфильма «38 попугаев».

На фото-2 ещё Сергей Белоусов и Андрей Бунэ – участники похода 3 к.с. по Приполярному Уралу, о котором шла речь в начале статьи. Дело происходит при просмотре слайдов этого похода.

Фото-3 и 4 – из личного архива И.Ф. Попова. Фото-4: туристский вечер по итогам летних походов в Доме пионеров Сокольнического района Москвы (ориентировочно – осень 1982 года).

Фото-5 – И.Ф. Попов в походе по партизанским местам Белоруссии, Украины, России (ок. 1981 г.)

МИНКС НАТАЛИЯ, ЖУРНАЛИСТ
г. МОСКВА

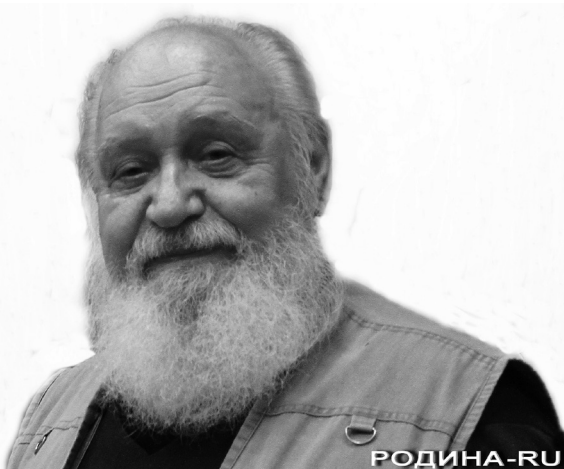
ВЛЮБЛЁННЫЙ В ЖИЗНЬ*

Нет ни одного человека на Земле, который бы не любил странствовать по свету, быть первооткрывателем новых неизведанных её уголков. Не важно, будет это поездка к ближайшей лесной опушке или в далёкие грозные горы, Ничто не может заменить тех эмоций и впечатлений, которые испытает путешественник после очередного похода. Эту любовь к Родине и её красотам уже не одному поколению привил редчайший для нашего времени человек, который живёт среди нас, в обычном доме на самой обычной улице. Знакомьтесь, Почётный житель района «Гольяново» Восточного административного округа г. Москвы, Игорь ПОПОВ.

Поход – это то, что так любите Вы!
Учитель, наставник – прошёл полстраны,
И горы, и степь, и тайгу он прошёл,
В походах призванье своё он нашёл.

ИГОРЬ ФЁДОРОВИЧ ПОПОВ

Родился в 1932 году, вырос в детском доме. Преподаватель географии и физической культуры, педагог высшей квалификационной категории, старший инструктор-методист по спортивному туризму, академик Международной Академии детско-юношеского туризма и краеведения имени А.А. Остапец-Свешникова, действительный член Русского географического общества, руководитель туристского объединения «Горизонт» Дома детского и юношеского туриз-

РОДИНА.RU

ма и экскурсий «Родина» ВАО города Москвы.

За творческую работу по воспитанию и оздоровлению детей средствами туристско-краеведческой деятельности приказом Министра [образования] И.Ф. Попов награждён Почётной грамотой. Награждён почётным знаком Туристско-спортивного Союза России «Заслуженный путешественник России», знаком Московского городского центрального туристского клуба «Ветеран туризма». За большой вклад в развитие педагогического образования в 2005 году присвоено звание «Почётный житель внутригородского муниципального образования Гольяново в городе Москве» и выдан нагрудный знак № 8.

Игорь Фёдорович Попов – не боится холодов! Эта ироничная присказка известна ни одному десятку тысяч москвичей, жителей ближнего и даль-

него зарубежья. Более полувека его имя тесно связано с туристическими путешествиями: походы, экспедиции, экскурсии, лагеря. Более сорока тысяч километров (протяжённость экватора Земного шара) прошёл Игорь Фёдорович – со своими учениками по Подмосковию, Краснодарскому краю, Хибинским тундрам Кольского полуострова, Архангельской области, Саянам, Уралу, Дальнему Востоку и другим уголкам нашей страны.

«Однажды избрав этот инструмент воспитания молодого поколения, моих юных друзей, я ни разу не пожалел, – с трепетом делится турист по призванию, мечтательным взглядом глядя куда-то вдаль, вспоминая картинки прошлого. – Мои воспитанники с удовольствием познают науку жизни в дремучих лесах, на свежем горном воздухе и на открытых просторах России. Закаляют свой характер и много-

му учат меня».

И.Ф. Попов – один из основателей детского туризма в Москве. Учитель доброты, красоты и вечности, с большой буквы, педагог от Бога. Всю свою жизнь он с упоением открывает завесу тайн матушки-природы, с удовольствием занимается и детьми, попавшими в сложную жизненную ситуацию, «трудными подростками».

«А разве бывают простые подростки? – улыбается, и живые, горящие внутренним светом, голубые глаза обнимают морщинки. – Я сам вырос в детском доме, работал в интернате. Мне хорошо известна эта «компания», что ценно для них и в чём они нуждаются. Я честен с ребятами, и они становятся моими друзьями».

Многим своим воспитанникам Игорь Фёдорович дал путёвку в жизнь: кто-то пошёл по его стопам, организуя детские туристические объединения, кто-то самостоятельно покоряет Просторы России. Многие стали педагогами, бизнесменами, успешными людьми. Всех их объединяет уважение и любовь к окружающему миру, волевой характер, доброта и справедливость. Именно костры, ужины с дымком, песни под гитару после тяжёлых переходов с рюкзаками, временами вброд, и дикий неизведанный мир вокруг в компании ироничного, подвижного и жизнерадостного «бородача», по-детски задорного и по-дедовски мудрого, придают неповторимый вкус жизни, учат дружбе и взаимовыручке, учат различать ценное и второстепенное.

Многолетний опыт Попова находит отражение в методических публика-

циях и разработках. К примеру, он совершил огромное количество путешествий по тундрам (горам) Кольского полуострова и каждый раз привозил с собой уникальный краеведческий, в том числе и топонимический материал. На его основе, в том числе и его учениками, написано немало статей, которые востребованы не только на уровне Восточного округа и города Москвы, а используются в работе регионов Татарстана, Оренбурга, Тулы, Твери, также в Украине, Казахстане, Беларуси, Франции.

Сегодня у И.Ф. Попова юбилей – 80 лет! Всего лишь 80, как говорят его друзья. Чествовали неутомимого путешественника на рабочем месте. Невысокий, подвижный мужчина, знающий каждое растение лесополосы, тундры и тайги, педагог дополнительного образования Дома

детского и юношеского туризма и экскурсий «Родина», основанного его старинным другом, доктором педагогических наук, мастером спорта по туризму А.А. Остапец-Свешниковым, принимал гостей. Коллеги посвятили имениннику короткометражный фильм, ученики и друзья читали стихи в честь юбиляра, вспоминали курьёзные случаи.

Приехал и руководитель муниципалитета внутригородского муниципального образования Гольяново в городе Москве **Б.В. Чалов**. Он вручил юбиляру цветы, подарки и памятный адрес, в котором звучали слова глубокого уважения, признательности восхищения никогда не унывающим, бодрым телом и духом.

Учителем, Борис Владимирович, среди многих, прошёл походную школу Попова и не понаслышке знает, как много сил, души, знаний и теплоты отдаёт он своим воспитанникам.

«Любовь к походам и ученикам для Игоря Фёдоровича сильнее боли, – с почтением рассказывает Борис Владимирович Чалов. – Профессиональный недуг туристов – заболевание суставов: сказываются многочисленные ночёвки на земле, сырость, холод. Забывая о себе, подчас горстями глотая обезболивающие, он вёл молодые пытливые умы в дремучие леса, дарил им радость познания, каждую секунду подбадривая и вселяя уверенность в собственных силах!»

От родного гнезда до дальних окраин прошагал Игорь Фёдорович Попов. Не утратив молодецкой удалости и игривого нрава пережил репрессии, Великую Отечественную войну,

он никогда не унывает и дарит себя без остатка своей профессии, друзьям и ученикам. Теперь новые перwokлашки, открыв рот, слушают его и учатся разводить костры. А он, как и пятьдесят лет назад, подсказывает, направляет и искренне радуется их успехам. Такой удивительный человек живёт по соседству, среди сотен похожих улиц и домов.

Ефим Борисович Штеййберг, руководитель региональной детской общественной организации «Отряд «Надежда»»:

Вообще, я всегда очень настороженно относился к туристам. Они ведь лесные жители, зачастую не обращающие внимание на городские условности. Когда в юности я впервые встретил Игоря Фёдоровича и отправился с ним в поход – был удивлён тем, что этот заядлый путешественник очень ценит порядок: и в одежде, и в окружающем мире, и в том, что и как человек говорит.

Меня сразу поразило его умение найти к каждому подход, способность говорить на общечеловеческом языке доброты. С детьми он вёл себя как непоседливый ребёнок, с молодыми педагогами держался наравне, для опытных взрослых людей был мудрым собеседником и подавал пример.

Игорь Фёдорович Попов – мягкий, тонкий и очень справедливый человек. Вместе с тем он острый и несговорчивый профессионал. Несмотря на то, что мы давно не общались – всегда вспоминаю его добрыми словами и горжусь знакомством с ним... Дай Бог ему здоровья!

Сергей Владимирович Горбун, начальник Восточного окружного образования Департамента образования г. Москвы:

При упоминании имени Игоря Фёдоровича сразу всплывают красочные картины моей молодости, тёплые воспоминания тех лет. Мы познакомились с этим бодрым, активным педагогом в Доме пионеров Куйбышевского района, где нас, молодых учителей, он обучал основам туристских походов, технике безопасности, знакомил с маршрутами, по которым, впоследствии, мы и водили своих учеников.

В путешествиях с таким человеком всегда случались курьёзы. Но любая неожиданность была нам по плечу, мы многому у него научились. Для меня И.Ф. Попов всегда был примером мужества, выдержки и силы духа, он не боится трудностей и идёт им наперекор. Когда врачи запретили ходить в походы из-за коленей, он не согласился с ними. И через боль, через неприятные ощущения, так что никто этого

не замечал, Игорь Фёдорович снова и снова покорял непростые маршруты. Я не удивлюсь, если завтра он вновь отправится на поиски приключений. Этот превосходный походник знает теорию и практику выживания в любых условиях, преодоление любых природных препятствий. Игорь Фёдорович Попов совершенно уникальный человек. Яркий, всегда излучающий добро, теплоту, распространяющий положительную ауру, живая история нашего района, округа, города. Долгих ему лет жизни и новых учеников!

***Примечание главного редактора.** Первоисточник данной публикации – районная газета «Гольяново» (сентябрь 2012 № 09/35). Статья была подготовлена в связи с 80-летним юбилеем И.Ф. Попова, жителя района «Гольяново» Восточного административного округа г. Москвы. Игорь Фёдорович Попов являлся «Почётным жителем» этого района, где его хорошо знали, уважали и ценили. Игорь Фёдорович был балагуром, весёлым человеком и как-то пошутил: «По чётным – я житель Гольяново, а по нечётным?..» Празднование юбилея проходило в Доме детского туризма «Родина» 29 августа 2012 года в день первого педагогического совета в новом учебном 2012–2013 году.

Фото в статье: «Игорь Фёдорович Попов», «Б.В. Чалов вручает И.Ф. Попову цветы и подарки», «Торт – юбиляру!» – фото из личного архива В.В. Казанцева, добавлены в статью для данного номера журнала.

МИНДЕЛЬ Александр Яковлевич, кандидат педагогических наук, член Комитета по социальному предпринимательству и поддержке социальных программ Московской торгово-промышленной палаты, руководитель социального проекта «Дом путешественника» в г. Осташкове на Селигере, Заслуженный путешественник России, победитель конкурса Президентских грантов 2017 г. среди некоммерческих организаций

г. Москва

ДОРОГОЙ НАШ ЧЕЛОВЕК

Мы знакомы с конца семидесятых. Разница в возрасте – в 13 лет, вроде бы, и не очень существенная, но ведь важно не только, сколько прожить, но и как. За эти тринадцать лет Игорь Фёдорович совершил множество сложных высококатегорийных путешествий, стал признанным авторитетом, а я рядом с ним мог выглядеть только подмастерьем. Мы встречались на городских туристских слётах и учёбе старших пионервожатых. В те времена в каждом районе Москвы, а их было более тридцати, был официальный туристский организатор. Как правило, это маститые специалисты, среди них Вениамин Николаевич Розов из Первомайского района, Грант Александрович Генженцев – из Бауманского, Вячеслав Васильевич Титов – из Дзержинского, Людмила Марковна Ротштейн – из Ленинского, Виталий Владимирович Ярошенко – из Люблинского. Что ни имя – то легенда! Среди них – Игорь Фёдорович Попов, много лет проработал в Куйбышевском районе г. Москвы в каче-

стве районного организатора детского туризма и краеведения.

Наши отношения сотрудничества стали складываться в период ежегодных туристских семинаров по подготовке старших пионервожатых московских школ по программам начальной туристской подготовки. В каждом районе формировалась группа вожатых-новичков из 15–20 человек, которая под руководством районного туристского организатора выезжала на пятидневный семинар. Программа порядка 30 часов – лекционный курс, практические занятия, учебный поход. Конечно, весь этот курс вполне мог провести любой туристский организатор и самостоятельно, но, по условиям семинара, с каждой группой должны были работать два инструктора. Вот в качестве второго инструктора я очень часто попадал в пару к Игорю Фёдоровичу Попову или Вячеславу Васильевичу Титову. Оба ровные, спокойные, доброжелательные и высокопрофессиональные. Однако, по их добром желанию, они

уступали мне роль инструктора-лидера, а сами как бы отступали на второй план. Мне это было и лестно и интересно. Вероятно, не на последнем месте было желание завоевать внимание красивых девочек-вожатых, но не менее важным было и оправдать доверие маститых коллег.

Прошли годы, ушли из жизни и Вячеслав Васильевич и Игорь Фёдорович. Остались в памяти самые добрые воспоминания о старших товарищах и коллегах. Вот пишу эти строки, а как будто наяву вижу добрую улыбку Вячеслава Васильевича и ожидаю обращения к себе Игоря Фёдоровича:

на слётах или соревнованиях. Я помню, как ненавязчиво он приучал их к повышенным физическим нагрузкам, превращая это в игру. Вот на привале обнаруживалось, что в полупустых рюкзаках его парней лежат пудовые гири... То, он давал команду старшеклассникам усадить девочек на плечи поверх рюкзаков и продолжать движение в таких парах под общий смех и взаимное удовольствие. Так в игре он готовил своих воспитанников к сложным походам в любую погоду. За ним даже закрепились шуточные характеристики: «Игорь Фёдорыч Попов – не боится холодов!» Может быть, поэто-

«Мой юный друг!» Дорогой наш человек, как же сегодня нам такого человека, сердечного и такого близкого – по духу, по интересам, по профессии, по жизни, по мировоззрению – Попова Игоря Фёдоровича, не достаёт, не хватает...

Иногда мне удавалась встречаться с воспитанниками Игоря Фёдоровича

му он смело уехал на Чукотку учителем в сельскую школу, где не только проводил походы со своими учениками, но и обучал пограничников строить «йглу» (снежную хижину). В таком временном убежище можно было и непогоду переждать и связаться по радиации, чтобы не мешал разговору ветер.

Но, похоже, что Игорь Фёдорович не только холодов не боялся. Он единственный из нас выразил официальный протест против неразумных требований ревизоров, требующих документального подтверждения затрат на приобретение, например, хлеба или спичек в «сельпо», не имеющем печати. Знали бы Вы, Игорь Фёдорович, что от педагогов-походников требуют сейчас?! (Горы бумаг, справок, документов и согласований!)

Вот таким мне запомнился Игорь Фёдорович. Мы сами уже почти се-

мидесятилетние, дожили до времени, когда на той стороне жизненного рубежа больше родных, друзей, товарищей, коллег, чем на этой. Тем дороже память о наших достойных коллегах, учителях и наставниках, среди которых и Игорь Фёдорович Попов – дорогой наш человек, получивший прижизненный народный титул – Учитель учителей!

2018 г.

Фото – из личного архива И.Ф.Попова

ХАРИН ПАВЕЛ Вячеславович, воспитанник туристского клуба «Горизонт» (руководитель – И.Ф. Попов), педагог-организатор ДЮТ, педагог дополнительного образования ГБОУ ДО «Московский детско-юношеский центр экологии, краеведения и туризма», инструктор детско-юношеского туризма

г. Москва

ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ

Я попал в туристскую группу Игоря Фёдоровича Попова в 1970–1971 учебном году (думал, что люблю путешествовать, и друзья затащили) и первый раз пошёл в поход зимой в Опалиху. Нет, это не был мой первый поход вообще, я летом ходил с отцом и на плотках по Пелыму, и на байдарке по Подчерье, но с отцом всё проще, а с ровесниками – интереснее. Игорь Фёдорович поговорил со мной недолго перед выездом, скептически отнёсся к моему туристскому «опыту» (и правильно сделал). Мне показалось,

что мы шли бесконечно долго все 2,5 км от платформы, кроме того чтоб я не замерз, меня уложили в палатку между девочками. Утром, собирая эту оледеневшую палатку, я всё-таки приморозил руки и ушёл плакать в кусты, когда Игорь Фёдорович попросил девчонок помочь мне собрать рюкзак. Вот такие первые впечатления!

Вот с тех пор я и «попал». Не скажу, что мы осознавали, что такое подготовиться к «двоечке» по Кольскому и что такое вообще поход по Ловозёрам и Хибинам, основная часть группы к

тому времени уже имела опыт походов по Селигеру и Карпатам. Всё, что говорил нам Игорь Фёдорович, имело форму непринужденного общения, в процессе которого он ненавязчиво узнавал нашу «подноготную»: симпатии и увлечения, узнавал про наши семьи и т.п. За всё время существования нашего туристского коллектива я ни разу не слышал от него крика или раздражённого тона – думаю, что в силу молодости и бестолковости мы не раз давали для этого повод.

Дождь и туман, а ещё комары и иногда снег – всё это совершенная норма для лета на Кольском полуострове и – экстрим для начинающих туристов из Москвы. Игорь Фёдорович это знал и нам говорил, но у нас было открыто ухо, через которое всё вылетает. Протяжённые рюкзаки мы слышали, но думали, что тяжёлые рюкзаки – это те, что у нас в Подмоскowie (мы их ещё кирпичами дополняли). Так вот, мы с

Серёгой Блиновым за день до похода вместо полиэтилена для палаточного тента купили гусёнка и намеревались протащить его по маршруту. Гусёнка по счастью у нас забрали на вокзале, а вот без тента было интересно. В этом походе я узнал о полезной способности Игоря Фёдоровича договариваться со всеми обо всём, что нам (группе) нужно. В этот раз для начала он договорился с мурманским портом, и мы попали на экскурсии на средний и малый рыболовные траулеры. И, видимо, это было интересно, если основные моменты экскурсий я помню до сих пор. А потом (и это, на мой взгляд, за пределами) главный инженер шахты в пос. Ревда провёл нам экскурсию по шахте, где добывали руду редких и редкоземельных металлов. Кто-нибудь может себе представить такие (бесплатные) экскурсии в наши дни? А потом был перевал Эльморайок, простой, но с дождём, ветром, снегом

и комарами. А потом ещё несколько уроков жизни, и Игорь Фёдорович им не препятствовал.

На одной из ночёвок мы поставили палатку на мох – так мягче. Игорь Фёдорович нас предупредил о возможных последствиях – мы не вняли. А палатка – брезентовая и без тента. Всю ночь шёл дождь. Утром просыпаюсь первый и облакачиваюсь на локоть – локоть по плечо уходит в воду. Зато мягко и тепло, хоть и мокро. Смотрю на соседа – Серёгу Блинова – ему ровно на кончик носа раз в 15 секунд (сосчитал) капает капля с крыши палатки. Блинов крутит носом, но просыпаться не хочет. Дальше – веселее. Если вы знаете, сухая брезентовая палатка весит четыре килограмма, спальник (сухой) на ватине весит примерно два килограмма, а вот полностью промокшие... Тут мы и вспомнили просьбу учителя «купить

полиэтилен для тента», а ещё мой папа настоял, чтобы я взял с собой полихлорвиниловые бахилы, сапожную щётку и гуталин. Почему я всё это не выбросил? Ощущения от переноски рюкзака помню до сих пор, хотя он был и не самый тяжёлый в группе. Две недели дождей и постоянные броды. От Игоря Фёдоровича я впервые услышал что **«счастье – это когда вода в ботинках нагрелась»**. Да, и ни разу мы не имели повода задуматься, что наш учитель не мальчик, и многое, на что мы не обращаем внимания, – ему даётся непросто.

2018 г.

Фото – из личного архива И.Ф.Попова

РИВКИН **МАРК** **НАХИМОВИЧ**, начальник отдела технологических консультантов «ORACLE CORPORATION», мастер спорта по лыжному туризму, инструктор по спортивному туризму, воспитанник туристского клуба «Горизонт» (руководитель – И.Ф. Попов)

г. Москва

ВЕСЁЛЫЕ ИСТОРИИ ПРО МОЕГО УЧИТЕЛЯ

Игоря Фёдоровича Попова можно назвать моим учителем и с маленькой и с большой буквы. Он был учителем физкультуры в нашей 371-й школе, учил меня физкультуре и был Учителем, который учил меня отношению с людьми, жизни, туризму и т.д. Многого в моей жизни не было бы, если бы не Игорь Фёдорович. Наверное, многие в своих воспоминаниях будут писать серьёзные тексты о том, как он их воспитывал, водил в походы и т.д. Для разнообразия я расскажу весёлую историю об Игоре Фёдоровиче, связанную с нашим походом со школьниками летом на Кольский полуостров, в Хибини, и о его «триумфальном» возвращении в Москву.

Дело было так. Игорь Фёдорович предложил мне летом пойти с ним вторым руководителем на Кольский полуостров, он вёл туда школьную группу. Фёдорыч любил ходить на Кольский. Про поход я многого не помню, всё было нормально, дети как дети, маршрут прошли. Но после похода мы, как обычно, решили не ехать

сразу в Москву (каникулы-то большие), а заехать на несколько дней в Ленинград, посмотреть этот прекрасный город, а уж потом ехать домой. Игорь Фёдорович часто так делал, что позволяло совместить спортивную часть с культурной.

В Ленинграде он договорился с одной из школ, что мы там несколько дней поживём. Всё было бы хорошо, но Игорю Фёдоровичу надо было вернуться в Москву пораньше, так как 25 августа обычно бывает педсовет. Поэтому он взял билет из Ленинграда на день раньше, а мы должны были приехать 25 августа. И вот мы в Ленинграде. Школьники были не очень взрослые, примерно пятый–седьмой класс. Мы несколько дней гуляли по городу, посещали музеи, смотрели архитектуру.

Иногда случались курьёзные случаи, например, на экскурсии в Исаакиевском соборе. Все помнят этот величественный собор, маятник Фуко внутри, мраморные стены и т.д. Мы осматривали собор, и вдруг заметили,

что часть мальчиков куда-то пропала. Начали их искать, и быстро нашли в углу собора, где они что-то пытались делать. Надо сказать, что Игорь Фёдорович много нам рассказывал про горы, минералы, геологов и некоторые ребята под его влиянием начали посещать геологический кружок. А там им рассказывали, как определять минералы. Например, если на мрамор брызнуть соляной кислоты, то начнётся реакция, появятся пузырьки, так как выделяется углекислый газ. Так распознают мрамор. Оказывается, юные геологи взяли с собой в поход пузырёк с соляной кислотой и теперь

пытались проверить, не обманывает ли их экскурсовод, и действительно ли стены собора сделаны из мрамора. Остановить их удалось в последний момент, иначе мы бы не расплатились за порчу памятника архитектуры, а могли бы и в милицию загреметь.

Но всё обошлось, и мы продолжили прогулки по Ленинграду, обсуждая свои дела и планы на будущее. И тут в разговоре случайно возникла тема, что сегодня уже 24 августа и завтра надо всем уезжать домой. Игорь Фёдорович очень удивился, он так расслабился, что считал, что сегодня

только 23-е, а уезжать ему завтра. Мы долго его убеждали, потом проверили. Выяснилось, что прямо в этот момент поезд Игоря Фёдоровича на Москву уходит с Московского вокзала, и он на педсовет не попадает. Но Игорь Фёдорович не растерялся. Мы помчались в школу, где жили, он быстро собрал свой знаменитый, огромный абалаковский рюкзак, который весил немалое, и мы поехали на вокзал. Игорь Фёдорович надеялся купить билеты в кассе или договориться с проводником. К сожалению, билетов не было, у перрона стоял очередной поезд на Москву, но по какой-то причине про-

водники брать «левых» пассажиров не хотели. То ли у них была проверка, то ли пассажир им не нравился (после похода мы все не красавцы), то ли ещё какие причины.

Итак, Игорь Фёдорович шёл по перрону, время от времени разговаривал с проводниками, а мы тащили за ним его огромный рюкзак. До отхода поезда оставалось пять минут, а договориться не удавалось. Игорь Фёдорович в Москву не попадал. Но он не растерялся, подошёл к нам и проинструктировал о смене тактики. Осталось две минуты до отхода поезда, одна... проводники заняли места в дверях, Игорь Фёдорович начал медленно прогуливаться по перрону. Поезд медленно тронулся и покатился мимо платформы. Игорь Фёдорович побежал за вагоном, пытаясь что-то объяснить проводнице, но она не понимала и не хотела его пускать. Мы, как было велено, бежали следом с рюкзаком. Тогда он махнул нам рукой.

Это был знак, мы размахнулись и со всей силы бросили рюкзак вперёд. Он как бильярдный шар смёл Игоря Фёдоровича и проводницу, и они все втроём влетели в тамбур. Поезд набрал ход и ушёл.

Но на этом история не закончилась. На следующий день мы уехали в Москву. Поезд прибывал на Ленинградский вокзал утром, и все родители, отправившие своих детей в сложный, опасный поход в горы с опытным наставником пришли встречать детей. Они собрались у дальнего конца перрона и ждали поезда. Вот уже вдали показался электровоз. И тут они с ужасом увидели, что по платформе, со стороны Москвы, к ним медленно, шлёпая тапочками, приближается руководитель, которому они доверили своих детей. Игорь Фёдорович пришёл нас встречать. Потом оказалось, что дети живы-здоровы и довольны, всё прояснилось. Но шок у родителей остался.

Ещё один случай показывает, насколько хорошо Игорь Фёдорович понимал нашу психологию. После второго похода на Кольский у нас сформировалась группа друзей, которая почти каждые выходные ходила в походы с ночёвкой по Подмосковию. Бывали мы в самых разных уголках Подмосковию, но были, конечно, у нас и любимые места недалеко от Москвы, например, Опалиха, где мы любили посидеть у костра, попеть песни и т.д. Мы были уже взрослые, студенты. Однажды Игорь Фёдорович предложил нам съездить в выходные на туристский слёт. Слёт проходил в Волоколамске. Это 100 км от Москвы. С нами очень хотела поехать одна девочка. Но родители её не отпускали. То ли им не нравился её парень, то ли боялись отпускать в поход с ночёвкой. Короче говоря, она сбежала из дома и с парнем поехала с нами на слёт.

Электричка на Волоколамск идёт с Рижского вокзала через Опалиху, и по дороге у кого-то появился план: а зачем тащиться в Волоколамск, давайте-ка пойдём на любимое место в Опали-

ху. Еда есть, палатки есть, гитара есть, что ещё надо? Мы быстро вылезли из поезда, пришли на своё любимое место в лесу, разбили лагерь и прекрасно провели время. Каково же было наше удивление, когда под утро (уже начало светать), из чащи вывалился Игорь Фёдорович, которого никто не ждал и который не мог знать, что мы тут. Мы сами-то решили слезть в Опалихе всего несколько часов назад.

Что оказалось? Родители девочки обнаружили исчезновение дочери, подняли тревогу, начали искать, дозвонились до Игоря Фёдоровича. Они как-то связались со слётом и выяснили, что мы туда не доехали. Понятно, что мы где-то в Подмосковию, но оно огромно. Но Игорь Фёдорович подумал, и очень быстро понял, где нас искать. Сел на последнюю электричку, пробрался ночью сквозь лес и нашёл нас. Да, хочу напомнить, что мобильных телефонов в то время ещё не было.

2018 г.

Фото – из личного архива И.Ф.Попова

САПРУНОВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА, воспитанница детского туристского клуба «Горизонт» (руководитель И.Ф. Попов), закончила геофак МГПИ им. В.И. Ленина, учитель географии, руководитель детского туристского объединения, воспитатель детей дошкольного возраста, инструктор спортивного туризма.

г. Москва

ЖИЗНЬ В ЖИЗНИ

Помню подготовку к первому походу у ст. Аникеевка – А.П. Безруков и учитель по труду обучали нас ста-

вить палатку за 45 секунд, работать с верёвками, другим походным премудростям. Всё это нам было необходи-

мо для нашего первого похода на московский городской туристский слёт в июне 1978 г.

При выходе из школы около кабинета труда на первом этаже – сбор нашей туристской группы. Помню, мне помогли надеть рюкзак, и я попыталась назад (рюкзак меня перевешивал). Поначалу было непривычно. Втянулась. Но было нелегко... На каком-то переходе со мной поменялся рюкзаком одноклассник Миша Са-

много рассказывал – мы шли по Клинско-Дмитриевской гряде – о валунах и оледенениях, о моренах и о лесах, что-то ещё по биологии, а то и просто весёлые байки.

Игорь Фёдорович привнёс в нашу походную жизнь правила туристской жизни:

1. Руководитель всегда прав.
2. Если руководитель не прав, смотри пункт 1-й.
3. Стало тяжело – помоги другому,

фонов, и эта передышка и поддержка дали мне силы, и дальше я уже справлялась сама. Я хотела пойти в этот поход. Для меня было важно, что вместе со мной идёт моя подруга Галя Углова, мой брат Андрей Разговоров, старшая пионервожатая Ирина Алексеевна Прозорова.

На привалах Игорь Фёдорович

и др. правила...

А правил было поначалу немного, шесть–семь...

Помимо правил сразу рождались и традиции:

- Вечерние «огоньки» (возможность сказать спасибо, похвалить или поругать)...
- Обращение забавное помню:

«Молодые чемоданы и юные феи!»

- Круг общения – общество добродетельных людей, где много юмора, песен, баек.
- Отдельным вопросом постоянно обсуждалось туристское снаряжение и его ключевые слова остались в памяти на всю жизнь: «абалаковский рюкзак», «парашютный шёлк», «анарак», «турботинки» и иные.

После туристского слёта у нас уже был дружный туристский клуб «Горизонт», мы приходили в «домик» (дом пионеров), где было много времени для общения. Игорь Фёдорович не подавлял, но присутствовал. Жизнь приобретала размеренность (планы «зима/лето») и глубину «жизнь в жизни» (каждый поход – «очень много»).

Сложно пересказать или перечис-

лить, чем были для каждого из нас эти годы, очень интенсивные, насыщенные событиями, встречами, походами.

Помню Географическое общество. Как-то Игорь Фёдорович нас отвёл в Географическое общество на вечер памяти альпиниста, мастера спорта Гусака Н.А. Были воспоминания, документальный фильм о войне, и была знаменитая памятная песня «Там, где снег тропинки заметает...»

Так оказалось, что туризм вошёл в мою жизнь на долгие годы, вошёл он и в профессию: я – учитель географии и руководитель детского туристского объединения. И мужа своего – Клокова Ю.Б., и друзей – я обрела в походах. А начиналось всё с первого похода под руководством Игоря Фёдоровича Попова.

2018 г.

Фото – из архива В.В. Казанцева

Родина-RU

ВУЛИХ Михаил Ефимович, выпускник МГУ имени М.В. Ломоносова, учитель истории, туристский организатор Калининского района г. Москвы (1980-е г.г.), инструктор детско-юношеского туризма, инструктор спортивного туризма, ныне – генеральный директор общества с ограниченной ответственностью «Студия Пифагор»

г. Москва

ПОПОВ В МОЕЙ ЖИЗНИ

Вынужден признаться, что приступаю к написанию этого текста не без некоторого смущения и, не побоюсь этого слова, трепета. Слишком уж фрагментарным и (с высоты прожитых лет) недолгим было наше с И.Ф. общение – с 1982 по 1989 год.

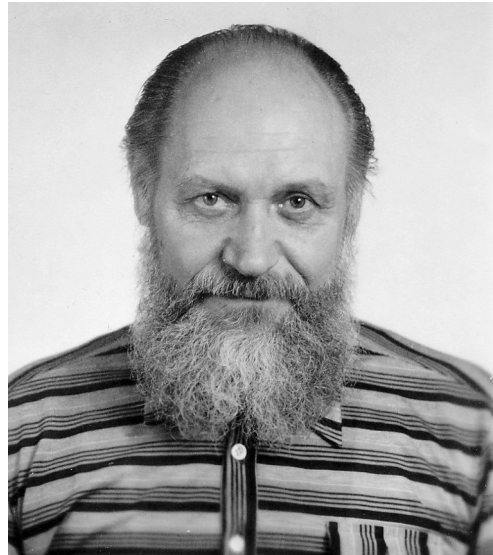
К тому же, в отличие от множества его коллег и учеников, я так и не вошёл в тот мир педагогов с большой буквы, дверь в который он мне открыл. Так что это ещё и смущение в некотором роде отступника, которому приходится восхвалять Учителя (здесь я полно-

стью солидаризируюсь в написании с Вадимом Шахновичем), последовать за которым у меня не хватило отваги, преданности, веры и самоотверженности. И боюсь, что будет слишком много пафоса, плохо рифмующегося с брезентовыми рюкзаками, пропахшими костром анораками и сырыми палатками.

Честно говоря, не очень хочется останавливаться собственно на туризме. Во-первых, я сильно не специалист и уж вовсе не спортсмен. Среди коллег и учеников Попова полно и тех, и других, и они наверняка найдут, что сказать и что написать. Во-вторых, к счастью, мне не пришлось испытать рядом с Игорем Фёдоровичем ничего такого экстремального, смертельно опасного, что смогло бы потеснить в моём восприятии значительность его личности. Скажем так: это всегда был Попов на фоне природы, а не Природа, приютившая Попова. И в-третьих, не сложилось у меня впечатления, что в основе его педагогического метода лежал «надрыв пупка», как у некоторых его коллег. Во всяком случае, некие упреки в «недостаточной спортивности» в его адрес, витавшие в СЮТуре, всплывают у меня в памяти.

Разумеется, туризм был здесь не случаен. Как не случайно было стремление убежать куда подальше от могучей поступи «развитого социализма», сидевшего у всех мало-мальски вменяемых людей в печёнке, селезёнке и во всех прочих местах. Наверное, учитель физкультуры и педагог от Бога Игорь Фёдорович Попов смог бы найти какое-нибудь другое обрамление для своего живительного общения с детьми (какие-нибудь легкоатлетические сборы, например), но весь

его образ – благообразная окладистая борода, невысокий округлый силуэт, ласковые с хитринкой глаза, – ассоциировался в моём представлении со словом «пастырь» (как тут был к месту альпеншток!) А настоящий пастырь общается со своими овцами на свободе, на природе, а никак не в загоне, и уж ни в коем случае не в казарме. И в какой ещё другой обстановке можно было учить, проявлять заботу

и быть абсолютно уверенным, что и то, и другое будет адекватно воспринято ребёнком?

Я общался с Поповым в двух его ипостасях. Первая – руководитель группы в НТП («начальная туристская подготовка») в 1982-м на Северном Кавказе и СТП («средняя туристская подготовка») в Хибинах. Будь я на его месте, я бы точно себя удавил. Безмозглый неумеха-«лось», только что научившийся ходить с альпенштоком, университетское трепло и к тому же с гоном, насколько припоминаю. Я всё время куда-то лез, бежал от-

дельно от группы и вполне мог переломать себе всё, что угодно. Сколько раз потом в жизни, когда мне хотелось кого-то окоротить, высмеять, поставить на место, я вспоминал Игоря Фёдоровича и его бесконечное терпение. Я совершенно уверен, что про себя он 100% матерился и готов был оторвать мне голову, но когда на очередном привале мы оказывались рядом, единственное, что он говорил, это: «Хочешь сухарик?» Цену этому терпению и этой (очень рискованной) мудрости я понял только тогда, когда сам стал водить в походы детские группы.

Вторая ипостась ПИФа – его ученики, «поповцы», которые стали ходить в составе моих групп. Именно тогда я воочию убедился в уникальности его педагогического мастерства, метода, чутья, называйте, как хотите. Знаете, что их отличало от всех других? Они были **разные**. И потому интересные. И **доброжелательные**. И потому с ними хотелось общаться. Не знаю, как сейчас, но в середине 1980-х я видел большое количество детских туристских групп, производивших прямо противоположное впечатление. Каза-

лось, их выращивали какими-то индустриально-фермерскими методами, главное в которых было достижение некоего общего стандарта. А Попов представляется мне садовником, который давал каждому доставшемуся ему ростку возможность вырасти в нечто уникальное и ни на что не похожее, но готовое плодотворно сосуществовать с такими же разными и уникальными соседями.

Скажу прямо, самым ценным, что было в моём 10-летнем опыте работы в детском туризме, это то общение, которое существовало во всех детских группах, с которыми мне пришлось работать. Наверное, это потому, что я сам больше про «потрындеть», чем про что-нибудь другое. Но то, что выросло, мне весьма симпатично, и я тешу себя надеждой, что в этом есть и моя заслуга, на 80% обусловленная счастливой встречей с Игорем Фёдоровичем Поповым, который оставил неизгладимый след в десятках и сотнях жизней, кроме моей.

2018 г.

Фото – из личного архива И.Ф.Попова

ПЕРОВА Ирина Петровна, научный сотрудник Исторического музея, воспитанница туристского клуба «Горизонт» (руководитель – И.Ф. Попов)
г. Москва

У КАЖДОГО – СВОЙ ТЕМП

1982 год стал для меня годом очень значимых встреч, знакомств с людьми, которые повлияли на мою жизнь

кардинально, с которыми я постоянно соотносилась в своих поступках, выборах, решениях. Это были встре-

чи-открытия. Педагог, психолог Олег Всеволодович Лишин (Всеволодыч), педагоги Аркадия Константиновна Лишина, Игорь Фёдорович Попов, Вера Петровна Авдеева, педагог и психолог Сергей Николаевич Волков. О каждом из названных людей нужно писать отдельные воспоминания.

В тот год, учась на втором курсе истфака в пединституте им. Н.К. Крупской, я собиралась работать в школе, и мне хотелось быть хорошим учителем, и поэтому я искала и впитывала всё, что могло пригодиться в дальнейшей работе с детьми. По совету Лишиных я поступила в Школу начальной туристской подготовки (НТП), организованную Станцией юных туристов для обучения навыкам туризма педагогов, вожатых, людей, связанных с воспитательной работой. Возглавлял НТП Игорь Фёдорович Попов. Занятия по основам туризма, тренировочные походы по Подмоскovie и прохождение зачётного многодневного похода давало право водить в путешествия школьников. Осваивая туристские навыки, мы приобретали в свою педагогическую копилку очень важное средство, инструмент для работы с детьми. Сами занятия помню плохо, кроме одного, посвящённого питанию в походе. Тогда Игорь Фёдорович пригласил своего знакомого туриста, педагога и психолога Сергея Николаевича Волкова, который рассказал про облегчённое раздельное питание по системе Галины Шаталовой. Мы так вдохновились услышанным, что решили опробовать эту систему на себе в зачётном походе. И Игорь Фёдорович был не против. Эксперимент прошёл успешно, мы построились, чувствовали себя легко и бодро, гру-

стила только мужская часть группы. Видимо, они недостаточно поверили в пользу выбранной раскладки, а психологический настрой в этом вопросе решающий. Питанию по Волкову (от кого узнали, тем именем и назвали) я ещё долго следовала и в своей повседневной жизни. Интересными были и тренировочные походы. Вспоминаются выходы в район ст. Тучково с посещением Мышиных пещер, поход в окрестностях ст. Турист и Яхрома с упражнением в ношении тяжёлых рюкзаков с дополнительным весом, например, парой кирпичей (кто-то из опытных сопровождающих подсказал нам такой способ работы над собой). Мир туризма для меня только притраивался, и поэтому всё нравилось и встречалось с энтузиазмом.

Итоговый поход планировался на Северо-Западный Кавказ. Схема маршрута забылась, в памяти остался целый ряд географических ориентиров, но уже сложно выстроить их в последовательную цепочку нашего пути: станция Белореченская, г. Майкоп, ручей Руфабго, плато Лагонаки, горы Оштен и Фишт, Хаджох, Апшеронск, Мезмай, р. Белая, пос. Каменномостский. Запомнились красоты этих мест, за несколько дней мы, как в сказке «Двенадцать месяцев», побывали в трёх временах года: вышли на маршрут весной, заскочили в зиму, походили по горному снегу и вернулись уже в лето. Помню, как мы, завершившие поход, поджидаем поезд на станции Белореченская. Жарко, а это первые числа мая, все в футболках, на обгоревших лицах листики сирени (Игорь Фёдорович подсказал способ защиты от солнца).

Уже через годы, оглядываясь на

этот первый для меня большой серьёзный поход, вспоминая сказанное Игорем Фёдоровичем, я поняла, что несколько уроков, тогда им преподанных, пригодились не только в моей туристской практике, но стали правилами по жизни.

Вернёмся в начало путешествия. Первый день на маршруте (а может быть не первый). Двигаемся в направлении к плато Лагонаки. Идём по широкой дороге. Я стала отставать, под рюкзаком не очень-то разбежишься, меня обгоняют один за другим участники похода. Огромное желание догнать, только об этом думаю, но ничего не получается. Я расстраиваюсь, нервничаю, не замечаю окружающей красоты. Рядом оказался Игорь Фёдорович, шагает не спеша, начал разговор с шуточками, подбадривая. У самого рюкзак – огромный.

– Не старайся догонять. У каждого человека свой темп движения. И это нормально, двигайся в своём темпе. Он упомянул про свои больные ноги, рассказывал, как справляется с этим в походах, ещё что-то говорил... Мы шли рядом, и мне стало спокойно с ним, чувство неполноценности ушло, появилась уверенность в себе. Начал ползти туман по дороге, между горными вершинами, он поднимался снизу, как из кастрюли, с которой сняли крышку. Я помню, что эта ассоциация возникла тогда.

– А ты знаешь, в тумане очень хорошо загорать. Кто же в молодости не хочет быть загорелым, да ещё в мае месяце. И я, поверив безоглядно, сняла штормовку, рубашку и осталась в футболке и загорала в тумане, не обращая внимания на снег, который лежал вокруг. И действительно, было не

холодно, и меня не смущало, что все одеты по-прежнему и упускают такой шанс, они-то, видимо, не знали про свойства тумана. Вообще с походами связано много открытий, новых природных образов, необычных прекрасных картинок, запомнившихся навсегда. Через некоторое время туман поглотил нас полностью, было невозможно ориентироваться, дальнейшее движение становилось опасным. Приняли решение остановиться и разбить лагерь. Поднялся такой сильный ветер со снегом, что костёр развести не удалось, поели сухофрукты и легли спать. А утро было необыкновенное – яркое, солнечное, словно награда за перенесённые накануне испытания. Было ещё рано, снег не успел подтаять и держал человека. Казалось удивительным, что не проваливаешься. Я опять ловила момент и загорала.

По такой погоде достаточно быстро добрались до плато Лагонаки. Мы увидели несколько огромных бочек-

цистерн, которые использовались горнолыжниками в качестве жилья. Так что нам не пришлось ставить палатки. Предстояла ночь в тепле, на кроватях, готовка на печке. Здорово. И вдруг вечером объявили, что формируется группа, которая на следующий день сделает быстрое восхождение, по моему, на гору Оштен (к подножию горы Фишт). Выходить надо рано по твёрдому снегу, двигаться быстро, чтобы к вечеру вернуться в лагерь. А меня и ещё кого-то не взяли. Отобрали самых спортивных, сильных. Возглавил отделение Сергей Балашов. Я в слёзы, и другие девочки тоже очень переживали. После ужина к нам пришёл Игорь Фёдорович. Допоздна он разговаривал с нами, рассказывал про свою жизнь, про людей, с которыми ходил в сложные походы и про неординарные ситуации, в которых оказывались, и про дружбу. Он говорил, что тем, кто остаётся в лагере всегда

непросто. Оставаться надо учиться. Но у остающихся тоже важная задача. От того, как мы ждём ушедших, зависит их успех. Наши переживания их поддерживают и оберегают и позволяют правильно встретиться потом, с радостью и гордостью, без обиды и упрёка. Ждать правильно надо уметь. В дальнейшем у меня была ситуация, когда я уходила в группе «избранных», а оставались другие. И у них рядом не было Игоря Фёдоровича. И мы тогда, пройдя тяжёлый маршрут с испытаниями, вернувшись, чувствовали себя виноватыми в том, что ушли, в том, что задержались, во всём. Встретившие ребята долго дулись, их обида захлестнула радость от того, что всё кончилось хорошо, все вернулись живые и здоровые, что сделано общее дело.

Ушедшая к Фишту группа выполнила задание благополучно, вернулась в назначенный срок. И мы были

счастливы, что всё получилось. И в этом успешном броске мы тоже участвовали своими душевными переживаниями и постоянными думами о ребятах.

В дальнейшем я не стала супер-путешественником. Моим максимумом были походы с ребятами по Подмосковию. Но поляны распутившихся крокусов, чёрное-пречёрное кавказское небо с огромными звёздами, до которых ничего не стоит достать рукой, и горный туман, поднимающий-

ся, как пар из кастрюли с приоткрытой крышкой, все эти картинки, яркие незабываемые, превратились в наше богатство. И ещё... уроки нашего руководителя стали правилами в отношениях к себе и к людям. У каждого – свой темп. Умей оставаться и ждать тех, кто ушёл на маршрут.

2018 г.

Фото – из личного архива И.Ф.Попова

СЕЛЕЗНЁВА Анна Николаевна, ОРГАНИЗАТОР И МАСТЕР ОТКРЫТЫХ РЕМЕСЛЕННЫХ МАСТЕРСКИХ «ДОМ С НАЛИЧНИКАМИ» в г. Углич (МУЗЕЙ РЕМЁСЕЛ И ТВОРЧЕСТВА), ВОСПИТАНИЦА ТУРИСТСКОГО КЛУБА «ГОРИЗОНТ» (РУКОВОДИТЕЛЬ – И.Ф. Попов)

г. Москва – г. Углич

КАК МЫ ПОЗНАКОМИЛИСЬ

Мы познакомились, когда интернета ещё не было.

А были только стационарные телефоны и первые персональные компьютеры, к которым обращались на каких-то цифровых языках. Я училась в МИРЭА [1], это был конец 1980-х годов.

В пасмурный мартовский день я сидела на лекции в огромной аудитории на 200 человек. Вдруг в аудиторию вошла девушка с папкой. Лектор замолчал, все напряглись. Она сказала: «Селезнёву вызывают в деканат. Есть такая?» Я встала и под гробовое молчание вышла в коридор. Коридоры там длинные... Всю дорогу я обдумывала

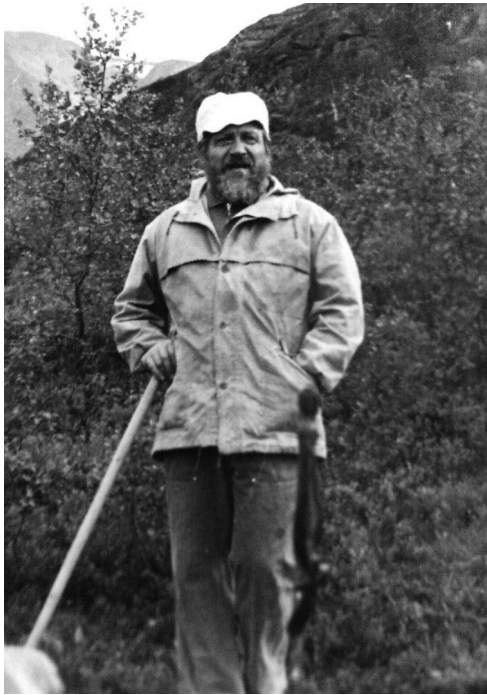
свои не очень страшные грехи, но за что меня исключают из института, так и не придумала.

Дошла туда чуть живая, заглянула, назвалась. Мне говорят: «Тебя к телефону». Ну, всё, ноги подкосились. В МИРЭА учились тысячи студентов. Чтобы кто-то позвонил в деканат и тебя вызвали с лекции... Я подумала, что война началась или ещё что похуже...

Я взяла трубку и услышала бодрый мамин голос: «Слушай, тут знакомые в поход идут на Кавказ через неделю, место есть одно. Пойдёшь?»

Надо знать мою маму...

Всё. Вечером я приехала, куда ска-

зали – в Дом пионеров, кажется, в Сокольники, подзабыла уже. Захожу, читаю по бумажке, что мне нужен Игорь Фёдо... и слышу: «Здравствуйте, юная фея!»

И – ура! – я, как дома, я тут нужна, меня здесь ждали! И это чувство осталось ярким светом на всю жизнь! Потом обсудили раскладку и снаряжение и через неделю встретились в поезде Москва–Туапсе.

И поехало: кан с чаем, раскачивающийся на цепочке прямо в плацкарте, все свои, гитара, рассказы, счастье! Поход не очень лёгкий оказался. В первый день было жарко, разделись до купальников, припадали на колени перед примулами и пролесками, вопили от удовольствия. К вечеру поднялись немного и попали в зону плотного глубокого снега. Палатки ставили в

потёмках на довольно крутом склоне среди редких сосен. Утром костёр, который поддерживался всю ночь, оказался в яме. Дежурный стоял в ней во весь рост и выдавал наверх еду.

Конечно, маршрут я не помню. Шли несколько детских групп и несколько взрослых. Кажется, это был районный туристский сбор. Я попала в группу пионервожатых, которую вёл и обучал лично Игорь Фёдорович. Мокли жестоко. Но весело. Когда было совсем мокро, сбивались в плотный табунок, заматывались все вместе в клеёнку и так, стоя, пережидали дождь. Учились ходить с альпенштоком, делали траверсы, учились верёвкам, бегали тонуть в цикламеновых полянах. Дружили. Сдружились. Там я познакомилась с Аней Сметкиной, с которой мы стали подругами, и почти родными сёстрами, на всю жизнь. Мой мир технического вуза, который стал мне тесноват, расширился, и жизнь пошла совсем по-другому. Но это уже другая история.

И я не предполагала даже, в начале похода, что этот взрослый и мудрый наш Учитель будет так прост и не горд, что с удовольствием приедет на встречу группы после похода. Да, мы собирались в Королёве у Ани Сметкиной дома. И Игорь Фёдорович был самым родным и своим в нашей молодой компании. И начертил Аньке на подоконнике стрелки азимутов, указывающие на Кремль и другие главные точки Москвы.

2018 г.

[1] МИРЭА – Московский институт радиотехники и автоматики.

Фото – И.Ф. Попов, середина 1980-х годов, из личного архива В.П. Авдеевой

СМОЛИН Кирилл Александрович, воспитанник туристского клуба «Горизонт» (руководитель – И.Ф. Попов), альпинист-разрядник, велопутешественник, инструктор по горным лыжам

г. Москва

ПЕРВОЕ РУКОВОДСТВО

В 1984 г. наша группа ходила в поход по Западному Саяну. Район удалённый и труднодоступный. Поход отличался автономностью и длительностью. Кроме того, для региона характерны неустойчивые погодные условия. Решиться на такое мероприятие можно было с группой, в участниках которой ты уверен. Группа к тому моменту существовала полтора года и прошла большое количество походов по Подмосковию в различные сезоны и поход на Кавказ.

Игорь Фёдорович всегда ставил перед нами цели. Одной из них была дальнейшая работа в детском туризме, его развитие и популяризация. В качестве практики мы делили ходовые дни между участниками и руководили по очереди, как ходовым днём, так и организацией бивака. Вечером у костра, за кружкой горячего чая, устраивались «разборы полётов», где обсуждались нюансы взаимодействия в группе, организация походного быта, общение, впечатления дня и пр. Но все эти дни

проходили под контролем Учителя, который мог моментально остановить эксперимент в случае угрозы безопасности и здоровья. Надо сказать, что многие после его школы продолжили организацию походов, как в детском, так и в спортивном туризме.

Маршрут был пройден в соответствии с запланированной «ниткой» и без происшествий. Мы вернулись в Абакан и расположились на турбазе, на окраине города. Знакомились с городом, ходили в музеи, просушивали снаряжение – благо, дни стояли солнечные. И вот настал день отъезда – нам следовало сесть на поезд «Абакан–Москва» и через четыре дня оказаться в объятиях любящих родителей и вкушать домашние пирожки. Сборы группы после ночёвки не были сильной стороной нашего коллектива и могли затягиваться несколько больше разумного времени. Сборы на турбазе не стали исключением.

Примерно за полтора часа до отхода поезда часть группы – человек семь – была собрана, другие же продолжали совершенствоваться в этом процессе. Игорь Фёдорович обратился ко мне с вопросом, знаю ли я как добраться до вокзала. Получив утвердительный ответ, он дал поручение мне доставить собравшихся участников группы до вокзала. Я был очень горд оказанным доверием – в реальных условиях руководить группой без присутствия Игоря Фёдоровича.

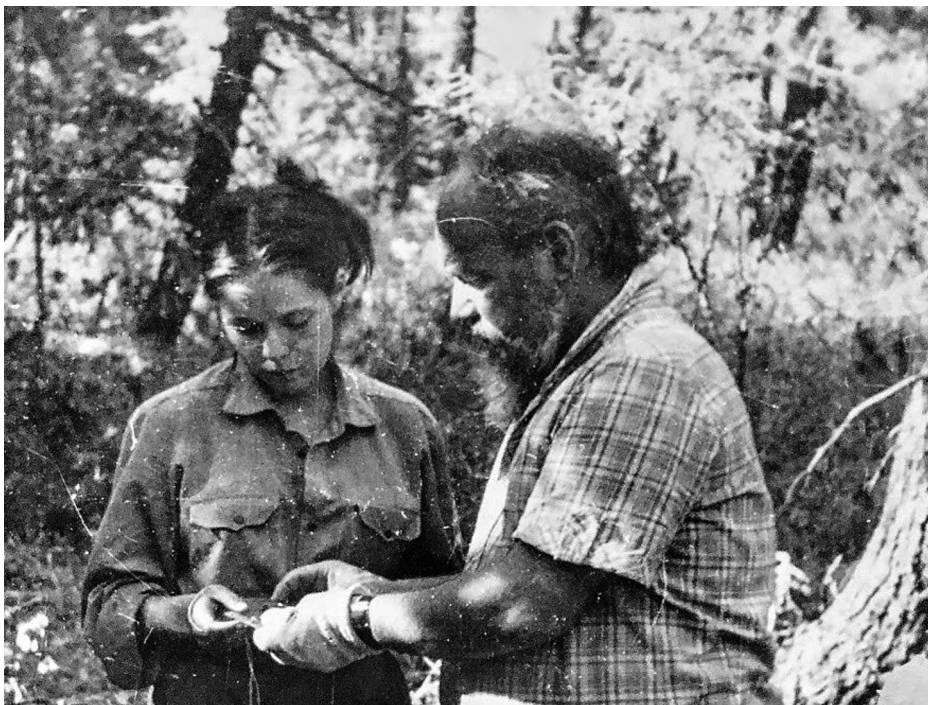
Надо сказать, что у меня всегда была очень хорошая визуальная память и с топографией я дружил. Так что за три дня знакомства с городом я очень хорошо представлял расположение улиц и как GPS-навигатор ментально представил кратчайшую

нитку маршрута до вокзала и примерный расчёт времени в пути. А вот общественному транспорту я не доверял...

Часы в то далёкое время были не таким распространённым гаджетом, как сейчас, и из нашей мини-группы оказались у меня одного. Где-то на 20-й минуте трёпа девушка попросила их отдать ей и одела себе на руку. Меня тогда это даже почему-то порадовало. Примерно по истечении часа она отказалась транслировать информацию о расположении стрелок. Внутренний хронометр подсказывал, что в расчёты внутреннего «навигатора» вкралась какая-то ошибка: пробок не было, но то ли не были учтены натёртые ноги, то ли вес груза учтён некорректно – в общем, темп продвижения не соответствовал расчётному, и явно следовало ускоряться. Но под 20–25-ти килограммовым рюкзаком это не так-то просто сделать на втором часе ходьбы.

Московский поезд отправлялся из Абакана с первой платформы. Когда мы вышли на перрон, то нам отрылась живописная картина: нарядные проводницы стоят в дверях своих вагонов с развёрнутыми сигнальными флажками, которые развеваются под набегающим потоком ветра тронувшегося поезда и добрые глаза Учителя в одном из тамбуров, который высматривал нас на платформе. Единственное верное решение, которое я моментально принял в тот день – сосредоточиться и прорываться в разные тамбуры, так как семь человек запрыгнуть в один тамбур на ходу явно не успевали. Насколько я помню, даже «стоп-кран» дёргать не пришлось.

За такую «доставку» группы я не получил нагоняй, хотя можно себе

представить состояние руководителя, у которого на поезд домой не попала треть группы (насколько я помню, он оставил второго руководителя дожидаться нас на вокзале, и тот успел вместе с нами сесть в этот поезд в последний момент). Игорь Фёдорович Попов старался создать такую атмосферу, чтобы участники походов самостоятельно анализировали ситуацию и принимали решения. Эта атмосфера доверия и партнёрства нас, 15–16-тилетних, и заставляла тянуться к нему и сплываться в один коллектив. Ведь такое отношение сложно было встретить тогда в других окружающих нас

социумах – школе, секциях, дворах. Для многих его подход изменил и отношения в семье. Прошло немало лет, а этот день стоит у меня в памяти как вчера...

2018 г.

Фото – из архива И.Ф. Попова. Первая фотография – группа «Горизонт» под руководством И.Ф. Попова в походе по Ергакам 1984 года. Кирилл Смолин – на этой фотографии в нижнем ряду, второй справа. На второй фотографии – И.Ф. Попов и Катя Белокосова в том же походе.

АВДЕЕВА ВЕРА ПЕТРОВНА, УЧИТЕЛЬ МАТЕМАТИКИ, ПОЭТЕССА, АВТОР НЕСКОЛЬКИХ СБОРНИКОВ СТИХОВ, РОДИЛАСЬ В МОСКВЕ, СО ШКОЛЬНЫХ ЛЕТ ПОСТОЯННО ЗАНИМАЛАСЬ СПОРТИВНЫМ ТУРИЗМОМ, МАСТЕР СПОРТА ПО СПОРТИВНОМУ ТУРИЗМУ, СТАРШИЙ ИНСТРУКТОР ЛЫЖНОГО ТУРИЗМА, РУКОВОДИТЕЛЬ ЛЫЖНЫХ ШКОЛ ТУРИСТСКОЙ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГОВ, РУКОВОДИТЕЛЬ МНОГОЧИСЛЕННЫХ СЛОЖНЫХ ПОХОДОВ, ВКЛЮЧАЯ ДЕТСКИЕ СПОРТИВНЫЕ ПОХОДЫ, ОРГАНИЗАТОР ДЕТСКОГО МОСКОВСКОГО ТУРИЗМА, ПЕДАГОГ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ, УЧАСТНИЦА ЗНАМЕНИТОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЖЕНСКОЙ ЛЫЖНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ «МЕТЕЛИЦА» ПО ЧУКОТКЕ.

г. МОСКВА

У КРОМКИ ОКЕАНА

Посёлок Уэлен старше Самарканда. Он стоит на чёрной галечной косе, вдающейся в океан, более четырёх тысяч лет. Сейчас зима. Конец февраля. Уэлен занесён снегом. Сугробы достают до форточек окон первого этажа. У самой кромки замёрзшего океана небольшой двухэтажный дом. Угол дома, обращённый к океану, весь в замёрзших подтёках и сосульках. Сильные шторма и ветер донесли сюда влагу, и теперь стена дома смотрится экзотично.

В этом доме на втором этаже живёт приехавший недавно из Москвы новый учитель географии.

С этим Учителем Географии я очень хорошо знакома. Мы знакомы 25 лет. Зовут его Игорь Фёдорович Попов. Встретиться в Уэлене мы не договаривались. Это произошло случайно. И теперь мы сидим в его комнате в доме на берегу Берингова пролива.

Чтобы понять, как в 59 лет начинают жизнь с чистого листа, достаточно оглядеться в его новом жилище.

В комнате два стула и плоская парта, заменяющая стол, книжный шкаф, картонные коробки с книгами и вещами, раскладушка. На окне пока нет занавесок. Хозяин ещё как следует не обжился на новом месте. На плечиках у двери висит его зелёная «синтепонка». В такой самодельной куртке туристы-лыжники отправляются в путешествие по Арктике. Рядом висит моя красная фирменная пуховка с надписью на спине «Метелица».

На новоселье принято приходить с подарками. В Уэлене прекрасный магазин. Можно купить всё, что захочешь. По контрасту с Москвой, где продукты питания по талонам (идёт 1991 год) и, кроме хлеба и кильки, ничего нет на прилавках, здесь просто «Клондайк». Но на хороший подарок у меня нет денег. Я купила Игорю Фёдоровичу цветную салфетку (в хозяйстве пригодится).

Мы садимся пить чай. Хозяин стелет салфетку на стол, ставит на неё чайник, чашки. Потом извлекает из

какой-то коробки варенье и хлеб. Попов любит чай. Десять лет назад Игорь Фёдорович был моим начальником, а я его единственным подчиненным в маленьком отделе одного учреждения почти в центре Москвы. В обед мы каждый раз пили с ним чай. Мы оба рады встрече. Игорь Фёдорович расспрашивает о том, как прошёл маршрут. Вместе с женской арктической командой «Метелица» я пришла в Уэлен на лыжах вдоль кромки океана, таща за собой 50-килограммовую нарту с грузом. Откровенно делюсь впечатлениями. На маршруте было много дней со штормовым ветром (до 35 метров в секунду), снаряжение тяжёлое. Но главное, что огорчало в пути, это количество конфликтов между участниками похода. Нас слишком много, и все мы очень разные. В команде 10 москвичек, девочка чукча Вера «Маленькая», американка Джулия Хайт и

японка Токако Такано. Самой молодой участнице, Токако – 29 лет.

Самой старшей – Ирине Бояновне Соловьёвой (дублёру первой женщины-космонавта Валентины Терешковой) 57 лет. Меня в команде называют Вера «Большая». Попов с интересом слушает подробности о нашем лыжном переходе. Потом рассказывает мне о школе-интернате, где теперь работает учителем географии. Местные ребята прекрасно чувствуют себя в тундре и зимой, и летом. Когда тоска по родной яранге начинает особенно мучить, пускаются в бега. До ближайших стойбищ от Уэлена 70 и более километров. Иногда, сразу хватившись беглецов, их удаётся «догнать» вертолётном километрах в 50 от Уэлена. Но чаще они добираются до стойбища, и уже там их настигает погоня. Игорь Фёдорович рассказывает, что у школы-интерната есть большой бар-

кас для летних плаваний. Чаще всего ходят на нём через Берингов пролив на Аляску, так как местным жителям для посещения Аляски не требуется американская виза.

«Америку» я тоже видела во время нашего лыжного перехода. С вершин прибрежных сопкок хорошо видны острова, принадлежащие США. Да и в сторону Америки мы сегодня с утра выходили на лёд Берингова пролива с нашей женской командой. Километра три прошли без лыж до первых впечатляющих торосов, высота которых превышала 10 метров. На морозе, при -15°C , все разделись до маек. Фотографы отсняли какую-то рекламу: улыбающиеся загорелые девушки в одинаковых майках и шапочках позируют среди арктических льдов. Конечно, мороз не сильный, но ветер пронизывает до костей. Попов посмеивается над нашим «героизмом», как и Катя – молодой корреспондент «Комсомольской правды», которая при каждом удобном случае отправляет в Москву едкие заметки о «Метелице».

Договариваемся с Игорем Фёдоровичем встретиться завтра в школе, где он хочет познакомить меня со своими учениками. Я возвращаюсь в гостиницу, где живёт наша «Метелица», радисты экспедиции, представители японского телевидения, корреспонденты. Гостиница в Уэлене – это просто одноэтажный барак на склоне сопки. В гостинице почти деревенский туалет, но зато есть электричество. Я живу в двухместном номере с Катей из «Комсомольской правды». После холодных ночёвок в тундре, я радуюсь кровати и одеялу. 23-летняя Катя, которая воспринимает эту командировку, как

ссылку, всё время подкалывает меня и кичится своею молодостью. Перед сном она демонстративно раздевается догола и ныряет под три одеяла. При этом сетует на то, что вместо командировки в зону боевых действий она вынуждена жить с нами в «этой дыре». Японцы до середины ночи мёрзнут невдалеке от гостиницы, снимая ночное северное сияние на ветру и при морозе -25°C . Временами они забегают в тамбур гостиницы погреться. Прекрасная северная ночь распростёрла над Уэленом свои цветные крылья.

Наутро иду в школу. Меня приводят в 4-й класс. На учительском столе уже стопкой лежат детские рисунки. По качеству они мало уступают рисункам художников-косторезов, прославивших Уэлен своим искусством. На рисунках яранги, сцены морской охоты, нерпы, моржи. Всё это вызывает восхищение, так как является прямым доказательством того, что связь маленьких чукчей и эскимосов с природой очень тесна. Чувство цвета и формы маленьких художников удивляет. Куски ватмана, на которых сделаны рисунки размером 40×60 см. Впечатление волшебное.

Позднее побывав в косторезной мастерской вместе с командой «Метелица», я убедилась, насколько изысканными могут быть предметы, выполненные местными художниками. Костяные трубки, ножи, фигурки морских зверей, сцены охоты. Особенно поражают покрытые гравировкой моржовые клыки. Гравировка – один из видов обработки кости. В процарапанные на клыках узоры втирается органическая природная краска. Силуэтный рисунок, нанесённый «ко-

готком», фиксируют чёрным карандашом, а позднее добавляют цвета. Так на самой восточной оконечности нашего государства рождаются произведения высокой художественной ценности. В мастерской нам предложили приобрести сувениры из кости. Оказалось, что стоят они довольно дорого, и крупные предметы нам просто не по карману. Я всё же выбрала фигурку эскимосского бога Пеликена, охраняющего путешественника от бед. Теперь эта небольшая фигурка из кости стоит дома в моём книжном шкафу.

В. Авдеева

Чукотка

Корабли в ледовитом просторе
Натрудили и грудь, и бока.
Там Чукотка всплывает из моря
И ложится спиной к облакам.

Белый ветер над белою кромкой
Заморозил волну на лету.
Рядом с крепко уснувшей Чукоткой,
Три кораблика встали в порту.

Спят медведи, укрывшись в торосах.
Ближе к югу олени ушли.
И окурком большой папиросы,
Маячок полыхает вдали.

Холод ночью какой-то сиротский.
Но, уплыв далеко, нам потом,
Этот берег промёрзший Чукотский
Представляется белым китом.

И в тиши городского уюта,
Раздвигая обыденность стен,
Возникает опять та каюта,
Где хранил нас божок – Пеликен.

1991–2018 гг.

Фото – из архива И.Ф. Попова

МОЧАРНАЯ Наталья Алексеевна, воспитанница туристского клуба «Горизонт» (руководитель – И.Ф. Попов), врач терапевт высшей категории.
г. Москва

ПАМЯТИ ПОПОВА ИГОРЯ ФЁДОРОВИЧА (25.08.1932 – 12.07.2016)

Вот не ожидала от себя, а мысли сами потекли...

Сначала мы хотим постичь замысел относительно нас своего учителя – каким он хочет нас видеть, – а потом и Творца. Чему учил? Ну, помимо на-

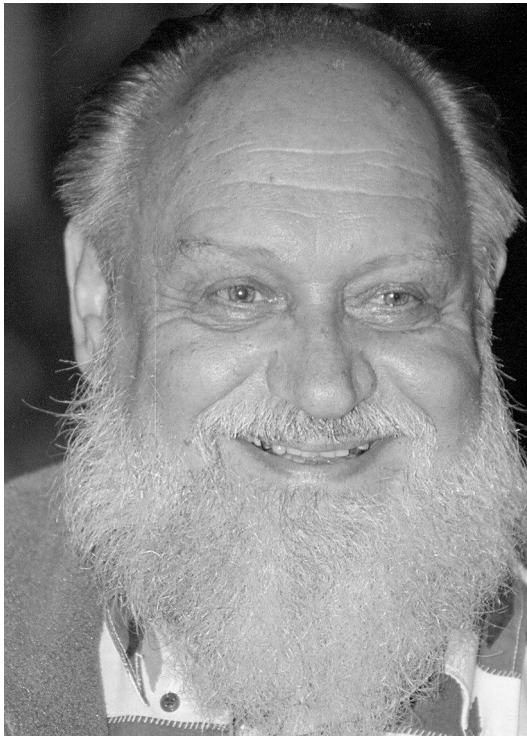
выков, а так, самим собой, свою выпуклостью, а чаще выгнутостью? Не смейтесь только и извините за пафосность...

Преклонению перед природой. Что-то подобное я потом у Пришвина

нашла. Подходя к опушке леса, говорил: «Здравствуй, лес!» Кто-то это слышал, а кто-то нет. Природу точно не покорял, не брал наскоком и тренировкой, а изучая её законы. Он пытался с природой слиться, в неё влиться. Не я – над нею, а я – **вместе** с нею. Был в гармонии с природой: с лесом, с тайгой, с горами. Брал в союзники, в друзья, в спасатели...

Учил стихии огня и звёздного неба... Они родственны внутреннему в человеке и ведут его по жизни... Учил Истокам и Началам: водил на исток-болото реки Волги, к началу любви к природе и людям.

С этим великим – в контрасте – сильнее ценишь более житейское – хлеб после почти месячного употребления сухарей; вид из окна в Москве – после вида гор-

ного хребта; семью – после группы друзей-товарищей в походе.

Учил выживанию в суровых условиях с опорой на главное. «Дружба и братство дороже богатства». «Не имей сто рублей, а имей сто друзей». Учил жизненным приоритетам, что духовное выше и ценнее материального. Учил делиться последним, а потом жалел и сетовал: «Как же вы у меня, если станете совсем хорошими, выживете в таком жестоком мире?»

Учил и простому, житейскому, например, из двух зол выбирать меньшую. Говорил, что высшее образование сейчас необходимо, без него нельзя. Всем сомневающимся рекомендовал свой любимый педагогический, географический факультет. Кому мог, помогал, делал протекцию, – у него у самого повсюду были друзья. Гордился всеми, но особенно учениками с туристской династией.

Учил преклонению перед Женщиной. У него природа и женщина стояли рядом, как две наиболее близкие и, как казалось, доступные, но неразрешимые загадки, неизменно вызывая интерес, восхищение и желание если не разгадать, то приблизиться к этой вечной тайне. Учил заботиться о девочках в походе, например, напоминал дежурным, чтобы вечером была горячая вода для гигиенических целей.

Страсть как интересовался нашими девчачьими влюблённостями. Мало-помалу начинал видеть человека целиком и редко в ком ошибался. Не только слушал, что-то и говорил, но резко не корректировал. К отношениям относился бережно, не критиковал, пары не разбивал. Никогда не видела, чтобы кричал (должно последовать – «убивал» сразу или крыл матом, но

этого я не видела). Чтобы понять человека и позвать в поход, вёл разговоры и с родителями. Брал всех, а позже всё чаще тех, кто «отбился от рук».

Сам оставался верен единственной женщине – жене Валентине, про которую ему сказала мать: «Она – сирота, и тебе нельзя её обидеть». Думал, был уверен, что он уйдёт первым, а ушла на год (и один день) раньше него Валентина Никифоровна. Я заметила, как он растерялся после её смерти, почти как у Высоцкого: «Друг, оставь покурить. – А в ответ тишина...» Так сжился-сросся с ней, что другой на её месте никогда себе не представлял. На семейно-бытовом уровне во многом был с ней не согласен, но «бунта на корабле» себе позволить не мог – трое детей и всё хозяйство было на ней, и она как могла, с этим справлялась на две учительские зарплаты. Надо отметить, что и он у неё до последних дней оставался неизменно: «Игорёчком!» И – Главным в семье!

Непререкаемый авторитет – мать. Маменькин сынок? Безотцовщина? – Да. Мать спасла ему жизнь, как птица, отводя хищника от гнезда. Она изменила в страшные 1930-е годы ему фамилию и отчество и даже, возможно, год рождения. В 2009 году, после моей лекции на его семинаре в «Родине» в душевной беседе за чаем (в январе, с земляничным вареньем!) он мне поведал самое-самое: «Я не сын врага народа». Доколе дети, чудом выжившие в эти страшные години, будут нести на своих плечах бремя вины, которой у них нет? Они были жертвами. И поскольку идеология вбивалась в людей долгими годами, то избавиться от неё не так-то было просто. Ему до конца тоже это не удалось.

Когда тяжело заболел, его родные дети попросили его дополнить их семейную родословную своим рассказом по примеру матери, которая написала дневник-автобиографию. Он говорил мне, что дополнить написанное матерью не сможет, так как это было написано в другое время, а если перенести это на компьютер, то потеряется дух того времени. Я согласилась. О том, что написал о себе, узнаем после того, как сын посмотрит содержимое его компьютера. С гордостью рассказывал про дедов-долгожителей, дядьёв и их семьи. Они жили в основном крестьянским трудом.

Не было в нем духа соперничества, как и зависти к другим, более успешным, если только чуть-чуть... Не было у него такого спортивного звания, как «мастер спорта» (хотя настоящим Мастером, я думаю, он был, и я говорила ему об этом, хотя кто же меня послушает, – я же отнюдь не в квалификационной комиссии), – не довелось, хотя сложные походы с этой целью проводились, но по воле случая заканчивались они тем, что приходилось сходить с маршрута, чтобы помочь в спасательных мероприятиях, ведь человеческое здоровье и жизнь дороже бумажек!

Не было и написанной диссертации. Но она была в голове, он её писал всю жизнь, и она называлась примерно так – «Искусство составления маршрута (похода, путешествия)».

Кроме Божьего храма – природы, на его маршрутах должны присутствовать очаги культуры – творения рук человеческих. В то время ими были, да и сейчас не обесценились, музеи краеведческие, этнографические и минералогические, да и усадьбы дво-

рянские. Он говорил, что и Опалиху он выбрал для нас потому, что там неподалеку была усадьба «Архангельское», – ни много ни мало, а подмосковный Версаль! Это всё помимо той программы, которая «спускалась сверху», а именно с патриотической тематикой, но и это было со вкусом, искренностью и смекалкой. Да, мы были и на местах подмосковных боёв, и на месте подвига Маресьева, но мы ещё ходили в деревенскую пекарню просить хлеба, повязав галстуки, и нам даже не надо было делать голодного лица.

И всё это предполагает в нём наличие любви и смирения! Смирение стало заметным после его возвращения из Уэлена в 1994 году. Юнцы, которые пришли тогда к нему в кружок, оставляли его в замешательстве тем, что он не был для них авторитетом, как для нас и, отчасти, наших детей. Это было «поколение нулевых» (с поколением 1980–1990-ых, – наших детей, это проходило мягче). Они отличались непослушанием, срывали маршрут своим «не хочу» и эпатажем (одни волосы, покрашенные в зелёные, чего стоили). Сначала он обижался, увещевал, писал открытые письма, а потом смирился. И стал служить им, как раньше тем, кого он спас от подворотни (то есть нам). Только теперь он стал спасать всё больше не от непонимания родителей, а от наркотиков и суицида.

Не всех, но многих это встряхнуло и повернуло к жизни. Он предлагал альтернативу – свободу в походах для их подросткового выброса адреналина; и пытался, не всегда успешно, держать их в рамках заданного маршрута (да и куда далеко убежишь в горах или

в тайге).

Например, как это происходило в походе на озеро Байкал в 2001 году? Игорь Фёдорович делал с нами небольшие переходы по берегу или на моторной лодке, когда мы шли по берегу, а потом оставался жить в лагере в живописном месте, пока мы со вторым руководителем Сергеем Дзвонковским «накручивали километры» и впечатления по радиальным маршрутам. Сознаюсь, что в то время, хотя и была ещё худенькой, я еле-еле выдержала только семидневный маршрут, после которого ещё две недели отмокала в Тункинских горячих источниках, приходя в себя. Причем, нас жалели, – нашу палатку «тёнек» дежурные (а мы ещё и не дежурили!) будили только тогда, когда завтрак уже был готов, а вечером после перехода мы так уставали, что ложились спать, не дождавшись чая! А когда ставили палатку, наши стоны повторяло эхо всех горных хребтов Саян!

Учил иметь возможность учиться всегда и всему. Был сторонником непрерывного образования и самообразования. В Центре «Родина» по его инициативе и под чутким руководством несколько лет проводился семинар для подготовки руководителей – инструкторов детско-юношеского туризма. В январе 2009 года вместо рекомендуемой мне по плану лекции по первой медицинской помощи я изобразила что-то из смеси антропологии и психологии. На лекции было всего-то человек семь, но всё-таки один молодой человек пришёл поблагодарить за неё. Игорь Фёдорович мне сказал, что это был внук того самого легендарного Остапца-Свешникова! Его концепция «Школа жизни – окружаю-

щий мир» и моя лекция под названием «Что вижу, то пою» оказались чем-то близки.

Чему учил, тому следовал и сам, – постоянно читал, учился, подстраиваясь под другие возможности своего организма, связанные с ухудшающимся здоровьем. Когда стало сложно руководить дальними походами, перешёл на походы выходного дня, когда и здесь стало не по силам, стал проводить интересные автобусные экскурсии. Но без дела и новых задумок не проходило и дня!

Те из его многочисленных учеников разных поколений, кто в его универсализме увидели и продолжили только спортивную часть, ходили по маршрутам до тех пор, пока здоровье позволяло – до 40-ка, край – до 50–55 лет. Сам же он оставался в строю до 81 года, когда вышел на пенсию в 2013 году после операции на сердце годом раньше. Он тогда не брал в расчёт (поэтому и я не беру) гипертонию, сахарный диабет и больные суставы и вены на ногах. А как показало время, свою прощальную лекцию-встречу с учениками он провёл из больницы по скайпу в апреле 2016 года, за 2,5 месяца до своего ухода.

Про опоры в конце его жизни. Это особая тайна за семью печатями...

С начала 2015 года находился почти непрерывно в больницах, пока в конце сентября не выписали уже после операции с онкологическим диагнозом. Нашла в своих записях: в декабре 2015 года сказал мне, что появилось новое переживание спокойствия, созвучное Льву Толстому и привёл пример своего дядьки, который не дожил до 100 лет два месяца и писал всем поздравления в стихах. С этой новой опорой

в начале 2016 года ему стало лучше настолько, что отказался от сиделки Татьяны, и она уехала домой на Украину. Её тогда заменили (временно, как оказалось) патронажные медсёстры из центра паллиативной помощи. Будучи верным себе, от визита священника тоже отказался. Хотя по просьбе дочери честно пытался просветиться, например, смотрел телеканал «Спас».

В 2016 году наше основное общение было по телефону, но стало более глубоким и без обиняков и окопесницы, как будто оба понимали, что времени осталось немного. Он много рассказывал, например, про группу «Метелица», про Уэлен, как неожиданно для обоих встретился там с Верой Авдеевой. Как на её вопрос: «Что он здесь делает», он ответил: «Я здесь живу!» Говорили о том, о чём страшно говорить – о гибели Дениса и причине случившегося. Говорили о наследии и о том, «что останется после тебя». Тогда же придумали раздавать книги из его библиотеки в хорошие руки...

О смерти не говорили, хотя один раз прозвучал запрос на эту тему. Надо сказать, что у нас в ходу с детства была любимая присказка Жени Попова, которую мы озвучивали, не по делу, конечно, а в шутку, – теперь она меня выручила. Она такая: у доктора спрашивают: «Доктор, а я умру?» А он отвечает: «А как же!» Я только пролепетала в дополнение, что жизнь вечная – это не благо, а наказание...

Спасибо всем! всем! всем! (Это после успешной операции хирург произносит обязательно: «Спасибо всем! Все свободны!» Так и я хочу поступить.) Отдельное огромное спасибо лечащему доктору-кардиологу из 11-й больницы (потом ставшей

центром паллиативной помощи, с Божьей помощью) Харьковской Марье Сергеевне за заботу, за медицинское сопровождение Игоря Фёдоровича с 2012 года!

Спасибо близким за семейную поддержку, за финансирование операций на сердце и восстановительного лечения. Спасибо и «опоре» в конце жизни – сиделке Татьяне! Спасибо всем ученикам Игоря Фёдоровича, и тем, кто его навещал в больницах, и тем, кто его помнит и любит. Особенное спасибо его ученикам из группы «Горизонт», они самые молодые и самые его любимые, как мне кажется. Им, как и его внукам и правнукам, принадлежит будущее. «Нам умяляться, а им расти».

Родовое кладбище в Андреевке ему почему-то нравилось, особенно в последние годы. Привлекала и церковь – стиль «Украинское барокко». Почему оно здесь? Также это барокко и в разрушающемся Каргополе, им любимом Севере, – вот уж совсем загадка!

Церковь там Всемилоостивого Спаса. Вот и пришёл к Богу. Ведь пути Господни неисповедимы! Хорошо, что, даже уходя, кроме своей любви, человек оставляет за собой шлейф загадок... для нас, остающихся...

P.S. Оказывается, «Родина» два года назад распалась после реорганизации! Кто-то ушёл на пенсию, кто-то пытается в другом месте прижиться, но все вместе будут сохранять традиции Александра Александровича Остапец-Свешникова и Игоря Фёдоровича Попова!

21.08.2017 г.

Фото – из архива Н.А. Васюнина

ВАСЮНИН Николай Алексеевич, сотрудник «Российского самолётостроительного концерна МиГ», руководитель туристской группы «Горизонт», воспитанник и последователь И.Ф. Попова, профессиональный фотограф, инструктор детско-юношеского туризма

г. Москва

«ГОРИЗОНТ» В ПУТИ ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Однажды в начале апреля 2018 года мне позвонил Вадим Шахнович и тоном, не допускающим никаких возражений, категорично заявил: «Коля, я знаю, у тебя всё есть! Как в Греции... Ты же фотограф: мне срочно нужна фотография, где есть Попов и костёр. И чтобы оба – крупно. И лучше, если там ещё будут его ученики. И чтобы всё было в цвете!» Зная Шахновича почти 20 лет, я не сильно удивился его категоричности, но попробовал возразить: «Да нет у меня такой фотографии!» Вадим не унимался, и потребовал, чтобы я всё перерыл и нашёл то, что ему нужно. Скорее, чтобы он уже отстал от меня, или из уважения к давнишней дружбе, я пообещал посмотреть. «Ты только это... не откладывая в долгий ящик, мне срочно нужно», – сказал Шахнович, завершая разговор.

В ближайший выходной я полез в свой фотоархив, в котором за более чем 20 лет накопилось довольно много цветных негативов из походов, которые я прошёл совместно с Игорем Фёдоровичем Поповым. Большинство самых лучших его портретов уже давно известны, они были многократ-

но напечатаны и розданы, и самому Игорю Фёдоровичу, и участникам тех походов, и многим другим людям. На многих сливерах [1] даже сохранились бумажные наклейки, на которых были отмечены самые красивые, интересные и важные фотографии с Поповым. Тем не менее, я выполнил просьбу Вадима, и внимательно просмотрел их ещё раз.

Через пять дней, вечером в воскресенье, Шахнович снова позвонил, и сказал, что едет за результатом. Мы уселись у меня дома на диване, и я произнёс:

– Слушай, откуда ты узнал, что у меня есть такое фото? Как ты «протелепал»?..»

Вадим широко улыбнулся и ответил:

– Ну, я же тоже фотограф. И я знаю, **что именно** мы любим в походах фотографировать. Ну не мог профессионал НЕ снять в походе своего любимого учителя, да где-нибудь на днёвке, да у костра... А где ещё у нас есть время спокойно сделать хорошие портреты? Только там. Так что я был абсолютно уверен, что ищу в правильном месте.

Потом я показал ему все отобранные негативы, дал комментарии. Вадим рассказал, почему именно такое фото ему нужно: для обложки журнала о Попове. Потому что там и в тексте, и в названии, и на фотографии обложки должны быть Попов, его ученики и костёр. Все три элемента – должны поддерживать основную мысль этого спецвыпуска журнала [2].

Услышав объяснение, я сразу вспомнил: «А ты знаешь, ведь «Горизонт» не умер!» Вадим аж подпрыгнул на стуле: «Это как? Что это значит?» Чувствовалось, что я попал прямо в точку его мыслей – о преемственности, о которой всё время думал и он сам, и, судя по всему, наш

общий с ним учитель, Игорь Фёдорович.

Тогда я рассказал, что много лет Игорь Фёдорович уговаривал меня вместо «Ёлки-Палки» переименовать мою детскую туристскую группу в «Горизонт». Особенно, когда он сам перестал ходить в походы. Мне было неудобно принимать ответственность за столь известное название, и я долго отказывался. Так вот теперь, когда Игоря Фёдоровича нет с нами, я свою группу именно так и называю. И нет больше никаких «ёлок» и никаких «палок».

Туристская группа «Горизонт» продолжает свою историю: новые поколения детей всё так же ходят в категорийные походы по любимым Игорем Фёдоровичем Хибинам, Полярному Уралу, Хамар-Дабану, Западному Саяну. Так получилось, что продолжить историю «Горизонта» и принять руководство им, пришлось мне, его ученику, который тоже не собирался быть педагогом [3]. Но влияние Игоря Фёдоровича было настолько мощным, что хотелось ему подражать, и быть похожим на него.

На формирование меня, как инструктора детско-юношеского туризма, оказал влияние не только И.Ф. Попов, но также его друзья и ученики: Полтанов Георгий Георгиевич, Котенков Вячеслав Борисович, Шахнович Вадим Игоревич, Харченко Алексей Фёдорович, Евтушенко Алексей Григорьевич, Дзвонковский Сергей Ле-

онидович – это те люди, на плечах которых стоит «Горизонт» образца 2018 года – дружная разновозрастная группа, «исповедующая» спортивный пешеходный туризм в самом лучшем своём проявлении – в версии Попова Игоря Фёдоровича.

Услышав про всё это, Вадим аж закричал: «Ты должен прямо сейчас сесть и написать про это «пару строк»!!!» Немного подумав, я понял, что это правильно – и написал вот этот текст. А Вадим слегка добавил к нему «отсебятины». Традиции Игоря Фёдоровича продолжают и другие его ученики, о которых я мало знаю, но которые тоже используют туризм в своей работе с детьми. И каждый из нас, по-своему, продолжает водить в походы своих учеников, сыновей-дочерей, внуков, их родителей, чтобы вместе испытать все трудности по-

ходной жизни, как когда-то в молодые годы мы сами впервые сделали это с Игорем Фёдоровичем Поповым.

2018 г.

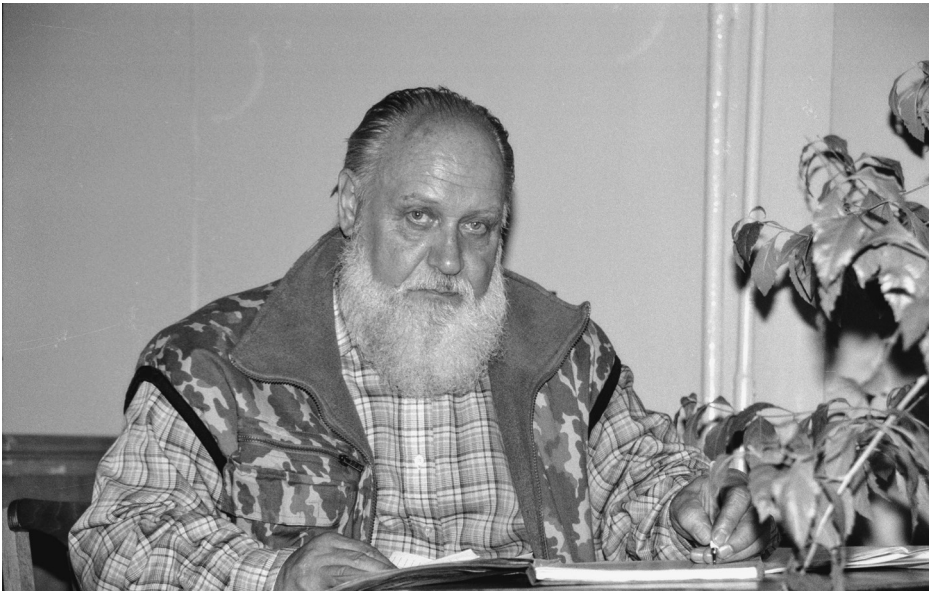
Примечания:

[1] Сливёр – специальный пластиковый или бумажный пакет с узкими отделениями («кармашками») для полосок фотоплёнки, используемый профессиональными фотографами для организации фотоархива.

[2] «Несгорающий костёр» – название этого спецвыпуска журнала «Родина-Ру».

[3] См. статью В.И. Шахновича «Характер», опубликованную в этом номере журнала.

Фото – из архива Н.А. Васюнина. На фотографии – Игорь Фёдорович Попов и его внучка (и ученица) Ольга Горлова в походе по Хибинам 1998 г.

АЛХУТОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ, воспитанник детско-юношеского туристского клуба «Горизонт» (руководитель – И.Ф. Попов), психолог частной практики, мастер НЛП (Нейро-лингвистического программирования), член Союза писателей города Москвы

г. Москва

ПОСВЯЩЕНИЕ ОТ ПОПОВА

Это история о том, как важно для хорошего педагога устроить ученику настоящее посвящение, в конце которого будет: «Встань, рыцарь, и будь признан». Сам педагог может не понимать, что он делает именно это, но разве важно, **что** он понимает? В конце концов, **что** педагог понимает, может знать только он. Важно то, что педагог **делает**.

В секцию Игоря Фёдоровича Попова я попал осенью 1983 года, сразу после настоящего похода первой категории сложности по Приэльбрусью с настоящим перевалом 1А категории трудности. В поход этот меня, восьмиклассника, водила моя (к тому времени уже не совсем моя) старшая пионервожатая Лена Васильева, с которой я ходил в походы с осени 1980 года. В конце похода я славно отметил день рождения – мы с ровесником Ильёй купили бутылку розового портвейна и распили её на платформе вокзала в Нальчике. Илья в свои пятнадцать был уже изрядно бородат, и ему продали. Словом, мы были уже совсем большие: когда родители тебе дают денег на мороженое, а ты тратишь их

на «бухло», это верх самостоятельности.

Вообще подростку в этом возрасте важно-то что? Ему важны две вещи – самостоятельность и признание. Поэтому я пил портвейн в знак самостоятельности, но пил не один – собутельник, очевидно, признавал во мне взрослого. Иначе что за удовольствие?

Помимо того, в этот же период жизни в знак самостоятельности я махнул из обычной районной школы в школу при Академии педагогических наук, в математический класс – как раньше говорили, оказия вышла, прошёл первый тур Ломоносовской олимпиады по математике, и нас таких набрал в ту школу известный популяризатор математики Константинов. А школа находилась в Сокольниках.

Так я попал в зону притяжения Сокольнического дома пионеров. Но я этого ещё не понимал. В конце концов не так уж важно, что я понимаю. Как заменитель мозгов в этом деле для меня выступил Вадик Шахнович, который в тот поход по Приэльбрусью ходил с нами вторым руководителем. Он сказал мне: «Серёга, приходи к

Попову, ты ведь теперь наш, сокольнический». И я пришёл.

Компания в секции Попова оказалась интересная, в ней прижились «трудные» ребята, от которых Игорь Фёдорович (в отличие от большинства иных педагогов) не отказывался, и я нашёл в этой компании себя, так как тоже в некотором смысле был по жизни «трудным»... Я пытался таскать в походы «бухло» и пить с товарищами – мы отлично признавали друг в друге взрослых. Также я играл на гитаре и пел бардовские песни – так я получал признание в качестве гитариста и, возможно, души компании. Но быть взрослым и быть душой компании – это ещё не всё, и мой ум, которым я втайне гордился уже тогда, весь оставался на уроках математики. С признанием ума в подростковых компаниях тяжело. Во всяком случае, было тяжело в те самые восьмидесятые годы 20-го века. Умные – это «ботаны», а нормальный человек «ботаном» не будет, так ведь? Так тогда полагали мы.

Раз я втайне напился в походе в хлам. Таким лицом пьянство повернулось ко мне впервые. Мне стало стыдно уже ночью. За то, что «нажрался», и за то, что блевал. Как алкаш какой-нибудь. К утру я немного проспался, но стыд не прошёл. Мне стало казаться, что признание во мне взрослого обходится слишком дорогой ценой.

Дела же в группе, между тем, шли своим чередом. Группа проснулась, позавтракала, и Игорь Фёдорович дал нам указание идти ломать толстые дрова. Почему ломать? Потому что в этот раз двуручной пилы у нас не оказалось, и потому, что методику разделки дров без пилы полезно знать

всякому туристу. Впрочем, все эти «почему» могли находиться только в понимании Игоря Фёдоровича, а что педагог понимает – не так уж важно. Не будем додумывать за него.

Не будем додумывать – но методике изложить надо. Методика следующая. Берётся сухой ствол дерева, который мы собираемся пустить на дрова. Ствол вставляется в развилку дерева или щель между деревьями примерно на уровне груди. А дальше к этому стволу как к рычагу прикладываются усилия – если он очень толстый, то можно нескольких человек. Усилия надо прикладывать осторожно: когда ствол ломается, можно упасть и получить серьёзную травму.

Нам выпал в тот раз хороший ствол – толстый и длинный. Игорь Фёдорович подобрал для нашей работы нужную щель, мы засунули в неё ствол и уже почти, было, начали прикладывать усилия к тому, чтобы его сломать.

Но внезапно я своими похмельными мозгами отметил тотальное техническое несовершенство нашей работы. Мы сунули ствол в щель тонким концом. Тонким! А ведь по мере того, как мы будем ломать ствол, наше плечо рычага будет укорачиваться, а сама ломаемая часть – утолщаться! И это значит, что мы довольно скоро потеряем возможность наломать себе дров, причём самых интересных – толстых, которые горят долго и ровно.

И я сказал: «Стойте! Давайте сунем в щель толстым концом, пока плечо рычага длинное, а то потом не сломаем».

И Попов на это заметил: «Умного мужика нам Ленка Васильева прислала».

И тут в моей душе случилось такое,

ради чего в мои пятнадцать я, может быть, согласился бы бросить пить, курить, травить неприличные анекдоты и на какое-то время даже щупать девчонок. Я почувствовал исходящее от отцовской фигуры признание меня как равного в самом главном, что останется со мной до конца жизни, а может быть, и после неё.

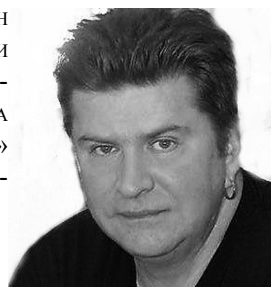
Я встал и был признан. С тех пор

прошло 35 лет, но это посвящение я до сих пор воспринимаю как самое сильное в моей жизни. Кстати, пить и курить я на сегодня перестал, петь, играть на гитаре, травить анекдоты и щупать девчонок – нет, но к тому, во что посвятил меня Игорь Фёдорович, это не имеет никакого отношения.

2018 г.

ПЕРЕСВЕТОВ Вадим Валерьевич, журналист, член Союза журналистов России и Международной Федерации журналистов (IFJ), профессор, автор бестселлеров «Журналистика: секреты успеха» и «Журналистика FULL», а также автобиографической книги «Телеграммы из детства». Под руководством И.Ф. Попова ходил в поход один единственный раз и его учеником никогда себя не считал.

г. Москва

Предисловие редактора

Ниже предлагаем заметку одного (бывшего) восьмиклассника, которого Игорь Фёдорович водил в поход на городской туристский слёт в 1978 году и о том, как они там поссорились. И больше – никогда не встречались в жизни после этого. Мы специально просили его написать о той истории, потому что Игорь Фёдорович был живым человеком, со своими чертами характера, отношением к жизни и к людям. И взгляд «с другой стороны» для понимания его как Человека, мы полагаем, – очень важен. Автор этой статьи теперь очень известный журналист, профессор, уважаемый человек. И та история, мы надеемся, тоже сыграла важную роль в его жизни.

СЛОВО О ПИФЕ

Честно говоря, даже не знаю, имею ли я право хоть что-то писать о человеке, которого многие считают своим учителем. Наверное, нет. И вместе с тем, не могу не откликнуться на просьбу моего одноклассника Димы

Шахновича [1], который умеет бережно хранить память о людях, встретившихся на нашем пути, и собирает о них свидетельства самого разного толка.

Игорь Фёдорович Попов как раз

один из тех, кто встретился и, с кем я был в пути целую неделю, но в более приземлённом смысле. Я был в самом первом в своей жизни походе. Игорь Фёдорович к тому времени исходил тысячи километров дорог и, в основном, с подростками. А ходить в походы с подростками, да ещё с теми, у которых трудный характер – дело непростое.

По понятным причинам тот поход я помню уже достаточно смутно. Шли несколько дней из Хотьково в Нудоль-Шарино на туристский слёт. Кому-то было интересно проверить свои силы и потом с гордостью носить на лацкане пиджака значок «Турист СССР», кому-то просто хотелось оторваться от дома и от родителей, и не важно, что для такого «отрыва» придётся несколько дней нести на себе тяжёлый рюкзак, топтать по 20 километров

в день под жарким солнцем или под дождём, есть простую и однообразную еду, от которой дома наверняка бы воротил нос, и подчиняться человеку, прозванному ПИФом по простому совпадению инициалов его фамилии, имени и отчества с прозвищем смешного медвежонка [2] – любимого героя французской детворы. Этот почти культовый персонаж был знаком нам по выпускам одноименного журнала. Да и как нам было не знать о существовании Пифа – мы же учились в одной из лучших французских школ, и всё французское нам было хорошо знакомо.

Инструктор ПИФ явил себя загорелым коренастым человеком небольшого роста в шортах, клетчатой рубашке с коротким рукавом и туристских ботинках. Именно так он предстал перед нами в холле школы, рас-

сказывая о предстоящем походе и о тех трудностях, с которыми мы можем столкнуться. Говорил он уверенно, чувствовалось, что он не из тех, кто готов к компромиссам, а привык диктовать свою волю. Единственная «лазейка» – после всего сказанного – право передумать и остаться дома. Пионервожатая Таня [3] (а мы все тогда ещё были пионерами), присутствовавшая во время инструктажа, и ходившая в тот поход вместе с нами, лучилась счастьем, предвкушая некое приключение и получая удовольствие от соседства с крепким, уверенным в себе мужчиной.

Таковыми были первые впечатления. Таковыми они остались и во время похода, в котором, к большому сожалению, я с ПИФом поссорился и, по-моему, даже не помирился. Ссора возникла из-за того, что ПИФу не понравилась еда, которую приготовил я в своё дежурство. Не то чтобы «суп-письмо» [4] с комарами был неудобоваримым, может быть, он просто пришёлся не под настроение. Но слова «Кто приготовил это дерьмо?» меня явно обидели. Равно как и последующее распоряжение заступить на кухню по новой. Тут я наотрез отказался. «Тогда и жрать не будешь», – заключил ПИФ, с чем я согласился и объявил голодовку.

То, что мы друг другу не нравимся, я понял сразу. В первый день я пошутил над предложением ПИФа не болтаться по лесу просто так, и тот, кто идёт по малой нужде, собирает мало дров, а кто по большой, соответственно – много. «Тогда всем будет ясно, кто по какой ходил», – съязвил я. Кстати, в походе были и девочки. ПИФу шутка не понравилась. Так на-

чалось наше противостояние. Он понял, что его «аргументы» не всегда однозначны. А с противовесом кто – сопляки, да и только, которых ещё учить да учить. Но тут, что называется, нашла коса на камень.

Я отказывался есть, и через какое-то время ПИФ пошёл на попятную, сначала потихоньку предлагая присоединиться к общей трапезе, потом чуть ли не умоляя меня принимать пищу. Уговоры не помогали. «Говно ты собачье!» – в сердцах воскликнул ПИФ, когда я в очередной раз проигнорировал его просьбу, но продолжал вместе со всеми месить километры дорог. Конечно, друзья подкидывали мне еду, которой было мало, и которую я ел украдкой, уходя в лес. Но я не сдался и до Нудоль-Шарино дошёл на своих двоих, сдержав собственное слово.

Сейчас я думаю, что всё это было, мягко говоря, не здорово, ни для меня, ни для ПИФа. А что было делать: встретились два сильных характера. Сейчас бы замечание о приготовленной пище я воспринял бы совершенно по-другому. И если бы ПИФ был жив, мы наверняка, посмеялись бы над этим эпизодом, сидя за рюмкой водки, и попросив друг у друга прощения.

Светлая память!

2017 г.

Примечания:

[1] Дима Шахнович – он же Вадим Игоревич Шахнович.

[2] Автор «Слова о ПИФе», вероятно забыл, что «любимый герой французской детворы» – Пиф, был не медвежонком, а собакой. Кстати, его имя пишется маленькими буквами (Pif), в отличие от походного прозвища Игоря

Фёдоровича Попова.

[3] Школьной пионерской вожатой была Ирина Алексеевна Прозорова. Кроме того, значительная часть группы уже более года была членами ВЛКСМ, а не пионерами.

[4] «Суп-письмо» – так автор называет концентрат супа, расфасованный в пакетики, который в те годы массово продавался в специализированных магазинах.

Фото – В.И. Шахновича. Группа под руководством И.Ф. Попова на маршруте. Хотьково (юго-западнее ж/д моста через р. Пажа Ярославской ж.д. к юго-западу от станции Хотьково). Направление съёмки – северо-восток (видна будка поста охраны ж/д моста). Июнь 1978 г. Это первый кадр похода на городской московский туристский слёт 1978 г., о котором речь идёт в статье. Первым в колонне идёт Игорь Фёдорович Попов, вторым – автор рассказа Вадим Пересветов, далее – Оля Сапрунова и другие участники похода.

ШАХНОВИЧ Вадим Игоревич, воспитанник детского туристского клуба «Горизонт» (руководитель – И.Ф. Попов), учитель физики, астрономии, информатики, IT-аналитик, фотограф, историк-любитель, путешественник, кандидат в мастера спорта по спортивному туризму, инструктор туризма

г. Москва

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЗАДАЧКА

КОММЕНТАРИЙ К «СЛОВУ О ПИФ-Е»

Описанный выше конфликт между моим тезкой и одноклассником Вадимом Пересветовым и моим учителем – Игорем Фёдоровичем Поповым,

Послесловие

От В.И. Шахновича редакция получила приписку, которая показалась нам интересной. Автор этих «Слов о ПИФе» дополнительно сообщает сам о себе и об этих воспоминаниях: «Я писал это с добрыми чувствами и уважением к его памяти. Последнее время мне приятно быть просто Вадимом Пересветовым – нормальным парнем, которому слегка за 50. Но если это интересует издателей, то Вадим Пересветов это – журналист, член Союза журналистов России и Международной федерации журналистов (IFJ), профессор, автор бестселлеров «Журналистика: секреты успеха» и «Журналистика FULL», а также автобиографической книги «Телеграммы из детства». Ну, и одноклассник Вадима Шахновича... А что касается кругов, то широко известен именно в узких».

2018 г.

действительно имел место в том давнишнем походе.

Тёзка мой действительно объявил «голодовку». Пишу это слово в кавыч-

ках, потому что фактически голодовки как таковой-то и не было. Объявить голодовку с присущим нам всем тогда юношеским максимализмом было легко, а вот ничего не есть почти две недели в походных условиях – очень трудно. Пацаны таскали «из общего котла» еду, и подкармливали одноклассника. Всё именно так и было. Помню я и резкие слова, которыми в самом начале конфликта обменялись обе стороны. Правда – она такая, какая есть. Слава богу, конфликт удалось удержать в русле приличия. Группа под руководством Игоря Фёдоровича вполне успешно выполнила свои задачи.

С высоты нынешнего опыта, как жизненного, так и педагогического, позволю себе высказать собственные оценки произошедшего, а также действий конфликтующих сторон.

С Вадиком Пересветовым всё просто. Ну да, обиделся на резкие слова малоизвестного ему человека, авторитетом которому ПИФ не был. Кто из подростков не грубил старшим? Кто из них не считал именно себя правым в любой конфликтной ситуации? И обида у Вадима Пересветова засела в душе на всю жизнь. Его право. И даже в этой ситуации, если присмотреться, можно заметить нотки позитивного отношения и даже некоторого уважения восьмиклассника к «обидевшему» его учителю.

Гораздо интереснее посмотреть на ситуацию глазами педагога. Я и сам оказывался в подобных историях. Когда приходится за две недели подготовить неизвестную тебе группу к походу, а потом встретиться на маршруте с влиянием её скрытых психо-

логических лидеров (В. Пересветов, кстати, таким лидером у нас кажется не был). Когда твой ученик, с гонором и ярко выраженной психологической агрессией, пытается противостоять твоим педагогическим и общепеходным задачам. А найти выход из подобной ситуации – ой, как непросто!

Нет, наш Игорь Фёдоровичем никогда не был святым. И в определённых ситуациях мог и крепко выругаться, и послать, куда следует. Никогда он не мог только вмазать от души – рукоприкладства я за почти 40 лет знакомства с ним никогда не замечал. Но и ругался он исключительно редко, и только по острой необходимости.

Что произошло в том походе 1978 года? Ученик сварил несъедобную еду, именно так и было. Руководитель похода был обязан, как я думаю, как-то отреагировать на эту ситуацию. Ведь вся группа оказывалась ненакормленной, есть эту «бурду» было невозможно. В качестве воспитательной меры руководитель выбрал повторное дежурство по кухне. Это всегда и всеми воспринималось как наказание. Могу согласиться, что по Макаренко наказывать трудом недопустимо. А какие варианты ещё были у Игоря Фёдоровича? В угол поставить? Где его в лесу этот угол найдёшь? Разобрать на вечерних «разборах»? Но группато чужая, новая – с такой группой эту методику ещё не применишь. Тут нужен особый психологический климат. Оставить инцидент без внимания? Пустить на самотёк? К каким последствиям это могло привести далее – трудно предполагать. А вы бы – как поступили?

Что произошло дальше? Ну, вось-

микласник, понятно, выкрутился с помощью своих друзей, которые его подкармливали. А педагог? Игорь Фёдорович попытался далее найти пути к этому восьмикласснику. Руководитель же мог посадить нерадивого ученика на ближайший автобус или электричку и отправить его восвояси, домой. Не глухая тайга всё же там была – ближе Подмоскovie.

Кстати, разбирая педагогический архив Игоря Фёдоровича, я обнаружил у него несколько строк с его собственной оценкой ситуации в том походе. Привожу их тут как есть, точной цитатой: *«...сын военачальника, который звонил домой с ж.д. ст. Турист маме, чтобы забрала, а отец просил меня не делать этого; целая кодла лентяев и материнников, но которые пришли на слёт нормальными подростками».*

То есть, у Попова в том походе была даже формальная возможность избавиться от этого конфликта и от его первоисточника. Но нет, Игорь Фёдорович начал искать пути к душе этого ещё несформировавшегося человека. Он изучал его характер. Он разговаривал и с ним самим, и с его друзьями. Он предлагал разные варианты выхода из этого психологического конфликта. И не его вина, что вторая сторона не пошла ни на какой компромисс.

Через десять лет после той истории я сам оказался в похожей ситуации: и группа была чужая, и неявный психологический лидер в ней оказался мною вовремя не выявленным, и конфликт приключился на такой же «кухонной» бытовой почве. Только дело было за 4.000 км от дома, в глухой сибирской тайге.

Половину похода я мучился с этим конфликтом, пытался как-то преодолеть почти всеобщее скрытое психологическое сопротивление всей группы. И вылилось это, в итоге, почти в открытое противостояние группы – моему второму руководителю (именно он оказался одной из сторон конфликта). В подсознании у меня, конечно, был весь опыт общения с Игорем Фёдоровичем, в том числе и та ситуация 1978 года. Мне удалось безаварийно пройти с группой половину маршрута, вывести её к людям. Но дальше – не получилось, группу пришлось с маршрута снимать.

И здесь профессионализм моего учителя оказался выше моего. Потому что после его конфликта, с ним в туризме осталось больше половины той, первой нашей походной группы. А со мной через десять лет – только один из моих учеников того конфликтного похода. И это для меня – главный критерий, правильно или нет вёл себя Игорь Фёдорович в том подмосковном походе.

2018 г.

ШАХНОВИЧ **Вадим Игоревич**, воспитанник детского туристского клуба «Горизонт» (руководитель – И.Ф. Попов), учитель физики, астрономии, информатики, IT-аналитик, фотограф, историк-любитель, путешественник, кандидат в мастера спорта по спортивному туризму, инструктор туризма

г. Москва

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ПЕРЕВАЛ

...И если ты не умеешь создавать воспитывающие ситуации в повседневности, то будет очень трудно работать; я этому долго учился, но всё-таки не выучился...

И.Ф. Попов

ЗНАКОМСТВО

ИЛИ О ТОМ, ЧЕМ ФРАНЦУЗСКИЙ PIF ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ РУССКОГО ПИФА

Игорь Фёдорович попал в нашу школу совершенно случайно. Его, как тогда говорили, «бросили на прорыв», когда руководитель нашей школьной команды, выигравшей право представлять Дзержинский район на московском городском турслёте, неожиданно для всех уволился из школы буквально за две-три недели до выхода на маршрут.

Мы закончили восьмой класс, и тоже не должны были идти на этот слёт. По правилам, которые тогда совсем недавно ввёл в Москве В.В. Ярошенко, район должна была представлять команда, выигравшая туристский слёт района. Но выиграла его в прошлом 1977 году наши девятиклассники, которым в 1978 году уже надо было сдавать выпускные экзамены.

Поэтому руководителю школьной команды дали право сформировать новый состав, и он выбрал нас.

В мае 1978 нас готовили к городским соревнованиям лучшие туристы района. Александр Павлович Безруков гонял нас по лесам между Опалихой и Аникеевкой «как сидоровых коз». Специально для нас была подготовлена полоса препятствий со всеми необходимыми элементами. Руководил всем этим процессом Владимир Васильевич Титов – туристский организатор нашего Дзержинского района. Но мы были балбесами, и плохо усваивали туристскую науку. Может быть, это было потому, что к нам было слишком много внимания, и за нас многие вещи делали взрослые.

А может быть так было потому, что

Фото 1. Подмоскowie (ст. Аникеевка), 8 мая 1978 года. Подготовка к гор.слёту

мы, ученики – как бы сегодня сказали «элитной» спецшколы № 2 имени Романа Роллана с преподаванием ряда предметов на французском языке (так она официально называлась, и от этого пафоса её не спасали даже приданные приставки «трудовая политехническая») – не ощущали себя ни туристами, ни романтиками, ни путешественниками. Ну, разве что почти все мечтали съездить «по обмену» во Францию, и многим это даже удалось. Трудно судить об этом сейчас, по прошествии почти сорока лет.

Как бы то ни было, директор нашей школы выгнала одного из лучших её учителей, вдохновителя и организатора туристской деятельности всей школы – Альфреда Ехильевича Файнлейба, учителя труда для мальчиков, в мастерских у которого я проводил буквально все перемены, все послеу-

рочные часы и все каникулы. Он был моим любимым школьным учителем, с которым мы обсуждали не только вопросы «трудового обучения», но также и многое другое. Альфред (так его звали все в школе из-за сложности произношения имени-отчества) был мастером на все руки в буквальном смысле этого слова. Он из разного металлолома, получаемого от шестуящего над нашей школой ВНИИ «Алмаз», изготавливал сначала инструмент и разнообразные приспособления; затем, используя их, делал свои знаменитые поделки. Он мог легко изготовить из старого советского серебряного полтинника сначала прутки, из которого затем вытягивал серебряную проволоку, и уже после вил из неё немислимой формы завитушки, постепенно превращая их в серьги, колье и другие украшения для

любимой жены. Из старой арматуры он мог выковать щипцы (в мастерских у нас была собственная муфельная печь), чтобы затем использовать их как инструмент для отжига стальных деталей какой-нибудь очередной своей выдумки. Он учил нас чеканке по металлу, гравировке по чёрному лаку, резал собственноручно изготовленными резцами деревянные фигурки, что-то точил с нами на станках, ремонтировал всё подряд в школе. Мы во всём этом, конечно же, участвовали.

Когда директор согласилась отдать ему в подчинение школьные подвалы – для организации там склада инструментов и разнообразных материалов – он нашёл в дальнем углу

давно забытые фанерные (!) шпангоуты от старой, ещё чуть ли не довоенной байдарки, и загорелся мыслью восстановить несколько таких байдарок, чтобы затем отправиться на них в водный поход. Обсуждали мы с ним даже вариант непотопляемого катамарана. Любой катамаран имел риск получить пробоину, и выйти из строя. В ходе длинных споров мы с ним пришли к выводу, что для исключения потери плавучести катамарана требуется вместо одного большого надувного элемента иметь множество маленьких. И даже очень маленьких – потеря одного, и даже многих из них, не приводила бы к потоплению всего судна. В поисках таких маленьких надувных элементов мы перебрали несколько вариантов: от мячиков для пинг-понга и воздушных шариков, вложенных для прочности друг в друга, до самых настоящих презервативов, использовавшихся в этом случае не по назначению (как в том старом учительском анекдоте: «так я узнал, что такое глобус»)...

Как бы то ни было, но Альфред ушёл от нас на волне «борьбы с элитными школами», которая тогда была в Москве в самом разгаре. Однако нет худа без добра! Когда произошла вся эта история, В.В. Титов отправил на спасение «чести района» именно Игоря Фёдоровича Попова – своего друга и в некотором смысле ученика, хотя они и были почти ровесниками.

Первое, что, как я думаю, сделал Игорь Фёдорович – спросил Альфреда, на кого в

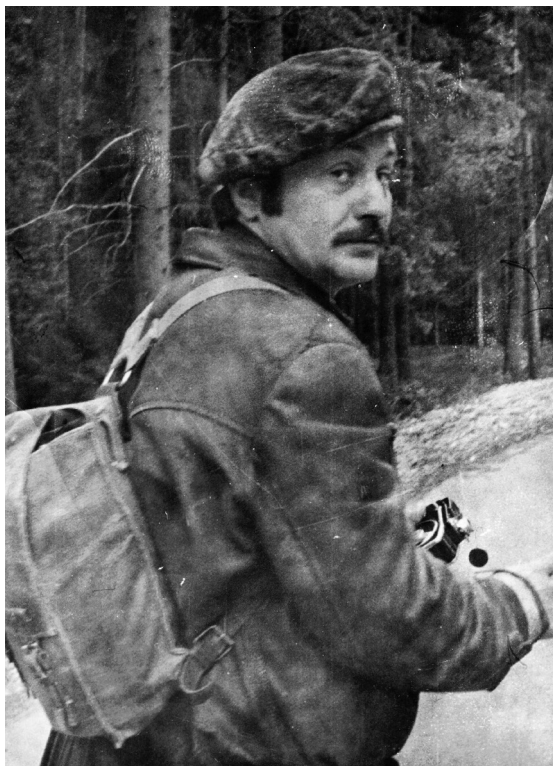

Фото 2. А.Е. Файнлейб, 1977 г.

группе можно было бы опереться из учеников? Я не могу, конечно, говорить об этом с уверенностью: что мог знать об этом слегка нелюдимый и закомплексованный восьмиклассник? Но однажды, в конце мая или начале июня 1978 года у нас дома зазвонил телефон, и неизвестный мне голос представился Игорем Фёдоровичем и попросил прийти в школу, поскольку Альфред на туристский слёт не пойдёт. Школа была буквально под окнами, минут через десять я уже был там, и Игорь Фёдорович предложил мне помочь ему в подготовке к этому мероприятию. Так в моей жизни по-

Фото З. И. Ф. Попов, июнь 1978 г.

явился новый учитель.

Большую часть своей педагогической жизни Игорь Фёдорович работал с «трудными» детьми. Среди них были детдомовцы, пацаны с рабочих окраин, мало кому нужное поколение девяностых... В 1978 году ему «досталось» от 15-ти «рафинированных» «французов», мало приспособленных к самообслуживанию в условиях даже небольшого подмосковного похода. Вдобавок ко всему с нами была ещё школьная пионервожатая, второй руководитель того похода, которая по возрасту мало отличалась от своих подшефных, а в палатке, насколько я помню, вообще раньше никогда не ночевала, как и все мы, между прочим... кроме самого Игоря Фёдоровича.

Нам предстояло пройти около 130-ти километров по знаменитой Клинско-Дмитровской гряде от станции Хотьково Ярославской железной дороги – в район поляны городского слёта недалеко от Нудоль-Шарино. Бодро спустившись вдоль железной дороги к реке Пажа, мы перешли её по мостику и тут же встретили первый и довольно высокий тягун к деревне Мутовки. Игорь Фёдорович в синем динамовском тренировочном костюме «с лампасами» бодро шагал во главе колонны, смешно сложив свои руки на животе (см. фото к статье Вадима Пересветова «Слово о ПИФе» в этом же номере журнала).

Надо сказать, что в наших глазах выглядел он тогда весьма комично: невысокий лысый дядечка, ещё без бороды, но уже с круглым животиком. Было ему 46 неполных лет, как говорится – в полном расцвете сил. Мы, практически наизусть знавшие в оригинале французские сказки-комиксы

про Пифа и Эркулья [1], немедленно стали называть нашего руководителя ПИФом – по первым буквам его фамилии, имени, отчества. Это сравнение и сопоставление Игоря Фёдоровича со смешным персонажем детской сказки говорило о многом в нашем тогдашнем к нему отношении. По сравнению с колоритным Альфредом, с его бровями усами, отличной выправкой и ладно подогнанным походным снаряжением, Игорь Фёдорович вообще никак не «котировался»! Обращал на себя внимание только его огромный и совершенно «плоский» рюкзак необычного для нас тогда фасона (через несколько недель уже почти каждый из нас мечтал купить себе такой же – «абалаковский»).

На деревенской улице, у первого же забора, то есть через 25 минут после выхода со станции, Игорь Фёдорович объявил привал и разрешил снять рюкзаки. Все тут же попадали на землю от непривычной усталости и высоких нагрузок, которые дали неудобно набитые рюкзаки, а также необходимость тащить их куда-то в гору. Игорь Фёдорович, единственный из всех нас, не сел, а, заложив руки за спину, стоял перед нами и что-то рассказывал. Немного постолав, и повалившись на траве, самые весёлые пошли кормить сорной травой деревенскую корову, мирно пасущуюся неподалёку. Кто-то начал брэнчать на гитаре (ну какой же без неё поход!?), ещё не подозревая, что через пару переходов её и выбросить будет жалко, и тащить дальше совсем не захочется.

Вечером этого же дня, когда мы пришли на место первого ночлега, Игорь Фёдорович построил группу в одну шеренгу. Это действие возбудило практически всех, кто ожидал, что любой поход – это вольница, и делать можно будет практически что угодно, поскольку родители далеко, а учителя нам – не указ. Игорь Фёдорович начал разъяснять нам нехитрые правила, которых нам следует придерживаться в этом походе.

Во-первых, каждый из нас – человек. А человек – обычное живое существо. И если в условиях городской жизни некоторые естественные потребности человека можно сделать

Фото 4. Эркуль (слева) и Пиф (справа)

без излишнего внимания со стороны окружающих, потому что для этого созданы специальные «городские» условия, то в походе – всё иначе. Всё у всех на виду. Если человеку надо отлучиться по естественной надобности – это очень заметно для всех остальных членов группы. И нам не следует обращать внимание на то, что кто-то отошёл в сторонку. И не надо кричать об этом вслух, и тем более – не надо дразниться и смеяться по этому поводу. Та простота и естественность, с которой взрослый человек говорил с нами о таких, ранее казавшихся «запретными», темах – лично меня поразила.

Во-вторых, сказал Игорь Фёдорович, если кто-то уходит из лагеря по любому поводу, он должен хотя бы одному человеку сказать, в какую сторону, на какое время, и по какой надобности он уходит. Остающийся в лагере с этим знанием, сам не должен покидать лагерь, пока не вернётся тот, кто ушёл первым. Если человек пропадёт – должен быть кто-то, кто расскажет, что происходило перед этим. Это было не менее удивительным для меня правилом, поскольку, например, в пионерском лагере, или во время других выездных мероприятий, в которых я участвовал ранее, требовалось об отлучках сообщать непосредственно взрослому руководителю. А тут получалась как раз та самая вольница, которая одновременно превращалась в ответственность друг за друга.

И в-третьих, сказал Игорь Фёдорович, чтобы не случилось разных казусов, мальчики будут ходить в лес налево, а девочки – направо. Через год, уже в другом походе, то же правило

прозвучало как «Девочки – вверх по речке, а мальчики – вниз по её же течению». «Мальчики – налево, девочки – направо» стало для меня крылатой фразой на всю жизнь. И ещё, добавил наш весёлый руководитель, никогда не подтирайте попу борщевиком! Про борщевик никто из нас ещё ничего не знал, поэтому ПИФ живописно рассказал, и как выглядит этот «зверь», и что бывает с теми, кто вздумает воспользоваться им вместо туалетной бумаги. Слава богу, но туалетную бумагу пока ещё имели в рюкзаках все. Хотя чуть позже быстро начали ощущать её дефицит – не столько по причине частых походов «вниз по речке», сколько из-за неумения сохранить ценный элемент снаряжения в сырую или дождливую погоду.

Далее, продолжал наш руководитель, чтобы не пришлось ходить в лес два раза, кто пойдёт туда по малой нужде – пусть принесёт назад в лагерь маленькую ветку для костра; а кто пойдёт в лес по большой – пусть принесёт большую сушину.

И самое главное: пришли на место ночлега – сначала занимаемся общественными делами. Тот, кто несёт пилу или топор, пусть заготавливает дрова. Тот, кто несёт котелки – идёт к речке за водой, дежурные – разводят костёр. А палатки будете ставить тогда, когда и костёр горит, и каша в котелке уже варится. Вот тогда можете снять с ног мокрые ботинки, и переобуться в сухую обувь для лагеря. В лес идти уже не придётся. И да, дров должно быть много! Из шеренги тут же раздался вопрос: «А много – это сколько?» Безо всякой паузы ПИФ быстро ответил, что много – это куча примерно с рост руководителя.

Мы смеялись и громко обсуждали каждое из названных правил, однако практически сразу же приняли их как свои, поскольку они были естественными, простыми, понятными и логичными. А ещё мы порадовались, что руководитель у нас – невысокого роста.

Последующие переходы и походные события память практически вычеркнула. Было трудно тащить рюкзак. От физической усталости дни стали однообразными. Запомнилось только несколько эпизодов из той походной жизни.

Мы спускаемся по проселку с горы, и впереди видим, что дорога пересекает неглубокий ручей метров 15 шириной. Пока спускаемся, я размышляю, как рациональнее его перейти? Это первый брод без моста на нашем маршруте. Мысли такие: надо остановиться, поискать справа или слева мостик, упавшее дерево или другую переправу. На крайний случай – снять обувь и перейти ручей босиком. Это всё, что я успел подумать, пока мы приближались к воде. Игорь Фёдорович, идущий первым, не останавливаясь, и не произнося ни слова, бодро заходит в реку прямо в своих походных ботинках, расплескивая воду переходит «как танк» это препятствие... и, не останавливаясь, продолжает движение вверх на противоположный берег реки! Мы в недоумении останавливаемся перед ручьём. Как же так, Игорь Фёдорович!? Ведь ботинки будут мокрые!?

– Давай, давай, не останавливайся! – кричит нам ПИФ, уже снявший там, наверху, и рюкзак, и мокрые ботинки. – Тут отождметесь!

Наиболее упрямые, или самостоя-

тельные, как они сами себя считали, всё-таки начали снимать обувь, и даже перетаскивать через эту речушку наших девчонок. Причём делали они это буквально на вытянутых руках, почти как вынос невесты из ЗАГСа :) Пройдёт ещё некоторое время, пока Игорь Фёдорович покажет нам, как правильно переносить «невест» через реку, чтобы и ноги сухими остались, и чтобы не загреметь со своей «невестой» с головой прямо в воду, оступившись на каком-нибудь камне и потеряв равновесие. На том самом первом своём бросе лично я честно выполнил указание руководителя, и «нырнул» в речку прямо в своих ботинках.

В современном мире это назвали бы термином «культурный шок». С детства нам все говорили, что ботинки мочить нельзя, что речку надо переходить босиком, что ноги надо держать в тепле. Ощущение холодной воды, которая заполняет ботинки, поднимается до колен, да ещё забрызгивает тебя чуть ли не до пояса – я помню до сих пор. Потом, когда я уже сам водил детей в походы, с каждой новой группой я повторял этот «эксперимент» точно так, как сделал это со мной Игорь Фёдорович. И непременно рассказывал своим ученикам, почему реки надо переходить именно в ботинках, что надо сделать, чтобы после такой переправы не появилось мозолей на ногах, и соплей в носу. Но в 1978 году я ещё ни о чём таком не думал.

В одной из далёких заброшенных деревень, среди холмов Клинско-Дмитровской гряды, было всего три дома. Деревня стояла на самом вершине холма и со стороны казалась абсолютно безжизненной. День был солнечным и

жарким, вода во фляжках давно закончилась, и всем очень хотелось пить. Когда мы подошли к крайнему дому, нам навстречу вышла старая бабушка. Посмотрев на нас, она молча зачерпнула солдатской алюминиевой кружкой воды из ведра, стоявшего при входе в дом, в сенях, и дала нам напиться. Мы выпили почти всё ведро. Игорь Фёдорович был единственным из нас, кто обратил внимание, что вёдер было несколько, часть из них уже была пустая, и только в двух ещё оставалась вода. Он начал с бабушкой разговор. Выяснилось, что деревенский колодец находится у основания холма, под крутым спуском, и что бабушка туда спускаться уже не может – потом очень трудно тащить воду в вёдрах вверх, к дому. Поэтому раз в неделю к ней приезжают живущие в городе дети, и наполняют все вёдра водой – на неделю вперёд. ПИФ взял одно ведро, остальные раздал нам, и мы быстро освежили бабушкины запасы ещё на неделю вперёд.

В районе знаменитой Баран-Горы, древнего городища, он рассказывал нам про то, как древние люди берегли огонь, воду, лес.

Когда мы переходили канал Москва-Волга (кажется, в то время там был паром, которым мы и воспользовались) ПИФ рассказывал нам, где в 1941 году стояла советская оборона, и как немцы безуспешно пытались преодолеть это препятствие всего 37 лет назад.

Во время ночёвки в палатках на территории Дома Юных Туристов, мы слушали его байки про Парамоновский овраг – самый большой овраг Подмосковья. Сейчас и ДЮТ давно перестроен (кстати, руками

учеников Игоря Фёдоровича), и собственника поменял, и весь Парамоновский овраг изменился до неузнаваемости, превратившись в крупный центр горнолыжного и бобслейного спорта.

Игорь Фёдорович не проходил мимо ни одной старинной усадьбы: в каждую из них он организовывал для нас краткие экскурсии. И даже если в музеях был выходной день, или мы просто шли через какую-нибудь «обычную» деревню – ПИФ рассказывал о ней так много, что его энциклопедическим знаниям я удивляюсь до сих пор. Не менее важно и то, что делал он это всегда в форме простого разговора, как бы между прочим, рассказывая, кто и как жил в посещаемых нами местах.

Были и другие эпизоды, не менее удивительные. Однажды мы остановились на обеденный привал на какой-то безымянной речушке. Игорь Фёдорович, кстати, практически про каждую, даже самую маленькую речку знал: и как она называется, и где начинается, и куда течёт, и что на этой речке расположено интересного. Поскольку мы уже все были научены, что первым делом, придя на привал, надо отправиться за дровами, за водой, или, если ты дежурный – начинать разводить огонь, я собрался в лес за хворостом для костра. ПИФ меня остановил и сказал:

– Пойдём-ка, Вадик, посмотрим, откуда эта речка течёт?

Эту фразу, «откуда речка течёт?», я теперь ассоциирую только с историями того типа, которая произошла дальше. Хотя в тот момент, как отличник, и призёр городской олимпиа-

ады по географии, я твёрдо знал, что все реки начинаются на возвышенностях, а воду берут либо из дождей, либо из таящих снегов и льдов. Круговорот воды в природе, так сказать...

Пошли мы с Игорем Фёдоровичем вверх по левому берегу этой неприметной речушки: он впереди, я – сзади. Примерно десять минут мы продирались через кусты, пока, наконец, не наткнулись на совсем небольшой ручеёк, впадавший в речку справа по ходу.

– Так-так, пойдём-ка туда, посмотрим... – загадочно произнёс Игорь Фёдорович, и полез вверх по крутому склону вдоль этого ручья. Метров через 100 обнаружилось, что ручей берёт своё начало из кирпичной будки, а точнее – из трубы, торчавшей из стены этой будки. Ещё выше по склону обнаружались какие-то другие странные для меня постройки, причём весьма дурно пахнущие.

– Очень интересно! – изрёк Игорь Фёдорович, и направился вдоль забора колючей проволоки, которой было опоясано всё это хозяйство.

Минут через 20 пути от лагеря мы вышли, наконец, к сторожке, точнее, к посту охраны, в котором сидел старый дед.

– Дедушка, а что у Вас за забором? – спросил Игорь Фёдорович.

– Пионерский лагерь, сынок, да только там нет сейчас никого – перемена... – ответил сторож.

Игорь Фёдорович продолжал проявлять настойчивость:

– А с директором вашим поговорить можно?

Дед показал нам, куда идти, и пропустил внутрь территории пи-

онерского лагеря. Мы прошли по идеально чистым асфальтовым дорожкам к одному из зданий, зашли внутрь и спросили у первого попавшегося, где директор? Он и оказался этим директором. И тут началось!

Игорь Фёдорович достал из глупин своей походной брезентовой штормовки кучу каких-то бумаг и маленьких удостоверений. Среди того, что я, восьмиклассник, успел тогда понять, были названы: действительный член Географического общества СССР, общественный инспектор Всесоюзного общества охраны природы, член Маршрутно-квалификационной комиссии Московской городской станции юных туристов, и ещё штук пять каких-то званий и титулов, которые я не запомнил. Каждый титул назывался вслух с милой улыбкой на лице, и с ритуальным раскрытием очередной «корочки» перед носом директора, глаза которого становились всё круглее, а вид – всё более испуганным.

Добившись нужного психологического эффекта, Игорь Фёдорович, который перед этим рассказывал и показывал мне, как устроены очистные сооружения этого пионерлагеря; который доставал из кармана набор лакмусовых бумажек, измерял кислотность этих стоков, и говорил мне, что вода тут далеко не чистая; вот теперь тот же самый Игорь Фёдорович невозмутимо посмотрел на испуганного директора, к которому заявила неожиданная и какая-то очень, судя по всему, крутая проверка, и произнёс:

– Да вы не бойтесь, товарищ директор, мы проверили, с очисткой сточных вод у вас всё в порядке!

Дальше было, честно сказать, настоящие шоу! Директор на радостях позвонил в свою лагерную столовую, спросил, а не осталось ли там что-нибудь от обеда, и поинтересовался у нас, не воспользуемся ли мы гостеприимством его пионерского лагеря? Игорь Фёдорович, конечно, вежливо принял приглашение, и мы пошли в столовую. Лет пять я прожил в пионерских лагерях до этого дня, причём в таких лагерях, где моя мама работала завхозом, и ни разу я не ел такого вкусного обеда! :) Наверное, если бы в эту пересменку в лагере оставался бы духовой оркестр, нас бы провожали оттуда с музыкой!

Позже я много раз вспоминал этот эпизод, и думал, зачем и почему это «шоу» понадобилось Игорю Фёдоровичу? Очевидный ответ был только один: в официальном краеведческом задании для нашей группы числилось «Исследование загрязнённости малых рек Подмосковья». Группа наша, в сложившихся условиях форс-мажора, конечно же, не была готова самостоятельно выполнять такое задание. Чтобы его выполнить грамотно и корректно – нужны месяцы регулярных занятий по определённой учебной программе. Но и фикцию делать, с точки зрения руководителя нашего, тоже было нельзя. Выбрав именно такую схему поведения, Игорь Фёдорович добился: выполнения требуемого краеведческого задания и участия в этой работе выбранного им школьника. Но были и другие результаты. Школьник этот впоследствии стал руководителем детских туристских групп, и кто знает, какую роль в этом

сыграл тот эпизод, показавший, как можно выстраивать отношения с людьми, которых мы встречаем на наших маршрутах?

Маршрут тот мы до конца не прошли. У нас просто не хватило сил, подготовки, тренировки выдержать все свалившиеся на нас походные нагрузки. Игорь Фёдорович нас за это не ругал. Когда настал предельный контрольный срок, он просто посадил нас на автобус и довёз до ближайшей к поляне слёта деревни.

На поляне слёта мы больше отдыхали, чем работали. Всем в нашей группе было понятно, что к спортивным достижениям мы не готовы. Но полосу препятствий мы бегали. И контрольно-комбинированный маршрут на поляне – прошли. И великого Лукоянова, про которого тогда ничего не знали – слушали. И даже отчёт о пройденном походе написали, сдали в МКК и были отмечены ею (маршрутно-квалификационной комиссией) за самый креативный отчёт на этом слёте. Отчёт писался не весь поход, как это было положено по туристской науке, а в последнюю ночь перед сдачей, уже на поляне, под руководством нашей пионервожатой. Весь отчёт был в стихах и с карандашными рисунками! Как в настоящем пионерском отряде, примерно в таком духе: *«Целый день сидим на месте, словно куры на насесте»* (это об одной из наших внеплановых днёвок). Представляю себе, как смеялись судьи, когда читали этот опус!

Что было итогом первой встречи и первого путешествия с Игорем Фёдоровичем? Осенью того

же 1978 года он снова появился в нашей школе, чтобы организовать кружок туризма. Кружок был создан на основе той непонятной слётовской группы восьмиклассников, на базе ДКШ (Дома комсомольцев и школьников) Дзержинского района г. Москвы. В группу вошло также несколько человек из других школ района. Группа ходила с Игорем Фёдоровичем ещё два года в качестве школьников и много лет после этого – в качестве старших помощников и руководителей детских групп. Несколько повзрослевших мальчишек нашей группы, закончив школу, поженились на наших же девчонках, создав туристские семьи. Для всех нас Игорь Фёдоровичем стал наставником, для многих – Учителем,

для некоторых – настоящим другом, без которого жизнь сложилась бы совсем иначе.

Спасибо Вам, наш Игорь Фёдорович!

Примечание:

[1] Пиф (Pif) – это персонаж французского журнального комикса, умный и симпатичный пёс, который постоянно враждует со своим приятелем, котом Геркулесом (Hercule), драчуном, хитрецом и хулиганом, чьи многочисленные проделки он вынужден терпеть. Вместе они, попутно ссорясь, попадают в различные забавные истории, в которых принимают участие их знакомые, такие как профессор Гроталан, банкир Грошу или полицейский Фарфуй...

Фото 5. Первый привал первого похода на гор.слёт (23 июня 1978 года)

Кадр сделан В. Шахновичем в деревне Мутовки. Стоят: Игорь Фёдорович Попов, Вадим Пересветов (спиной, в левой части кадра), Андрей Разговоров (с гитарой за Игорем Фёдоровичем), Саша Фадеев (тоже с гитарой – правее). Лежит в белой футболке Алексей Тюрин. Сидит на корточках в белой водолазке наш второй руководитель и школьная пионервожатая Ирина Алексеевна Прозорова

ПЕРВЫЙ ГОД ИЛИ ЧТО МОЖНО СДЕЛАТЬ С ЛУЖЕЙ, ЕСЛИ В НЕЙ ЖИВЁТ ЛЯГУШКА

В начале 1978–1979 учебного года Игорь Фёдорович позвонил мне снова, и пригласил на занятия своего кружка туризма при Доме комсомольца и школьника (ДКШ) Дзержинского района г. Москвы.

ДКШ располагался тогда в Кулаковом переулке, дом 3 и был мне хорошо известен (сейчас в этом здании – школа искусств имени Е.Ф. Светланова). Так сложилось, что во второй половине 1970-х годов в Москве шла работа по «борьбе с формализмом» в комсомольской организации города. Вступив в комсомол в седьмом классе (1977 год), я успел познакомиться с этим самым «формализмом», который мне весьма не понравился. Поэтому, когда выбирали новый состав комитета комсомола класса, а затем и школы, я высказался на эту тему. И, как водится, мне ответили: «Критикуешь – предлагай!» – и выбрали в новый состав обоих комитетов, добавив: «Предлагаешь – делай!» Я напросился на «техническую» часть работы комитета, а именно – на восстановление работоспособности школьной радиорубки с целью её дальнейшего использования в качестве «рупора» школьного комитета комсомола. Фактически, мы нацелились на создание школьного средства массовой информации, как выразились бы сегодня. Я был не единственным таким активистом: в нашу команду входило ещё три–четыре старшеклассника.

Чуть позже меня пригласили участвовать в работе районной «ком-

сомольской школы» на базе ДКШ, руководителями которой были студенты педагогического института. Вместо занудных «политинформаций» и других «мероприятий» они устраивали с нами непростые диспуты с неожиданным, и часто непредсказуемым, финалом. Например, в диспуте на тему «Брестский мир (1918 год)» победу одержала не «фракция Ленина», как это было в настоящей истории СССР, а «фракция Троцкого». Роль Троцкого в диспуте исполнял автор этих строк, и той победой над «Лениным» я горжусь до сих пор. Всё это происходило не только в здании ДКШ, но и практически в походных условиях различных загородных выездов. Например, в слабо отапливаемом детском доме моего родного города Загорск (Сергиев Посад), где мы жили точно так же, как позже во время всевозможных поездок с Игорем Фёдоровичем: самообслуживание, включая приготовление пищи в полупоходных условиях, ночлеги в спальнях мешках и прочее, прочее.

Каждое такое мероприятие непременно сопровождалось песнями под гитару. Всё это было интересно и необычно, и совсем не вписывалось в тогдашнее общее понимание комсомольской работы. Только через несколько лет, уже на фестивалях КСП разного уровня, я снова услышал те же самые песни, но уже в авторском исполнении: В. Ланцберг, Ю. Визбор, В. Берковский и другие. Позже, в студенческие годы, мне стало известно

о педагогике коллектива, о «системе Дозора» и прочих методиках, которыми, конечно же, пользовался и мой учитель. Но всё это будет потом, а пока что я с лёгкостью переместился из комнаты «комсомольского штаба» ДКШ – в соседний кабинет туризма, где обитал Игорь Фёдорович Попов и его коллеги.

Занятия с Игорем Фёдоровичем совсем нельзя было назвать «занятиями» в том смысле, в котором это предполагалось по классике кружковой работы тех лет. У нас не было никаких лекций. Не было классной доски и руководителя кружка перед ней. Большую часть занятий мы с Игорем Фёдоровичем делали какие-то совсем простые дела. Перебирали старое снаряжение, сушили его после выходов, латали в нем дырки. Обсуждали недавно пройденные кем-то походы, спорили по ситуациям, которые в них возникали. Слушали рассказы Игоря Фёдоровича обо всём на свете. И всё это – под стук эмалированных кружек с крепким-крепким чаем и всевозможными баранками и печеньями, которые всё время кто-то приносил или из дома, или из ближайшего магазина. Нет, я не прав: минут 10–15 из нескольких часов, проводимых в кабинете туризма, Игорь Фёдорович всё-таки пытался рассказать нам что-то «по программе». Но в памяти стойко держится ощущение, что во время бесед с чаем, я узнавал от него намного больше, чем во время этих формальных пятнадцатиминуток.

В выходные дни он водил нас в походы. Сделать это было непросто, потому что школы тогда работали в режиме шестидневок. В субботу допускалось лёгкое послабление по

учебе: вместо шести уроков рекомендовалось назначать всего пять, и ставить в расписание вместо «сложных» физики, французского и математики – «лёгкие» географию, черчение и физкультуру. Но в нашей «французской» спецшколе это правило всё равно не действовало. Французский язык, например, был у нас по шесть–восемь уроков в неделю, поэтому мы освобождались от занятий только в 14:15, после чего надо было быстро сбежать домой, пообедать, забрать рюкзак, доехать до вокзала, чтобы пойти с учителем в поход на «два» дня. Поэтому многие приходили в школу сразу с рюкзаком и в походной одежде.

Большинство таких походов фактически были однодневными, с одним ночлегом в полевых условиях. Игорь Фёдорович водил нас по старинным дворянским подмосковным усадьбам, устраивал для нас ориентирование в лесу, учил, как правильно жить в условиях условно дикой природы. Дикой эта природа, конечно, не была. Но те места, где мы тогда ночевали, в сравнении с современными реалиями, были действительно дикими. Всего в нескольких километрах от МКАДа на незасвеченном городскими огнями небе можно было видеть не только яркие, но и самые слабые звёзды. По лесу не носились дачники на квадроциклах, и даже простого грибка в сентябре встретить можно было только сильно постаравшись. А звуки города из наших палаток вообще не были слышны! Мы могли спокойно набирать ведрами воду из ближайшего лесного озера, или речушки, вообще не опасаясь за её химический состав. ПИФ не просто рассказывал нам, он показывал, что вода из обычной лужи

– вполне безопасна для употребления в пищу после простого кипячения на костре. Ну, конечно, если в этой луже не валяется старый свинцовый аккумулятор, и нет бензиновых разводов на поверхности. «Если в луже живет лягушка – значит вода чистая, и из неё можно сварить суп», – учил нас Игорь Фёдорович.

Мы часто ездили в поход на пруды между Опалихой и Аникеевкой, там у нас было любимое место: своеобразная база, лесной полигон. Именно на этом полигоне мы начинали свою туристскую деятельность, участвуя ещё с 4 класса в районных туристских слётах. Для этого полигона имелась чёрно-белая, размноженная фотографическим способом, спортивная карта, по которой мы бегали во время занятий. Уже через несколько таких занятий карта нам стала не нужна, поскольку мы выучили этот лес наизусть. С нами проводились также занятия по ночному ориентированию. При этом взрослые не боялись отпустить нас в абсолютно чёрный лес одних, без сопровождения. Рекомендовалось только выходить на маршрут парами, и иметь с собой фонарики, на всякий случай. Но включать их Игорь Фёдорович всё равно не советовал. «Включишь ночью фонарик – сразу ослепнешь!» – рассказывал он нам. Лучше сразу привыкать к абсолютно полной темноте: так глаз настроится на слабый свет, который всегда присутствует ночью (от луны, от звёзд, от слабого свечения облаков и атмосферы из-за эффекта рассеивания солнечного света из-под линии горизонта). Удивительно, но все эти рекомендации работали! Надо было лишь достаточно точно выполнять их так, как рас-

сказывал нам наш руководитель. «Но как же карту посмотреть, если фонарь ночью включать нельзя?» – удивлялся я. «А ты бери с собой слабенький фонарик, и свети им через бумагу, из-под карты. Так и карту рассмотришь, и не сильно ослепнешь», – пояснял Игорь Фёдорович.

Эта естественность, своевременность и точность даваемых им подсказок меня удивляет до сих пор. Всё происходило как бы само собой, без назиданий, и без навязывания своего мнения.

Он учил нас бережно относиться к лесу, и к природе вообще. «Уходя с места ночлега – оставь его чище, чем оно было до тебя». Всё, что нельзя сжечь – надо уносить с собой. Заготовленные дрова, если они не были использованы нами – надо сложить «шалашиком» вокруг большого дерева. Так они не отсыреют и могут быть использованы следующей группой. Палатку лучше ставить на то же место, где её кто-то ставил до тебя. Так меньше будет травмирован легкоранимый лесной подлесок и почвенный слой. И костёр надо тушить не «пионерским» способом, а ведрами – так, чтобы на его месте буквально лужа оставалась. Толстый слой сосновой хвои может сохранять жар и самовоспламениться даже через несколько часов после нашего ухода с места ночлега.

А ещё Игорь Фёдорович с самого начала наших занятий начал практиковать использование старшего, по отношению к нам, поколения своих учеников. Практически в каждом походе с нами был кто-то из первого «Горизонта»: Сергей Мочарный, Сергей Балашов, Женя Попов (однофамилец, которого, чтобы отличать от Иго-

ря Фёдоровича, друзья в шутку звали с ударением на первом слоге его фамилии). Многих я тут не перечисляю, поскольку сделать это сейчас уже невозможно по старости лет. Каждый из старших приносил в наш быт свой опыт и свою «изюминку». В свою очередь, практически каждая такая «изюминка» была получена старшими от нашего общего учителя.

Например, нас научили добывать в лесу дрова без топора. Нет, речь тут не идёт о простом сборе валежника и прочих сухих веток. Используя опыт, старшие находили в лесу сухое дерево, которое можно было свалить только за счет силы и мастерства. Как правило, это были небольшие сосны диаметром от 15 до 30 см и высотой до 10-ти метров. Надо было внимательно рассмотреть приговорённое к сожжению дерево. Выбрать направление, куда будем его заваливать. Учесть вопросы безопасности: не уронить на палатки или людей поблизости. Принять во внимание расположение корней, которых у дерева с одной из сторон, как правило, меньше – именно туда и легче будет валить дерево. Убедиться, что дерево не слишком трухлявое, поскольку при его раскачивании от макушки, как правило, отваливается здоровенный кусок, и падает на головы неумелым вальщикам. А дальше – сила и наблюдательность. Дерево, если всё делается грамотно, точно ложится в требуемом направлении.

Но дело на этом не заканчивается. Ведь сушину ещё требуется превратить в дрова, удобные для подкладывания в костер. Старшие показывали, что её теперь надо затащить в подходящего размера развилку между двух

толстых близко растущих деревьев и, используя правило рычага, ломать на мелкие «поленья». Тут, конечно, тоже требуется и сила, и навык, и тонкий расчет, и слаженная работа всей команды (обычно требуется два–четыре человека для этого занятия, хотя можно справиться и в одиночку). Нельзя начинать ломать дерево с тонкого конца: тогда для разламывания толстого конца останется рычаг меньшей длины, что, конечно, неэффективно. Наваливаться на ломаемое дерево надо очень синхронно. И, внимание, если в момент наибольшего изгиба ломаемого ствола один из участников команды просто стукнет крепкой палкой в месте наибольшего напряжения древесины, она сломается намного легче и раньше, чем при прочих равных!

Работать с пилой и топором нас, сугубо городских жителей, тоже научил Игорь Фёдорович. Как правильно пилить двуручной пилой: «Ты её только тянешь на себя; да не рви ты её, тяни плавно!» Как правильно колоть поленья: «Замах на рубль – удар на копейку». Особенно впечатлило, как лихо он расправлялся с поленьями огромного диаметра (иногда более одного метра), да ещё суковатыми, да со всячески искривлёнными волокнами древесины. «Шахнович, ну ты же физик, вспомни про Архимеда и древних египтян! Как они блоки для своих пирамид добывали?» Далее он брал крепкую палку или небольшое полено, быстро делал из него крепкий деревянный клин, и ловкими ударами вгонял его в середину неприступного полена. Через несколько ударов оно легко раскалывалось на две половинки – каким бы огромным и сложным ни казалось до этого.

Такие премудрости походной жизни, как я сейчас понимаю, были элементами «вышей школы» туризма, и готовили нас к будущим походам в условиях, гораздо более трудных, чем Подмосковье. Игорь Фёдорович, практически в игровой форме, учил нас не бояться любых трудностей. Часто он брал нас «на слабо». Переночевать в лесу без палатки? Разжечь костёр в луже? Высушить мокрые носки за ночь без огня? Ответ на такие вопросы знает любой, кто достаточно долго учился у Игоря Фёдоровича. Не просто знает ответ – мы все умеем

делать это, а ещё многое другое, что сейчас, «по заказу», даже вспомнить трудно. Когда возникает необходимость – нужный навык всплывает как бы сам собой. И каждый раз в таких ситуациях я с благодарностью вспоминаю своего учителя.

Так, незаметно и быстро мы подошли к последним (весенним) школьным каникулам 1979 года, во время которых Игорь Фёдорович организовал поход в Молдавию. Но об этом – в следующих рассказах...

ПОСУДА

ИЛИ ПОЧЕМУ СЛОВО «КЛМН» НЕ НАЧИНАЕТСЯ С БУКВЫ «Ё»

Отношение к походной посуде у Игоря Фёдоровича всегда было особенное. Уже с самых первых походов под его руководством он начал гонять нас за неё. Ну, то есть, начал требовать от нас, чтобы посуда была чистой. Чтобы её не бросали где попало. И чтобы мыли её правильно.

Кстати, к этому набору из кружки, ложки, миски и ножа как-то само собой и очень быстро приклеилось краткое обозначение «КЛМН». Откуда оно пошло – я точно не помню, но ощущение такое, что придумал его кто-то из тогдашних (1970-х годов) учеников Попова. Возможно, я ошибаюсь.

Ну, куда их, эти кружки, ложки, миски и ножи девать в лесу? Поднабравшиеся немного опыта, мы смело руководствовались золотым правилом Паши Харина о том, что «Микроб – тварь нежная, грязи не любит!» – и бросали свои кружки после еды как

попало, прямо на земле около походной кухни.

Игорь Фёдорович всегда записывал в состав группового походного снаряжения такие предметы: полиэтилен (скатерть), металлическая щётка для чистки котелков, поролоновая губка для мытья посуды, жидкое моющее средство, фанерка для резки хлеба и других продуктов. Представляете, тогда мы носили с собой в поход именно пятислойную фанерку размером примерно 40×40 см. Между прочим, весь этот кухонный набор, как он назывался в наших заявочных книжках и других походных записях, весил немало – что-то около 1,5 килограммов. Но ни разу, даже в самых сложных с точки зрения переносимого веса походах, этот набор не исключался из снаряжения! Были только попытки как-то уменьшать его вес.

Наш учитель рассказал нам, что алюминиевые, а ещё более – дере-

вянные ложки в походы брать не рекомендует. Потому что когда она сломается (обычно на второй–третий день), будете ждать очереди за теми, у кого ложка оказалась стальной – более крепкой. Либо научитесь бить баклуши [1], в смысле – вырезать новую ложку из подходящего куска дерева. Некоторым, кстати, пришлось освоить эту науку.

В походах Попова всегда был не один, а целых два половника! И он требовал, чтобы их не путали. Одним полагалось разливать только чай и другие напитки. Вторым – раскладывать суп и кашу. Пить жирный чай Фёдыч любил только там, где это считалось национальным напитком. А поскольку советская, и тем более современная российская промышленность специально для походов половников не выпускала, и они быстро ломались в месте точечной сварки «держала» и «черпала», Фёдыч раздобыл где-то два цельнолитых алюминиевых солдатских половника, и ходил с ними много лет, пока их не забрали себе на память о Фёдыче Духи Гор.

Вместо походных котелков у него в группе, особенно с новичками, часто можно было встретить обычное эмалированное ведро. Ну, то, которое на 10 или 12 литров. Там ещё на проволочной ручке деревянное утолщение было – чтобы руке легче было, когда тащишь полное ведро. Новичкам же трудно сразу всё в поход собрать. Точнее, их родителям – слишком много сразу денег надо, чтобы всё по науке сделать. Вот и экономил Фёдыч родительские деньги. Одного попросит ведро из дома взять, другого – полиэтилен, который для парника только весной понадобится. Как-то так

и перебивались. Ходил он и с тремя цилиндрическими ведрами – это ещё в первом «Горизонте» было. Когда в продаже появились «плоские» туристские каны, с овальными крышками – стали их брать. Крышки даже как жаровню использовали: грибочки поджарить или даже блины сделать на днёвке. Но быстро выяснилось, что жар они держат плохо, мнутя всё время, блюдо непременно подгорает. И вернулся Попов к своей старой проверенной практике. Брал в каждый поход настоящую сковородку. Даже не алюминиевую, часто, а именно чугунную. Сколько его учеников с благодарностью вспомнят сегодня грибную добавку к небогатой походной еде! Или настоящие блины с ароматной полярной черникой к чьему-то походному дню рождения, или просто так, на днёвке.

Первым, у кого в нашей группе появился специальный мешочек для посуды, был Игорь Фёдорович. Сначала из простой хлопчатобумажной ткани. Потом – из лёгкого парашютного шёлка, из капрона. У кого не было такого мешочка – чистую посуду сразу убрали в клапан рюкзака. Там она всегда под рукой была, и это тоже привычка от Игоря Фёдоровича. Как вариант – вешали свою кружку на еловый сучок недалеко от костра. Но такой метод мог приводить к потере ценного снаряжения. Особенно, когда под ёлкой было метр–полтора приполярного снега, в котором мог утонуть целый рюкзак!

Фёдыч никогда не оставлял у костра невытую после еды посуду. Поел, сразу пошёл к речке, и прямо в холодной воде помыл её. Как же так, удивлялся я поначалу? Жир-то,

как отмывать в холодной воде? Он мило улыбался, брал горсть речного песка, и тёр им дно миски или кана. Я не понимал. Он терпеливо предлагал подумать, как так можно отмыть жир? Подумав, я понимал, что песок – это множество очень маленьких «кашечек», и суммарная поверхность у них – на несколько порядков больше, чем поверхность посуды, которую мы моем. Получалось подтверждение неопровержимому экспериментальному факту: песок адсорбировал на себя почти всю грязь, включая жир, оставшийся после приготовления пищи. Оставалось только обработать почти чистую поверхность кана (миски) небольшим количеством моющего средства, для дезинфекции. Впрочем, упомянутые выше микробы от такой чистки посуды в ужасе разбегались и без этого! :) Если песка на речке не было – в ход шли ягель, мох из-под кедров, сами кедровые иголки, мягкие ветки пихты и прочие подручные материалы, которые могла предоставить приютившая нас природа. Неизменным оставалось одно – большая суммарная поверхность предоставленной природой «мочалки».

Очень часто Игорь Фёдорович сам показывал нам, как надо правильно дежурить по кухне. Сразу после раздачи из котелка супа или каши, или (что ещё чаще у нас там варилось) «супокаши» – он шёл к речке, зачерпывал полное (это важно!) ведро воды, возвращался к костру, и вешал ведро над углями. Эту грязную воду надо было не кипятить, а слегка подогреть. Пока группа ела свой завтрак, обед или ужин, вода в ведре нагревалась до очень комфортной температуры. Мыть посуду с мылом в такой

воде было очень удобно. Особенно, когда на улице было около нуля, или ниже. После мытья посуды в тёплой воде, с мылом, её оставалось лишь слегка сполоснуть в речке, а затем – убрать в мешочки. Бывало и так, что котелок из-под супа мылся остатками тёплого чая. Это экономило светлое время суток, особенно в зимних походах. Его всегда было мало в условиях короткого полярного дня. Чем больше времени потратишь на мытье посуды – тем меньше пройдёшь километров. Или будешь идти ночью.

Почему Попов советовал нам мыть посуду сразу после еды? Ну, кроме гигиены? Да потому, что так проще её мыть. Остатки еды ещё не высохли, и отмывались легко и быстро. А ещё потому, что остатки еды, особенно в ночное время, привлекают диких зверей. Мы быстро поняли эту житейскую мудрость после того, как в лагерь на ручье Меридиональный (Хибины), пока мы ходили в радиалку, наведаясь медведь. Ну, то есть – медвежонок. Наверное, его мама просто не решилась подходить непосредственно к закрытым палаткам. Поэтому и пригоревшую кашу в речку мы быстро перестали выкидывать.

Вот, как иллюстрация ко всему сказанному, небольшой сюжет из похода на Тянь-Шань в 1982 году. Группа Попова остановилась на обед перед небольшой горной речкой. Вообще-то обед, обычно, принято делать не до, а сразу после брода. Потому что за время обеда можно успеть и переобуться в сухое, и подсушить мокрые носки и ботинки. Но хитрый (и опытный!) Игорь Фёдорович дал команду делать обед именно перед бродом. Пока группа варила и обедала, по до-

роге проехали местные, верхом на лошадях. Договорились быстро – это

Фёдыч всегда умел. Пока дети по очереди переезжали речку верхом на

Фото 6. И.Ф. Попов – на втором плане

Фото 7. И.Ф. Попов – на втором плане в роли дежурного

Фото 8. И.Ф. Попов – на втором плане моет посуду

Фото 9. И.Ф. Попов – на другой берег – с чистой посудой!

лошади, остальные сворачивали походный обед. А сам Попов, посмотре-

те (Фото 6 – Фото 9), сначала собрал посуду, пошёл к речке, вымыл её, и с

довольным видом победителя перевёз её (и себя) на противоположный берег реки.

Ну не мог он грязную посуду кидать в рюкзаки, чтобы помыть её потом!

Однажды он спросил меня: «Вадик, а вот если вдруг далеко в горах ты окажешься с едой и спичками, но без посуды... Как будешь воду кипятить?» Рассказ о том, как он учил нас выживать в самых разных условиях, читайте в следующих историях.

Послесловие

Перед публикацией этого рассказа я дал почитать его одной ученице своей ученицы, которую я лет 20 назад учил ходить в походы. А первая – только что окончила среднюю школу. Она внимательно прочитала рассказ и сказала, что я пишу, в общем-то, банальные вещи. И что все, в принципе, так и делают. Что тут особенного?

Я задумался, а потом попытался рассказать ей, что за годы, прошедшие от описываемых событий до момента написания этого рассказа прошло почти 40 лет. И что сменилось уже несколько (около 8–10) поколений учащихся туристских кружков и секций. Многое из того, о чём рассказано выше, было ново и неожиданно тогда, 40 лет назад. И что каждое поколение воспринимает как само собой разумеющееся то, что ещё вчера казалось новинкой в походном быту, в технике передвижения, в обеспечении безопасности, в стиле путешествий. Незменным остаётся только стремление вперёд, к познанию нового, которое свойственно настоящему путешественнику, и которому нас учил Игорь Фёдорович Попов.

Примечание:

[1] «Баклуша» – заготовка для изготовления деревянной ложки

ВИНО АНГЛИЙСКОЙ КОРОЛЕВЫ И РАССКАЗ О ТОМ, ГДЕ ЕГО НАЙТИ

Видимо, не надо объяснять, что такое водка в шаблонно-классическом описании русского человека. Вероятно, большинство читателей также знает, что в брежневские годы водка была универсальной валютой. При цене в 3 рубля 62 копейки, соотносившейся с зарплатой среднего работника примерно как 1:40, это было не удивительно. За бутылку водки можно было, например, попросить колхозного тракториста вспахать огород. Сегодня такая услуга стоит несколько тысяч рублей, что намного дороже бутылки обычной

водки.

В походы, как нетрудно догадаться, ходили и продолжают ходить очень разные люди. Ожидать от них какого-то одинакового отношения к алкоголю не стоит. Если человек выпивает дома – он будет делать это и в походе. Ну, разве что, совсем спившийся пьяница вообще не станет заниматься туризмом. Но это уже другая история.

Однако вернёмся к теме нашего рассказа. Первый раз я увидел, как выпивает Игорь Фёдорович в марте 1979 года. Мы шли по местам боевой

славы Молдавии. В каждом населённом пункте, который мы посещали, группа останавливалась у памятников героям Ясско-Кишиневской операции 1944 года – одной из самых успешных и победоносных боевых операций времён войны, в результате которой была освобождена советская Молдавия. Страна как раз готовилась отмечать 35-летие этой Победы. Вероятно, именно поэтому Игорь Фёдорович и повёл нас по правому берегу Днестра от города Бендеры через село Каушаны в Пуркары.

Места там обжитые. Почти все пространства между сёлами – либо распаханы, либо засажены виноградниками. Туристам приходится несладко. Мало того, что часто приходится идти по дорогам с автомобильным движением, так ещё и остановиться на ночлег практически негде. По этой причине Игорь Фёдорович заранее, или прямо на месте, договаривался с администрациями местных школ, и мы ночевали в их спортивных залах. Стелили на полу свои спальные мешки, и спали. Всё как у всех.

Но однажды мы то ли не дошли до такого ночлега, то ли так было задумано специально. Руководитель нашёл небольшой лес между сёлами и дал команду устраивать ночлег.

Лес был красивый. В марте месяце в Молдавии уже очень тепло. Днём температура поднималась выше +20°C. Сквозь толстый слой прошлогодней листвы пробивались нежные крокусы. Подлеска там практически не было. Лес был очень редким, светлым и с большой видимостью. Он просматривался насквозь практически от своего начала до самого конца. Ночевать там было одно удовольствие.

Вот только дров там практически не оказалось! А примусами наша группа тогда ещё не обзавелась. Чтобы притащить даже простую сухую палку или ветку, приходилось уходить на поиски чуть ли не за километр. Мы даже залезали высоко на деревья, чтобы срубить там старые сухие ветки! Однако мы были сообразительными мальчиками. Помучившись с поиском палок для костра, и памятуя о том, что дров в лагере должно быть с рост руководителя, мы приняли единственно верное, как нам показалось, решение.

Мы решили срубить все невысокие пеньки, которые были найдены нами неподалеку от лагеря. Ну а что? Дерево там было вполне себе сухое. И толщина этих пеньков была приличная. Да и по высоте они нам подходили – примерно 60–70 см от земли при диаметре около 15 см. Мы бодро взялись за дело, и быстро заготовили достаточное для двух готовок количество дров. После чего спокойно занялись своими делами.

Через пару часов в лагере появился незнакомец. Он деловито прошёл мимо палаток, подошёл к костру, и строго спросил:

– Кто тут главный?

Главный был у себя в палатке, его тут же позвали.

– Здравствуйте! – продолжил незнакомец. – Я инспектор лесничества... – и назвал себя по фамилии, имени и отчеству. Одновременно он вынул из нагрудного кармана своё служебное удостоверение.

Из начала разговора лесничего с Игорем Фёдоровичем мы сразу поняли, что что-то нарушили. Лесничий говорил о том, что все леса тут – высшей категории, водоохранные, и на-

ходиться в них нельзя. А тем более – ночевать тут в палатках. А разводить костёр – вообще преступление.

– А из чего вы, кстати, костёр тут развели? – заинтересовался инспектор.

Игорь Фёдорович стал рассказывать ему, что наши девочки собрали несколько сухих веточек, и всё такое... Но опытный глаз лесника уже сам оценил размер углей в костре, а потом увидел прикрытую полиэтиленом поленницу из нескольких пеньков.

– Ах, вот оно что! – заключил инспектор, и пошёл от костра в лес в поисках срубленных нами деревьев. За каждое срубленное в водоохранной зоне дерево полагался крупный штраф и прочие неприятности.

Игорь Фёдорович быстро нырнул в палатку, потом также быстро вынырнул из неё, и направился вслед за лесничим. Мы притихли. Дальнейшее общение лесничего с нашим учителем происходило в режиме немного театра. На расстоянии примерно в 100 метров в этом замечательно прозрачном для обзора лесу мы всё видели, но ничего не слышали. Лесничий быстро нашёл первый укороченный нами пенёк и остановился рядом с ним. Двое взрослых что-то недолго обсуждали. Потом Игорь Фёдорович ещё раз вернулся к своей палатке. Потом они переместились от нашего пенька к большому, старому, замшелому пню, который через минуту превратился в импровизированный стол. На столе Игорь Фёдорович разложил дефицитную сухую колбаску, которая использовалась у нас для перекусов, и поставил две кружки. Он что-то налил в кружки, и они продолжили разговор при-

мерно ещё полчаса после этого. Затем лесник ушёл куда-то в лес, в сторону от нашего костра, и больше не появился. А Игорь Фёдорович вернулся к нам.

– Знаете, что вы сделали неправильно в этой ситуации? – спросил он нас.

Оказалось, что мы не просто срубили старый пенёк. На этом пеньке было клеймо, которого никто из нас не заметил. На небольшом затёсе от топора была отметка из двух букв «РУ» – внутри круга. Попов объяснил нам следующее. Лесничий периодически проверяет состояние леса. Если какие-то деревья оказываются неизлечимо больными, они должны быть срублены. Лесничий отмечает их своим клеймом «РУ», что означает «Рубка Ухода». Он ставит по два клейма на каждое дерево, на некотором удалении по высоте друг от друга. Потом в лес направляется бригада лесорубов. Они находят деревья с клеймами, и должны спилить их ровно посередине между метками. Таким образом, одно клеймо оказывается на спиленном дереве, и служит подтверждением законности вывоза спиленного леса, а второе – остаётся на месте. Оно подтверждает, что дерево спилено по указанию лесника.

Мы укоротили давно спиленное дерево, оставив в лесу пенёк без клейма «РУ». С точки зрения лесного порядка – это было нарушение. Это было эквивалентно тому, что мы без порубочного билета спилили целое дерево. И ответственность за это была довольно крупной. Учитывая, что мы спилили не один пенёк, а несколько, проблем нам светило предостаточно. Точнее, не нам, а нашему руководителю, кото-

рый за всё и всех несёт в походе ответственность.

Игорю Фёдоровичу удалось договориться с лесником о компромиссе. Мы должны были сделать две простые вещи. Во-первых, мы должны были восстановить лес в таком состоянии, в котором застали его, когда пришли туда на ночлег. То есть: мы должны были целиком выкопать все спиленные нами пеньки. Чтобы ни у кого не было и мысли, что здесь что-то было до нас. Выкопанные пеньки мы сожгли в костре. От самого костра после нас тоже не должно было остаться никаких следов! Его не просто залили дефицитной в тех местах водой. Его буквально закопали, чтобы не было видно углей. А ещё – забросали сверху пожухлой прошлогодней листвой.

И, во-вторых, мы должны были очистить лес от любого имевшегося там мусора. Бутылки, бумаги, плёнка и металл, которые можно было найти – всё следовало собрать, и вынести с собой из леса в ближайший посёлок.

Выход с ночлега в тот день был очень поздним. Корни пеньков цепко держались за землю, а у нас не было ничего похожего на лопату. Копали

топором. Долго ходили вокруг лагеря кругами, собирали мусор. Попов, видя нашу работу, даже не пытался проверять её качество. Всё и так было ясно.

Урок я запомнил на всю жизнь...

Ах да, я совсем забыл про алкоголь! В том же походе Игорь Фёдорович водил нас на экскурсию на винный завод в селе Пуркары. «Негру де Пуркар» – это, кажется, оттуда. Экскурсия вызвала неподдельный интерес у всех школьников. Нам показали процесс производства вин от начала до самого конца. А в конце экскурсии – предлагается посетить дегустационный зал. Но дело было в СССР, и вместо дегустационного зала прямо на улице перед строем школьников просто поставили ведро вина. Эту часть экскурсии я, почему-то, совсем не помню...

...Кажется, Игорь Фёдорович сказал нам, что дегустировать или нет – дело (решение) каждого, и я отказался. А одноклассники мои попробовали. Всё-таки вино было очень хорошим, не зря его регулярно заказывала сама Елизавета II. Отчего в Молдавии его так и называют: «Вино английской королевы».

СЕМЕРО ОДНОГО ЖДУТ

ИЛИ О ТОМ, КАК ГРУППА ТУРИСТОВ ЖДАЛА В ПОХОДЕ СЛЕСАРЯ

Прозанимавшись у Игоря Фёдоровича в кружке туризма целый год (девятый класс), я, к удивлению некоторых, не бросил ни занятий в радиорубке (по линии комитета комсомола), ни работу в районной школе комсомольского актива, мероприятия которой, как я уже рассказывал, мало на-

поминали современное классически негативное описание этой организации. Ко всему прочему, у меня появился ещё один наставник – Анатолий Павлович Степанов. Сюжетная линия вновь надолго уведёт нас в сторону от Игоря Фёдоровича Попова, но лишь для того, чтобы вернуться к нему не-

сколько с неожиданной стороны.

Примерно в 1977 году «родная коммунистическая партия» решила, что стране не хватает рабочих рук и начала программу пропаганды, агитации, обучения и прочих форм привлечения молодёжи в рабочие специальности. Для этого по всей стране открылись УПК – учебно-производственные комбинаты, где нас, школьников, должны были обучать рабочим профессиям. На выбор предлагалось около 15-ти различных вариантов. Но все мальчики, как и следовало ожидать, массово записались «в водители». «Машины – это круто» – так было всегда, а тут ещё в школе можно было получить «взрослые» водительские права, законно порулить настоящим грузовиком, хоть и на учебной площадке УПК, а в перспективе – попасть в армию на престижные водительские должности. Если придётся служить, конечно. Так мы рассуждали, когда нам предложили записываться в УПК в сентябре 1979 года. Но школьное и районное руководство, получив наши пожелания, рассудило по-своему. Стране не нужно столько водителей. Поэтому вот этих – мы сделаем токарями, этих – фрезеровщиками, и так далее. Меня определили в группу обучавшихся слесарному делу, к мастеру Степанову.

Анатолий Павлович был старым рабочим, слесарем с какого-то завода. Его по выходу на пенсию со счетов не списали, а отправили обучать нас, олухов, этому непростому делу. Дело своё Анатолий Палыч любил, что я понял сразу. Поэтому старался не сильно балбесничать, а пытался научиться тому, что он нам рассказывал и показывал. Сработала Школа моего

прежнего учителя труда – Альфреда. Я почувствовал, что тут тоже можно многому научиться, и стал прикладываться к этому пусть небольшие, но усилия. Большинство остальных пацанов в нашей группе, кроме ещё одного-двух человек, учились «спустя рукава». Поэтому даже те немногие усилия, что приложил к обучению лично я, оказались замеченными Анатолием Павловичем.

Не могу утверждать, что мы подружились. Какая может быть дружба при разнице возраста в 45 лет? Однако взаимные симпатии сложились. Мы беседовали на разные внеучебные темы. Пару раз он приглашал меня в гости в свою квартиру в старинном доме на Сretenском бульваре. Поразительным образом в соседнем доме в те же годы жил мой будущий старший товарищ и друг, ученик Игоря Фёдоровича Попова – Сергей Балашов. Мир тесен, и Москва – большая деревня, об этом мы ещё поговорим позже.

К концу учебного года выяснилось, что в стране готовится широкое празднование юбилея дорогого Леонида Ильича Брежнева – руководителя коммунистической партии и советского государства. К юбилею вышла его автобиографическая трилогия: «Малая Земля», «Возрождение» и «Целина». Нас даже заставляли читать этот труд и анализировать его на уроках то ли истории, то ли литературы. Как бы то ни было, но кому-то в верхах пришла в голову гениальная мысль: устроить на Запорожской земле, где «наш Ильич» восстанавливал мирную жизнь после войны, праздник «мира и труда» с широким участием современной трудовой молодёжи. В стране срочно на-

чалась подготовка Всесоюзного слёта трудовых объединений школьников – так назвали это мероприятие.

Как именно всё это готовилось на уровне страны я, конечно, не знал. Однако от Москвы должна была быть сформирована представительная делегация, ядром которой были бы школьники, обучавшиеся в УПК по 14-ти различным профессиям. Каждый участник команды на слёте должен был защищать «честь Москвы». Поэтому в команду надо было набрать лучших, чтобы достойно представить столицу на столь важном политическом мероприятии. Районов в Москве было 33, участников надо было собрать 14. Как они там решали вопрос выбора – теперь уже не важно. Но от нашего Дзержинского района надо было выставить... правильно – одного школьника-слесаря! Пришли в Дзержинский УПК к мастеру слесарного дела и спросили, кого он даст на слёт? Анатолий Павлович позвонил мне, и «обрадовал» этой новостью. Почему я написал это в кавычках, станет ясно чуть ниже.

Первым делом, я сильно разволновался. Неуверенность в собственном «я» была высока, да и напильник в руках я держал не очень хорошо. Не на «всесоюзном» уровне – это точно! Анатолий Палыч меня приободрил тем, что усиленно позанимается со мной в июне, а в июле у меня будет производственная практика на настоящем заводе! И хочется, и колется – руководствуясь этой мудростью, я согласился.

Началась та самая усиленная подготовка. Несколько дней в неделю я дополнительно ходил после уроков в УПК, где Анатолий Павлович учил

меня в индивидуальном порядке всему тому, что может понадобиться на соревнованиях. Помимо этого нас несколько раз вызывало начальство всех мастей и уровней. С нами проводили «воспитательные беседы» в райкоме комсомола, в РОНО (районном отделе народного образования), и даже сам первый заместитель начальника ГУНО (городского управления народного образования) Леонид Петрович Шило принял нас, одетых в полном парадном обмундировании. Между прочим, и рабочую и парадную форму для всей команды (28 комплектов одежды!) сшила для нас Рита – девятиклассница, представлявшая Москву по профессии швея-мотористка.

Кстати, фразу о том, что «Шило в ГУНЕ не утаишь» я услышал именно тогда, в коридорах школьного здания. В нём размещалось это самое ГУНО – на третьем и четвёртом этажах. В этом же школьном здании, по адресу Серебряный переулок, дом 2, в те же годы располагалась МосгорСЮТур (Московская городская станция юных туристов). Не правда ли, удивительное переплетение жизненных путей?

Целый месяц я вставал в четыре с половиной часа утра, чтобы ещё до открытия метро, на первом трамвае, доехать до инструментального завода «Калибр». Первая смена начинала работу в шесть часов утра. Как несовершеннолетний, я работал по сокращённому графику, шесть часов, без перерыва на обед. За месяц я обработал несчётное количество алюминиевых корпусов каких-то приборов, которые среди прочих делал наш завод. В конце месяца мне вручили в отделе кадров квадратную красную «корочку», удостоверявшую получение

ние взрослой квалификации слесаря механо-сборочных работ второго разряда. Это было круто! Я до сих пор храню её в своём личном архиве и горжусь, как одним из самых важных достижений в жизни. Но ещё приятнее было получить на заводе первую настоящую зарплату – что-то около 40 рублей! Это была сумма, почти равная стоимости похода в Хибины, к которому, пока я «прохлаждался» с напильником, готовил группу почти забытый мной в этом рассказе И.Ф. Попов.

Первую зарплату, по старинной традиции, о которой мне часто рассказывал отец, я принёс маме. И практически сразу же спросил её разрешения потратить эти деньги на летний поход с Поповым. Мама, конечно же, разрешила. Какую-то кухонную безделушку с первой зарплаты я ей всё-таки сообразил купить в подарок, а остальное отнёс Игорю Фёдоровичу. К этому времени уже выяснилось, что сроки проведения всесоюзного мероприятия пересекаются со сроками проведения путешествия группы «Горизонт» на Кольский полуостров. Это было обидно и несправедливо. С одной стороны, очень хотелось с ПИФом в Хибины! Он так интересно и увлекательно рассказывал нам о них, что я готов был всё бросить ради этого путешествия. Я понимал также, что если не поеду со своей группой в этот поход, то мне придётся безнадежно догонять своих товарищей в туристском деле. Они всегда будут на один шаг впереди меня, с большим опытом.

С другой стороны, как человек достаточно ответственный в свои 16 лет, я понимал, что целый город готовил

меня к соревнованиям в Запорожье (это город, где ДнепроГЭС, и где работал после войны Брежнев)! Не просто город, а Москва! У меня уже даже успели взять короткое интервью на всесоюзном радио. Я говорил, что «с честью буду представлять...» – и всё такое... Я говорил ровно то, что от меня ожидали взрослые дяденьки и тетеньки. Но я и думал практически точно так же. И как я после этого скажу, что не поеду? Это было не в моих правилах. Кстати, интервью на радио у меня брали недалеко от здания городского клуба туристов на Садово-Кудринской 4, стр. 3, что рядом с Кудринской площадью (тогда она ещё была площадью Восстания). И снова туризм был рядом со мной. Даже такая мелочь, как пошитая для нас форма – тоже оказалась камнем преткновения. Рита сняла с нас индивидуальные мерки, и надеть мою форму на другого человека было просто невозможно!

Всё это я рассказал Игорю Фёдоровичу. Мне показалось, что он даже не задумался – практически сразу предложил свой вариант выхода из ситуации. Вариант предполагал схему действий: «и вашим, и нашим». Основная идея была в том, что всесоюзный слёт заканчивался ровно за два дня до того, как «Горизонт» должен был выйти на маршрут. А почти неделю перед этим группа планировала большую экскурсионную программу с посещением Петрозаводска, острова Кижи, Мурманска и Апатитов. Было ли так задумано сразу, или он сочинил эту мысль на ходу, пусть решает читатель, я не знаю.

– Закончишь свой слёт, сядешь на поезд и приедешь к нам, – спокойно

и уверенно сказал Игорь Фёдорович.

Я был в растерянности и в недоумении. Во-первых, я тоже хотел и в Петрозаводск, и в Кижы, и в Мурманск. Все эти места были связаны с флотской юностью моего отца.

– Ничего страшного, посмотришь их в другой раз. Главное для тебя – в Хибины попасть, – спокойно решил за меня Игорь Фёдорович.

– Но как же я поеду на поезде? Один? Меня же не пустят? А родители разве так отпускают?

– Во-первых, ты не маленький. Должен сам за себя отвечать. Всё получится. Во-вторых, родители посадят тебя на поезд, и скажут проводникам, чтобы за тобой присмотрели. Что там ехать-то? Один день, да ещё ночь. Выспишься хорошо, а там уже и Апатиты. Мы встретим тебя прямо у поезда. Не переживай.

Он так спокойно и уверенно всё это говорил, что я начал ощущать доверие к его словам. И что его план – впол-

не себе реалистичный. Окончательно успокоили и убедили меня такие его слова:

– Я уже много раз так делал, не ты первый догоняешь группу на маршруте.

Не знаю, правда или нет была в этом его резюме, но я согласился, что именно так и надо поступать. А как он убедил моих родителей отпустить их сына-девятиклассника, одного, с незнакомыми проводниками, почти за две тысячи километров от дома, в другой город, и даже почти в горы – останется теперь тайной навсегда, я думаю.

Всесоюзный слёт трудовых объединений школьников в украинском Запорожье прошёл на высшем уровне! Если бы меня спросили, что такое коммунизм, я бы рассказал им о нашей жизни в июле 1979. Московская команда успешно выступила на соревнованиях, заняв почётное второе место в общем зачёте. Заняли бы и пер-

Фото 10. Запорожье, июль 1979 г.

вое, но сами понимаете... Победить в тот год могла только команда земляков Леонида Ильича. Поэтому из 14-ти рабочих профессий 13 первых мест «взяли» (или получили?) запорожцы. И только нашу замечательную москвичку Риту никто не осмелился задвинуть на второе место! Её результат оказался настолько неоспоримо высоким, что ни у кого не пошевелился палец дать ей ниже первого места. Ну а я? Из 70-ти человек, участвовавших в конкурсе, я занял всего 10-е место. Борьба за микроны идеально плоских поверхностей инструмента, который мы должны были изготовить, далась мне с трудом. И всё же я был доволен

– оставил позади себя 60 человек со всего Союза!

В тот же день, когда поезд привёз нас с Украины в Москву, я забрал заранее собранный походный рюкзак, и родители проводили меня на Ленинградский вокзал. Как и было спланировано, они предупредили молодых проводников о том, что в вагоне едет школьник-слесарь без сопровождения, которого будут встречать в Апатитах. Просили присмотреть за мной. Дали мне на дорогу немного денег. И поезд тронулся. Так начался мой первый поход в настоящие горы.

СТРОЙОТряд

ЧТО СТРОИЛИ ЛЕТОМ СТУДЕНТЫ ПЕДВУЗА

Начало августа 1979 в Москве выдалось тёплым. Я сел в скорый поезд Москва – Мурманск под опеку проводников, чтобы догнать свою группу, которая уже неделю путешествовала по российскому северу. Мне выдали постельные принадлежности. Немного посидев, и поглазев в окно, прилёг поверх простыни на подушку и незаметно для себя уснул.

Сон выдался беспокойным, к середине ночи я совсем скрючился под тонкой простыней от холода. Удалившись от Москвы, поезд попал в зону первых августовских заморозков, которые в этих краях начинаются как раз около четвёртого числа. Усталость от многочисленных переездов и от обилия событий всё же победила, и, я окончательно отключился.

Утром проснулся от ощущения того, что выспался, а ещё от того, что

очень тепло. Не сразу понял, что лежу сразу под двумя шерстяными одеялами! Когда понял, встал, заправил койку, и начал вынимать из рюкзака поездные бутерброды, которые мне приготовила мама. И тут в проходе нашего плацкартного купе появилась проводница. В руке она держала подстаканник, в котором был обычный стакан с необычным для поездов той поры чаем. У меня на столе дымился горячий, хорошо заваренный крепкий чай.

Я не первый раз ездил в поездах, и отлично знал, какой чай носят проводники. Да и Игорь Фёдорович много раз рассказывал, как они его «добывают». Растворяют жжёный сахар, чтобы был подходящий цвет, делают прочие манипуляции, а настоящую заварку – воруют. Поэтому чай в поездах Попов всегда заваривал без уча-

ствия проводников.

Этот чай был не такой, и поэтому я хорошо запомнил наших проводников. Две девчонки-хохотушки, старше меня всего лет на пять, оказались студентками педагогического института имени Ленина. Когда я умял свой завтрак, они позвали меня к себе в гости, и почти весь день что-то мне рассказывали. Иногда к ним заглядывали молодые люди – проводники из соседних вагонов. Вся поездная бригада оказалась студенческим отрядом из пединститута. Компания была шумная и весёлая, несколько раз в купе появлялась гитара, и ребята пели песни.

Мне повезло с таким сопровождением. Оно мало чем отличалось по психологическому климату от того, к чему я уже привык в путешествиях с Игорем Фёдоровичем.

День пролетел незаметно. Продукты мои закончились ещё до обеда (что поделаешь – растущий организм!) и девчонки взяли меня на своё довольствие. Я и не сопротивлялся, мне почему-то казалось, что так и должно быть. Так всегда было, когда поездка

проходила под руководством ПИФа. Его не было рядом, но ощущение складывалось такое, что это он всё так складно организовал! (Конечно же, это было не так).

Ранним утром 6 августа, часов в шесть с минутами, поезд прибыл на станцию Апатиты. Я уже стоял с рюкзаком у окна, и выглядывал на перроне свою группу. Но никого не было. Вышли из вагона вместе с моими сопровождающими. Несколько минут, пока поезд стоял на станции, никого не было. И только когда уже объявили отправление, в конце перрона появилась знакомая фигура Попова в ВЦСПСовской штормовке. Приблизившись к нам, он поблагодарил проводников за помощь (а я, дурак, живший у них на харчах целый день, сам и не сообразил сказать им хотя бы простое спасибо). Мы попрощались, и поезд поехал своей дорогой дальше. А мы направились в город, где нас ожидали остальные участники путешествия вместе с нашим вторым руководителем – Галиной Николаевной Цыбренко.

МЕТРО

ИЛИ О ТОМ, КАК ПОПОВ В ЗАПОЛЯРЬЕ МЕТРО «РАСКОПАЛ»

Группа была недалеко, на привокзальной площади, и встретила меня весьма прохладно. Или мне так показалось. Они оживлённо обсуждали свои текущие дела, про которые я ещё ничего не знал. Мне казалось, что сбываются опасения насчёт того, что я буду всегда отставать от них в опыте на один шаг. Однако, эти мысли не задержались у меня надолго, поскольку

Игорь Фёдорович дал команду выдвигаться к электричке, на которой мы должны были добраться почти в сердце Хибин – в город Кировск. Электричка была какая-то очень древняя, с угловатыми внешними формами снаружи, и сиденьями из деревянных реек внутри. У нас в Подмоскovie такие давно уже не водились. Мы ехали вдоль южного склона гор, постепенно

приближаясь к ним. Пока мои товарищи что-то весело обсуждали, я смотрел на горы, разглядывая их красоту, которая не была похожа ни на что, виденное мной раньше.

Через полчаса поезд плавно завернул влево, и мы оказались в долине какой-то реки, довольно высоко над её руслом. Склоны приблизились, а ещё через несколько минут показались первые здания Кировска.

Мы вышли из вагона к зданию вокзала. Игорь Фёдорович дал перевести нам дух от видов на окрестности, и произнёс: «Ну что, пойдёмте, я покажу вам метро!»

Как метро? Откуда? Несмотря на свою молодость, лично я точно знал, что метро в стране есть только в самых крупных городах: в Москве, Ленинграде, Киеве и ещё в одном-двух, не более. Кировск никак не соответствовал статусу города, в котором может быть метро. Но Игорь Фёдорович лишь загадочно улыбнулся в ответ на наше недоумение, и бодро зашагал своей смешной походкой прочь от вокзала.

Через несколько десятков метров

впереди показалось невзрачное серое сооружение, отдалённо напоминавшее вход в подземный переход. Подойдя ближе, мы увидели, что прямо над входом в него красуется большая синяя буква «М» – такая же, как в нашем Московском метро, только не такого цвета. «Ну, вот вам и кировское метро! Добро пожаловать!» – заявил ПИФ, и бодро засеменял вниз по ступенькам. Удивляясь, и ещё не чувствуя подвоха, я пошёл вниз вслед за ним. Догоняя его, спросил: «Это что, правда, тут метро есть?»

«А разве сам не видишь?» – засмеялся он, и тут впереди забрезжил свет. Метро, всё-таки, оказалось обычным, причём довольно мрачноватым, подземным переходом под подъездными железнодорожными путями местной фабрики. Но метростроевская «М» оказалась, всё-таки, настоящей! Игорь Фёдорович разъяснил, что этот переход построили ленинградские метростроевцы, и в память об этом повесили тут свою фирменную синюю букву.

Так я узнал, что метро бывает разным, и что слова руководителя не всегда надо воспринимать буквально.

КИРОВСК

ИЛИ РАССКАЗ О РАЗНОЦВЕТНЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ В РАЗНОЦВЕТНОМ ГОРОДЕ

Мы вышли из «подземки», и потянулись по улицам города куда-то вверх, на холмы. Минут через двадцать руководитель завёл нас в школьный двор, и очень скоро мы уже начали обживать её спортивный зал. Надо сказать, что в школах различных городов и поселков наша группа жила

не первый раз. Это практиковали многие руководители детских туристских групп. Практикуют, я надеюсь, и в современном обществе, хотя делать это стало намного сложнее.

Игорь Фёдорович всегда договаривался о том, что группа будет жить именно в спортивном зале школы,

а не в других её помещениях. Я полагаю, что к этому существовало несколько причин. Во-первых, по своему образованию (первому) ПИФ был учителем физкультуры (сам он всегда поправлял, слегка обижаясь – физического воспитания). Выбирая спортивный зал, он, тем самым, оказывался в привычной и даже родной обстановке, где ему всё было знакомо. Во-вторых, спортивный зал не имел какой-либо обстановки, которую могут ломать его шумные подопечные. Там не было мебели, не было наглядных пособий, всяких технических средств обучения, настенного оформления и так далее. Спортивные снаряды, которые там были – весьма прочны, и сломать их практически невозможно. Представляете, как мог переживать директор, а тем более завхоз школы, если бы группа сломала пару стульев в кабинете? А Фёдыч им как раз это и объяснял, что в спортивном зале ничего нет, и ломать там нечего. Ущерб от его школьников просто невозможен. Кроме того, спортзал был огромным, и это было явное преимущество перед всеми остальными вариантами. В нем вполне можно было постелить на полу маты, и спать с большим комфортом. Можно было отойти в другой угол зала, и тихо пошептаться о каких-нибудь проблемах. Сплошные плюсы!

Вот готовить еду на наших примусах Попов внутри школьных помещений не разрешал. Всегда отправлял нас на улицу, причём требовал, чтобы мы отходили от здания подальше. Куда-нибудь в укромное место, за угол здания, с глаз долой, чтобы школьная администрация не переживала за пожарную безопасность своего объек-

та. Если позволяла погода, там же, на улице, мы принимали приготовленную еду. Меньше грязи внутри принимавшего нас здания, да и запахи не мешают тем сотрудникам, которые там работали в каникулы.

Кто-то варил еду, кого-то отправили в магазин докупить продукты, кто-то просто ничего не делал.

После обеда нас отпустили гулять по городу, и мы, разбившись на небольшие группки, ушли в город. Кировск конца 1970-х годов остался у меня в памяти довольно необычным городом. Помимо великолепных гор, которые его окружают, и на склонах которого он расположился, бросалось в глаза огромное озеро Большой Вудьявр, отражавшее небо где-то внизу, там, куда убегали улицы. На берегу озера была Апатито-нефелиновая фабрика №1 (АНОФ-1), первенец первой пятилетки, как нам позже объяснили. Центральная улица города, носящая и поныне имя Ленина, запомнилась необычными домами. Они были яркими, красочными, причём все цвета отличались друг от друга. Игорь Фёдорович тоже обратил наше внимание на это, сказав, что так людям легче переносить длинные белые зимы и полярные ночи. Цветовые пятна помогают им психологически, повышая настроение. Ну, по крайней мере, так было задумано архитекторами. В тех городах, где я жил и бывал раньше, дома не были столь разноцветными.

Когда Игорь Фёдорович приезжал в другие города, он неизменно ходил во все местные книжные и хозяйственные магазины. Его интересовали именно эти два вида магазинов. Идея была такая: в Москве живёт огромное количество народа. Спрос на кни-

ги – очень высокий, и интересную литературу раскупают практически моментально. А вот в небольших провинциальных городах такой литературой, особенно тематической, практически никто не интересуется. Но её «по разнарядке» плановая советская экономика направляет и в такие города тоже. Получалось, «где пусто, а где густо», чем и пользовался наш опытный руководитель. Из своих путешествий он всегда привозил несколько редких книг, которых в Москве невозможно было найти. А в хозяйственных магазинах он искал изделия местных производителей, которые были, наоборот, редкостью в Москве. В глубинке людям нужны эти товары, а в Москве – нет. Кроме того, и цена в других городах на такие товары мог-

ла выгодно отличаться от московской. Сплошные плюсы! Неудивительно, что эту привычку я быстро перенял у Фёдыча, и теперь никак не могу от неё «отделаться». В каждой поездке обязательно заглядываю в такие магазины. А вдруг что-то интересное найдётся? Хотя навык этот, к сожалению, давно стал неактуальным.

Вдоволь нагулявшись по городу, мы вернулись «на базу», где всегда должны были оставаться двое дежурных. Два часа гуляешь, потом меняешь своих товарищей. График дежурства составлялся заранее, до выхода в город. Отдежурил, дождался смены, иди гуляй в город снова. Если хочешь, конечно. Город был небольшой, и поэтому после пары часов прогулок мы все снова собрались в нашей школе.

АНОФ-1

И О ТОМ, ПОЧЕМУ ВАЖНО ХОДИТЬ С УЧИТЕЛЕМ НА ЭКСКУРСИИ

На второй день пребывания в Кировске Попов повёл нас на экскурсию. Сказал, что будет интересно, и что это нельзя пропустить. Впрочем, никто и не сопротивлялся. Группа уже неделю только и делала, что ездила по городам, и посещала всякие экскурсии.

Мы направились уже знакомым путём назад: через кировское «метро», к вокзалу. Оказалось, что совсем рядом там был вход на главный промышленный объект города – Апатито-нефелиновую фабрику №1 (АНОФ-1). Пройдя через проходную, наша команда немного потолкалась на одной из площадок между корпусами, пока руководитель куда-то ходил. Вернулся он с женщиной-экскурсоводом,

которая повела нас в музей АНОФ-1, находившийся тут же, на территории фабрики.

Музей представлял собой небольшое помещение из 4–5 комнат, сплошь заставленных старинными массивными деревянными шкафами со стеклянными дверцами, и не менее основательно сделанными столами и наклонными витринами между ними. Вся эта старина была переполнена книгами, картами и схемами, древними (как мне тогда казалось) фотографиями и, самое интересное – коллекциями камней. Ой, прошу прощения – конечно же не камней, а великолепными образцами горных пород и минералов, как из гор Кольского полу-

Фото 11. Музей АНОФ-1. Фото Н.Васюнина (ок.1997 г.)

острова, так и со всего мира, включая рудники Южной Африки (почему-то запомнилась именно Южная Африка). Экскурсовод рассказывала нам о том, что АНОФ-1 – это ударная комсомольская стройка первой пятилетки, что первую руду она дала ещё в 1929 году, и так далее. Мы слушали, но не очень внимательно. За нашими спинами стоял, иногда переходя от одного школьника к другому, Игорь Фёдорович. Иногда он почти шёпотом комментировал слова экскурсовода. Точнее, он «перечёркивал» то, что экскурсовод говорила неправильно. Именно тогда я услышал, что «первыми комсомольцами» были обычные «зеки» (заклѳенные), которых привозили сюда тысячами, если не десятками тысяч.

Кроме этого, когда нам показывали какие-то фотографии гор, ПИФ уверенно называл их по имени (на-

званию), как будто это были его очень старые и добрые друзья, которых он знал уже тысячу лет. Названия эти мы слышали ещё в Москве, при подготовке к походу. Звучали они необычно, таинственно и были сложны для произношения и запоминания. Однако, Попов почти при каждом произнесении этих названий, добавлял их перевод на русский язык, и очень скоро стало понятно, что в них есть система! А там, где есть система, всё очень быстро можно запомнить. Надо лишь понять саму систему. Через несколько лет после описываемых событий автор этих строк соберѳт в одном месте все названия саамских топонимов, которые Игорь Фёдорович коллекционировал в своих походах, добавит к ним топонимы, найденные другими авторами, и напишет небольшую статью о топонимике Кольского полуострова. Статья эта станет, в некотором роде,

классической, и будет многократно цитирована и даже перепечатана под чужими именами («украдена») в многочисленных краеведческих заданиях участников Первенств по туризму г. Москвы, и на многих сайтах в интернете. Лишь через 25–30 лет стали находиться авторы, которые не просто перепечатывали с ошибками эту статью, но добавляли в неё результаты своих собственных поисков.

Однако, вернёмся в музей АНОФ-1, экскурсия по которому подошла к завершению. После музея нас повели в цеха фабрики и показали её полный производственный цикл. Вот грузовики вываливают в приёмники привезенную из карьера горную породу. Это апатит с некоторой примесью нефелина, оба – в виде крупных кусков камня, полученных в результате взрывных работ в карьере. Камни из приёмника попадают в дробилку. Это такая большая «мясорубка», в которой крутятся гигантские – просто огромных размеров чугунные шары, каждый диаметром около метра. Может быть, я что-то и забыл, но ощущение мощности этих машин осталось на всю жизнь. Порода этими «чугуняками» измельчается практически в пыль, после чего направляется на длинных ленточных транспортёрах во флотационные машины. Флотация – это промывка породы, её вспенивание и разделение на тяжёлую и лёгкую фракции. Лёгкая – это апатит. Его как пенку с молока снимают с поверхности ёмкости, и направляют на осушку. А там уже и до погрузки в вагоны недалеко. Апатитовый концентрат везут на фабрики в другие города, где из него делают фосфорные удобрения для сельского хозяйства. «Апатит –

камень плодородия» – так о нём говорил ещё академик Ферсман, открывший, изучивший эти месторождения, а после – курировавший организацию здесь крупного горнодобывающего и перерабатывающего промышленного комплекса.

Нефелин – это руда на алюминий. Она беднее, чем бокситы, поэтому экономически не выгодно добывать из неё серебристый металл. Нефелиновый концентрат (порошок) в виде его взвеси в воде (пульпы) по трубам гонят в специальные нефелиновые хранилища, где руда медленно оседает на дно, формируя готовый запас для будущих поколений – когда более богатые алюминием запасы руды на планете иссякнут. Впрочем, когда нам рассказали, что в качестве хранилищ используются заливы озера Имандра, мы расстроились, поскольку уже успели проехать по его берегам на поезде, и видели красоту местной природы. Но слово «экология» что тогда, в 1979 году, что сейчас – было не в чести у тех, кто планирует и организует отечественную промышленность. Так что осадок остался не только в виде нефелина на дне Имандры, но и в душе многих школьников, услышавших эти подробности. Кстати, рассказ про АНОФ-1 приведён здесь примерно в том же виде, в каком его запомнил московский девятиклассник, будущий автор этих строк. Так что прошу не судить строго: сегодня я знаю про эту отрасль отечественной промышленности намного больше. Да и экологическим образованием школьников занимался много лет.

Апофеозом экскурсии на АНОФ-1 стало наше посещение... местной столовой! Там было чисто и довольно

уютно. Вкусно пахло, и Игорь Фёдорович позволил нам самим выбрать, что каждый будет есть. Мы похватали подносы, и наставили туда (кроме супа и каши) ещё всякие выпечки-булочки и компоты-кисели, от которых отвыкли за несколько дней экскурсионно-поездной жизни в городах севера.

Попов стоял неподалеку, и тихим ласковым голосом напоминал нам, что «не надо жадничать; оценивайте свои силы; если не уверены, что всё это съедите – не будет ли нам стыдно выбрасывать недоеденный обед в помойку». Мальчишкам-подросткам стыдно, конечно, не было. По-есть – это мы всегда любили. Так что проблемы в этом мы не видели. А Игорь Фёдорович безропотно стоял у кассы и терпеливо ждал, когда тёнька-кассир прокрутит ручку ещё механического (!) кассового аппарата, пробивая нам чек на всю группу. Чек получился метра два длиной, мы потом даже специально измеряли его линейкой. Игорь Фёдорович заплатил за обед группы, свернул двухметровую ленту «для финансовой отчётности» и спрятал в недрах ярко оранжевого накладного кармана своей новой белой анараки из парашютного капрона. «Анарака» – вместо правильного французского «анорак» – именно так мы тогда произносили это слово, несмотря на неплохое для своего возраста знание французского языка.

Игорь Фёдорович, как потом оказалось, хорошо знал, что обычный общепит в таких маленьких провинциальных городах качеством услуг и продукции не славился. Совсем другое дело – флагман отечественной промышленности, который именно в

конце 1970-х завоёвывал всевозможные переходящие знамёна и награждался государственными орденами «имени» и «памяти». Тут всё было по высшему разряду. Кроме одного: попасть в такую столовую просто из города – было никак невозможно. Ну, даже если очень-очень попросить. Проходная, высокие заборы, колючая проволока, строгая охрана, пропуска и режим государственной важности – всё это было непреодолимым препятствием для обычных горожан.

Но Игорь Фёдорович знал простой секрет: то же самое государство, которое прятало от своих граждан многие тайны, имело интерес в привлечении молодёжи к рабочим профессиям. Все ведь хотели быть космонавтами, лётчиками, дипломатами и журналистами. А также много ещё кем – только не станочниками и машинистами. Об этом я уже рассказывал в предыдущих главах. Поэтому, когда учитель из (самой!) Москвы приходил в приёмную к главному инженеру крупного завода и говорил, что хочет показать, как интересно работать именно на вашем, «Иван Иванович» заводе (фабрике, стройке, ледоколе, и так далее) – «Иван Иванович» таял на глазах, и открывал перед школьниками все двери. И давал самых лучших специалистов, чтобы показать детям всё лучшее, что есть на его производстве. И приглашал этих детей после школы приезжать поработать именно тут. У нас же тут такие условия... такая зарплата... северные платят... жильё дают... все условия... одна столовая чего стоит... Вот, кстати, про столовую я вам уже и рассказал.

А о чём думал наш Игорь Фёдорович, ведя своих учеников на такую

фабрику, мы можем только догадываться. Возможно, он хотел просто качественно и без проблем накормить группу. А, может быть, он мечтал о том, чтобы его ученики гордились своей Родиной, и знали, кто, где и как создаёт её могущество. Решайте сами. В общем, это было главное (но не единственное важное) событие этого

дня нашей жизни в Кировске. И запомнилось оно, как можно заметить, крепко и надолго. И когда через 17 лет я вернулся в Кировск уже со своей группой туристов-школьников, я повторил примерно такой же «маршрут» по городу, какой сделал для меня мой учитель.

АЙКУАЙВЕНЧОРР

ИЛИ О ВЕЛОСИПЕДАХ И ГОЛОВЕ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ

Во второй половине дня, немного отдохнув после сытного обеда на АНОФ-1, Попов велел нам взять с собой альпенштоки, и по улицам города мы пошли вверх, в гору. Альпенштоки наша группа заготовила ещё в Москве, точнее в Подмосковье. Пока я катался по Запорожью, мальчишки из нашей группы ездили в лес, и нарубили там крепких берёзовых палок высотой примерно 150–160 см. Палки эти Игорь Фёдорович велел очистить от веток, содрать с них всю кору, и закруглить с двух сторон так, чтобы не было острых углов и заусенцев. Перед отправлением на Кольский все эти «дрова», как мы их называли, были связаны в пучок (вязанку) и в таком состоянии группа грузила их в вагон, переносила с места на место, вызывая неизменное удивление и хохот со стороны окружающих. «Эй, туристы, дрова с собою возите, что ли!» Мы краснели, но на провокации старались не поддаваться.

Конечно же, ещё задолго до этого путешествия, Игорь Фёдорович рассказывал нам, что альпеншток – это

«альпийская палка», приспособление для хождения в горах. И что без этой палки ходить по горам можно, но это труднее, и опаснее. Потому что палка в руках – работает как дополнительная опора, третья нога. Она помогает держать равновесие, что бывает особенно трудно, когда идешь в горах по осыпям крупного или среднего размера.

Но мы в таких горах ещё не бывали. Для всех нас Хибины – были первым горным районом, куда нам ещё только предстояло выдвинуться. И никто из нас ещё не ходил по настоящим горным склонам, тем более – по осыпным. А первый ходовой день – завтра. И поэтому настало время провести учебное занятие по передвижению в горах с альпенштоком.

Ну да, конечно же, нашему руководителю следовало провести такое занятие ещё в родном Подмосковье. Там есть и склоны, и крепкие берёзовые палки. Но он такое занятие организовал непосредственно накануне первого выхода в горы. Может быть, он понимал, что в Подмоско-

вье школьник не поймёт смысла этой палки? Её основного качества? И что «игрушечные» условия применения альпенштока там, где он реально не нужен – только испортят отношение к нему? Ход рассуждений Попова мог быть любим, но поступил он именно так, как я тут рассказываю.

Вот уже и последние дома на улице, выше – только горная тундра. Сегодня на этом склоне организован крупный отечественный горно-лыжный курорт. Мы идём вверх по склону, поросшему мхами и лишайниками. Чем выше мы поднимаемся, тем больше встречается каменистых полей – курумников. Сзади открывается великолепная панорама на город, озеро Большой Вудьявр и АНОФ-1, где совсем недавно мы побывали. Игорь Фёдорович показывает нам горы, называя каждую по имени. Вон та – Кукисвумчорр, «Гора у Длинной долины», самой длинной долины в Хибинах. У её подножья – рудник имени Кирова, руду с которого везут на АНОФ-1 для переработки. А вот за Большим Вудьявром – Вудьяврчорр. Справа от него – озеро Малый Вудьявр, мимо которого мы завтра пойдём. Там же, кстати, и Полярный альпийский ботанический сад, его мы тоже посетим. За Малым Вудьявром – хребет Поачвумчорр, «Хребет у Долины Оленьей тропы,» именно так переводится с саамского языка это название.

– А гора, на которую мы залезли, как называется?

– Это Айкуайвенчорр, «Гора, похожая на голову Божьей матери». По преданию из некоторых мест тундры очертания массива похожи на голову женщины...

Выбрав подходящий по размеру

и крутизне склон с достаточными по размеру камнями, Игорь Фёдорович выстраивает нас в шеренгу, встаёт перед нами со своей палкой, и начинает рассказывать, как управляться с нею. Рассказ, в общем-то, не длинный, если не сказать – совсем короткий. Правила простые:

1. Палка держится в двух руках так, чтобы одна рука оказалась примерно чуть выше её середины, а вторая – ближе к концу.

2. Палка всегда направлена так, чтобы быть выше человека по склону.

3. Палка всегда направлена так, чтобы при произвольном падении не попасть в голову, живот и прочие травмоопасные места тела.

4. При движении должно соблюдаться правило двух точек опоры. Ты опираешься либо на две ноги, и тогда переставляешь палку вперёд по ходу. Либо ты опираешься на одну ногу и палку, а вторая нога переносится вперёд, делая очередной шаг.

5. И главное: когда идёшь, не смотри на палку! Это как при езде на велосипеде – нельзя смотреть на переднее колесо – тут же потеряешь равновесие, и упадёшь.

Сказав всё это, Игорь Фёдорович повернулся к нам боком, и пошёл вперёд. Сначала медленно, показывая, как именно он выполняет все названные правила. Потом всё быстрее и быстрее, пока почти не побежал по камням на склоне. Сделав небольшой круг, он вернулся, и дал команду двигаться вперёд. Группа медленно и осторожно заковыляла по камням.

– Давай, давай, не робей! – подбадривал Попов.

– Игорь Фёдорович, а как же быть, ведь все камни лежат как попало?

Ногу-то как ставить?

– Ты иди, она сама скоро привыкнет, и поймёт, как ей надо на камень становиться.

– А если палка в дырку между камней попадёт? Я же равновесие потеряю, и упаду?

– Не бойся, дальше земли палка не упадёт, ты главное, на неё опирайся, доверяй ей, и тогда и сам не упадёшь.

По сути, на наши дурацкие вопросы Попов давал вполне конкретные

советы, которые, как мы быстро поняли, неплохо работали! Мы шли вперёд по камням, и никто не терял равновесия, и не падал. Чем дальше мы шли, тем увереннее у нас это получалось. Убедившись, что группа более или менее, перестала бояться камней под ногами, Игорь Фёдорович повёл нас «домой», в школу, где мы ночевали. Нам надо было подготовиться к завтрашнему началу пешеходной части нашего путешествия.

НАУКА УБЕЖДАТЬ

ИЛИ О ТОМ, КАК УЧЕНИКИ С УЧИТЕЛЕМ ДОГОВАРИВАТЬСЯ УЧИЛИСЬ

Почти все слышали о знаменитой книге Суворова «Наука побеждать». Поэтому я расскажу вам тут совсем про другую науку.

Не без приключений начинался первый ходовой день нашего летнего маршрута 1979 года. Рейсовым автобусом надо было проехать от центра Кировска до остановки «Камень», что расположена почти на середине пути от города до посёлка горняков «25-й километр». От «Камня» начиналась грунтовая дорога, ведущая в самом сердце Хибин – на перевал Кукисвум.

Автобус оказался слишком маленьким для нашей группы. Точнее, он был рассчитан только на перевозку местных жителей из города к местам работы, а какие-то там туристы из Москвы, да ещё со своими огромными рюкзаками, в его планы никак не вписывались. Наш опытный руководитель пытался учесть это обстоятельство, выдвинув группу к автобусу не в самый час пик, но это мало помогло. Пришлось делиться на две подгруппы и выезжать двумя рейсами с

интервалом примерно в 20–30 минут.

Собравшись на месте прибытия, мы вделись в рюкзаки, и пошли в сторону гор. Через полчаса пути слева показались розовые домики, и Попов повёл нас к ним. Это был Полярный альпийский ботанический сад, единственный подобный за Полярным кругом. Ботаникой я тогда ещё не интересовался [1], поэтому цветочки и лепесточки разглядывал без особого интереса. После недельного «болтания» с экскурсиями по разным городам, очень хотелось побыстрее окатиться в горах.

За ботаническим садом дорога сделала две петли серпантина и вышла на небольшой перегиб, с которого открылся великолепный вид на окружающие нас горы и крупное озеро в долине у их подножья. Девчонки радостно закричали: «Перевал!» – потому что уже точно знали, что на каждом перевале нам полагается по кусочку шоколада. Однако И.Ф. терпеливо разъяснил, что это всего лишь гребень конечной морены древнего ледника;

что дорога поднялась достаточно высоко, чтобы затем ровно, без лишних перепадов высот обойти озеро Малый Вудьявр, которое под нами, и уйти дальше в горы. И что сейчас мы начнём движение по дороге вокруг этого озера вон туда... Видите? Да, да, по большой дуге вон к тому склону.

И тут самые сообразительные из нас задали Игорю Фёдоровичу естественный вопрос: «Зачем идти так далеко в обход этого озера, если нам надо просто оказаться на другой его стороне? Ведь гораздо проще вот тут немного спуститься, вон по той ровной и совершенно плоской полянке пройти вдоль берега озера, и выйти ровно туда, куда нам и требуется? И что на всё это уйдёт примерно полчаса – сорок минут вместо двух часов обхода вокруг?» Вопросы звучали очень убедительно. Задавали их самые опытные члены детского состава группы. Среди них был и командир группы, Андрей, и завпит (завхоз) – Серёга. Тащиться вкругаля действительно не хотелось. Интересно было услышать ответ руководителя. Что он скажет на всё это?

– А что, давайте, попробуйте! – неожиданно для всех изрёк Игорь Фёдорович. – **Подождёте нас на той стороне, заодно и чай для группы вскипятите!**

Разрешение получено! Честно говоря, мало кто из ребят ожидал такого решения руководителя. Ведь раньше в наших походах никогда ещё не было ни возможности, ни необходимости такого разделения группы. А тут – руководитель доверил своим ученикам самостоятельно пройти часть пути без группы, и без взрослых! По настоящим горам! Это было круто! Хотя

слово такое тогда ещё не придумали, и не произносили, соответственно. Короче, все, кто уже считал себя почти взрослыми, захотели присоединиться к этой «команде наперерез». Но Игорь Фёдорович буквально упростил их остаться с группой, и пройти этот путь с нею. «Кто-то же должен будет помочь девочкам надевать рюкзаки после привалов», – прозорливо заметил он. Мы были вынуждены согласиться с такой логикой, хотя самостоятельно хотелось, конечно, больше.

Итак, передовой отряд из двух самых сильных и опытных учеников нашей группы, не дожидаясь конца положенного по времени привала, влезли в свои огромные рюкзаки, и быстро пошли вниз по склону, к озеру, срезая такой большой крюк, который предстояло сделать всем остальным. Попов посидел ещё немного на своём рюкзаке, что-то порассказывал оставшимся про горы, и минут через 15 повёл группу в обход, по дороге.

Идти было довольно трудно. Жаркий летний день. Тяжёлые рюкзаки первого ходового дня. Противные мелкие камни под ногами на дороге, которые больно давили на ступни даже через толстые подошвы наших ботинок. Кстати, и сами ботинки ещё были совсем новыми, не разношенными, только что купленными в Москве, на экспериментальной фабрике спортивной обуви, адрес которой наизусть знали тогда все туристы города и его окрестностей. Картину наших трудностей усиливали огромные КАМАЗы и Магирусы, с грохотом проносившиеся мимо нас, погружая всё вокруг в огромные облака пыли. Мы шли, и завидовали

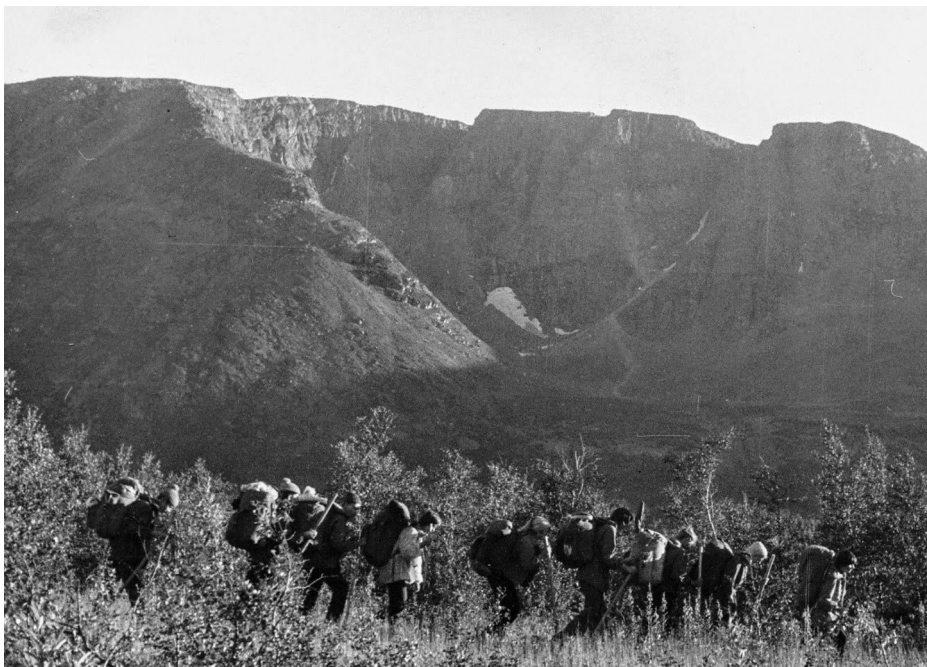

Фото 12. Хибины, район озера Малый Вудъявр (1979 г.). Группа подходит к месту встречи с «группой наперерез» в районе станции «Тизтта». На заднем плане – цирк Ганешина в массиве горы Вудъяврчорр

нашим друзьям, которые где-то внизу идут вдоль берега красивого озера, могут попить его воды и умыться. А ещё там, внизу, нет этих самосвалов, и пыли, которую они поднимают.

Наш путь вокруг озера, как и предполагалось, занял около полутора часов. После пары переходов и привалов мы, наконец, остановились на ровной площадке под горой, примерно в том месте, где договорились встретиться с «командой наперерез». Но их там, почему-то, не оказалось. Не подав виду, Игорь Фёдорович обратил наше внимание на невысокую стенку из белого силикатного кирпича, на которой была закреплена мемориальная табличка. Он рассказал нам, что на этом месте до войны суще-

ствовала и работала горная научная станция Академии наук СССР. Называлась эта станция «Тизтта». И её во время войны даже немцы не бомбили. Наверное, потому что планировали использовать в своих целях после захвата этих мест. Но дойти сюда фашистам не довелось. А Тизтта сгорела по недосмотру живших тут людей, от простого замыкания электропроводки. Восстанавливать после войны это здание не стали, но и забывать о нём – тоже нельзя. Такой большой вклад в отечественную науку внесли люди, которые здесь работали 45–50 лет назад (относительно 1979 года).

Пока нам всё это рассказывалось, мы непроизвольно ждали подхода снизу, от озера, наших товарищей. Но

их по-прежнему не было. Попов дал команду делать костёр, варить чай, и ждать. Прошло ещё около 40 минут. Мы допивали уже по второй кружке чая, а их всё не было, и не было. Народ, особенно девочки, начал волноваться. Может быть, что-то произошло? Они же должны были быть здесь намного раньше нас? А может они ждут нас в другом месте? Надо же что-то делать? Вопросов было много и только Попов проявлял относительное спокойствие, хотя и оно, скорее всего, было показным.

Наконец послышался страшный хруст кустов, и напролом через них на место нашего обеда вывалились оба наших туриста. Вид у них был, прямо скажем, интересный! Если коротко – оба «в мыле». Мокрые и выше пояса, от нагрузок и пота, и ниже – от воды под ногами.

– Игорь Фёдорович! Там такое!.. Такое!..

Последовал рассказ, изобилующий подробностями пути. Спуск с дороги прошёл у них быстро. Потом надо было пройти не очень широкую полосу кустарника, чтобы выйти на заранее просмотренную «полянку», по которой пролегалла основная часть намеченного пути. Кустарник оказался довольно цепким – криволезье из ивы с примесью других пород. Идти было непросто. Потом под ногами начало хлюпать – кусты росли почти в воде. А когда вышли на «полянку», оказалось, что это самое настоящее болото! Его пришлось обходить всё по тем же самым кустам. А дальше – серия мелких ручьёв. Каждый надо перейти вброд. Ничего, вроде бы, сложного... Но сколько их там было!? Они сбились со счёта. И кусты, кусты,

кусты... и везде – сплошная вода под ногами! Чёрт с ней, с водой! Комары там – с палец толщиной! И мошка – от неё даже накомарники не спасают! Рассказ завершился вполне ожидаемый вопрос наших героев:

– Игорь Фёдорович, почему Вы нам про всё это не сказали!? Вы же наверняка про это знали?!

Игорь Фёдорович спокойно дослушал все рассказы и вопросы, и невозмутимо ответил:

– Ну, вы же сами это предложили... Вот сказал бы я вам про всё это там, на той стороне... Разве же вы мне поверили бы? Хотели попробовать? Попробовали. Опыт теперь хороший имеете. Другим его передать можете. А вообще, в горах самая короткая дорога – знакомая. Та, которую вы уже знаете. Запомните это хорошенько. И ещё, «Тропа – народная мудрость. Умнее тропы не будешь». Мы вот по тропе (то есть – по дороге) пошли. А вы избрали другой путь. Выводы делайте сами.

Вроде бы и обидеться надо было бы за такой суровый урок. Но ведь чистую правду сказал наш ПИФ! Мы ведь действительно хотели срезать дорогу, и никакие уговоры на нас бы не подействовали. Любой руководитель имел право, и мог сказать, как отрезать: «Никакой вольницы, я отвечаю за вашу безопасность – вы должны делать так, как будет велено!» Любой, но не Игорь Фёдорович!

Да простят меня очевидцы тех событий за некоторую вольность описания и неточность ряда деталей. Написано всё так, как запомнил события автор этих строк. А кто помнит точнее – пусть расскажет лучше! Остальным, кто сегодня ничего не знает о роман-

тике походной жизни, я скажу словами учителя: «Туризм – наука, труд – необходимость, коллектив – сила». Так учил нас Игорь Фёдорович Попов. И всё это вместе – было нам преподано в 1979 году на озере Малый Вудъявр.

Урок оказался хорошим – на всю жизнь. Спасибо за науку!

Примечания:

[1] О моем интересе к ботанике рассказано в статье «Как я полюбил ботанику».

[2] Фото 1979 года. Хибины, район озера Малый Вудъявр. Группа подходит к месту встречи с «группой наперерез» в районе станции «Тиэтта». На заднем плане – цирк Ганешина в массиве горы Вудъяврчорр.

ЗЛОДЕЙ С ЧЕМОДАНОМ**О ТОМ, КАК ПЕДАГОГИКА ФИЗИКУ ПОБЕДИЛА**

По плану второго дня маршрута группа должна была пройти вверх по течению реки Поачйок, остановиться перед перевалом Рамзая, налегке совершить радиальный выход на вершину хребта Поачвумчорр, и, пройдя ущелье Рамзая, заночевать в верховьях реки Малая Белая. Обычный план обычного маршрута. Игорь Фёдорович Попов вёл группу по такому пути уже не в первый раз. От последних в долине зарослей кустарника, где мы ночевали, группа прошла вверх по долине около двух километров. Остановившись в том месте, где Поачйок принимает слева заметный сухой распадок, мы сбросили рюкзаки, и начали подъём на хребет. Склон, сначала не очень крутой, постепенно становился всё труднее и труднее. С непривычки было тяжело идти. Довольно крупные камни всё время покачивались под ногами, заставляя новичков терять равновесие. Попов обозвал эти камни «живыми», повеселив своих новобранцев, ещё не знавших, что это обычный походный термин. Из другого лексикона, запомнившегося именно в этот день, было ещё слово

«чемодан». Если дома мы применяли его к фанерному коричневому ящику с ручкой, заклёпками и замком, то у Попова «чемоданами» называлось практически всё, что имело большой вес, форму, близкую к прямоугольной (параллелепипед, то есть «кирпич») и, как правило, некоторую несуразность общего смысла. Под это определение попадали, например, наши рюкзаки. «Чемоданами» Попов называл также своих учеников мужского пола – в отличие от девочек, которые неизменно именовались юными или добрыми феями, в зависимости от ситуации. В тот день на Поачвумчорре слово «чемодан» стало устойчиво ассоциироваться у нас с крупными или очень крупными камнями на склоне.

После нескольких часов пути мы, наконец, вышли на вершину хребта, который оказался тут совершенно плоским, и довольно широким. Вид был потрясающим! Отвесные обрывы уходили у нас из-под ног далеко вниз. Во все стороны расходились крупные долины горных рек. За долинами поднимались следующие, и ещё более далёкие хребты. Каждый из них имел

Фото 13. Группа «Горизонт» на вершине плато Поачвумчорр (август 1979 г.)

свой собственный облик и неповторимые очертания. Объёмность панорамы была подчеркнута сизой дымкой, которая усиливалась по мере перевода взгляда на всё более далёкие горы. А горизонт был от нас не менее чем в 100 километрах! Конечно же, такие расстояния мы ещё не могли оценить сами, поскольку не имели никакого опыта в этом отношении. Игорь Фёдорович рассказывал и рассказывал обо всём, что можно было увидеть и понять с этого места Хибинских Тундр. Благо, погода позволяла нам получить удовольствие от увиденного. Было довольно тепло и безветренно, хотя солнце пряталось за пеленой облаков.

Проведя на вершине не менее часа, мы двинулись в обратный путь. Окрылённые своими успехами, мы довольно быстро шли вниз, пока где-то на середине склона Игорь Фёдорович не остановил нас для привала. Место было не очень удобным с точки зрения отдыха, зато отсюда, с высоты,

всё ущелье Рамзая было как на ладони. Мы сидели на крупных камнях и наслаждались видами гор.

Наверное, мы сидели там слишком долго, потому что в голову кроме красоты природы начали лезть разные крамольные мысли. Одна из них не давала мне покоя ещё с самой вершины – от того места, где мы стояли над скальными обрывами. А что, если?..

– Игорь Фёдорович, а что, если большой камень поедет вниз по склону? – спросил я у руководителя.

Попов снисходительно улыбнулся, и пояснил, что несмотря на довольно большую крутизну склона (а в этом месте она составляла около 30 или чуть более градусов), камни лежат достаточно устойчиво.

– И всё-таки, – не унимался девятиклассник Вадик. – Если он поедет вниз – что будет?

Попов, кажется, немного задумался, и сказал, что если камень вдруг и поедет вниз, то очень недалеко, по-

скольку другие камни на склоне будут ему препятствием.

– А попробовать можно? – спросил я, и встал с «чемодана», на котором сидел во время разговора.

Игорь Фёдорович посмотрел на ситуацию снизу, вероятно оценивая расстояние до меня и других членов группы. Группа была в явной безопасности, потому что все сидели где-то недалеко от меня, сбоку или чуть выше по склону. Сам Попов оказался ниже, поскольку шёл в «походном

– Ну, попробуй, всё равно он слишком тяжёлый, и ты его не сдвинешь.

Игорь Фёдорович всегда и всё разрешал в походах своим ученикам. По крайней мере, нам тогда именно так и казалось. 25-летний туристский опыт руководителя, и разнообразные походные ситуации, которые он за эти годы успешно преодолел, давали ему право на подобные эксперименты. За такими ученическими экспериментами стоял не только огромный опыт педагога, но и точный расчёт, и вели-

Фото 14. Ущелье Рамзая. То самое место и тот самый момент (1979 г.), которые описаны в этой статье. И.Ф. Попов – второй слева. В. Шахнович – третий справа. Фото из архива автора статьи

строю» первым. Но до него было метра три-четыре вдоль склона. Оценив опытным глазом, что камень для Вадика слишком большой, и даже если и сможет сдвинуться с места, то не проедет и полуметра, руководитель дал мне своё «добро».

колепное чутьё старого таёжника.

Я начал толкать камень, на котором сидел, вниз. Он не поддавался – был слишком тяжёлым для хилого девятиклассника. Ко мне на помощь подскочил кто-то из мальчишек, но и вдвоём у нас не хватило сил. Внизу сидел

Игорь Фёдорович, и мило улыбался... куда-то в сторону ущелья Рамзая, почти не глядя на нас.

Не учёл Игорь Фёдорович только одного. Вадик, которому было позволено сбросить вниз этот «чемодан» очень любил физику, и хотел быть учёным во взрослой жизни. А поэтому хорошо помнил все уроки и законы этой науки. Когда сил на перемещение камня не хватило, он, не задумываясь, схватил первое, что попало под руку – то есть свой новенький альпеншток – засунул его под камень, нажал, и... «Чемодан» поехал вниз! Это был восторг! ...который через полсекунды сменился ужасом! Под камнем оказалась наклонная скальная плита, а других столь же крупных камней ниже не было. «Чемодан» начал набирать скорость прямо на сидящего внизу Попова...

Это я тут так долго всё описываю. На самом деле, всё произошло за одну-две секунды. То ли чутьём, то ли по звуку движущегося камня, то ли на характерный запах «серы» среагировал наш Игорь Фёдорович – не знаю. Но вид был и смешной, и страшный одновременно.

– Мать-мать-мать... – вполголо-са забормотал Попов, одновременно приняв позу краба: из положения сидя, не вставая, на двух неестественно выгнутых назад руках и ногах, полулёжа параллельно склону, быстро-быстро перемещаясь куда-то вбок, засеменял он из-под линии движения «чемодана». Кстати, текст, который произнёс

руководитель – это дословная цитата без замен и сокращений. Профессионализм был на высоте даже в этой детали его поведения.

Камень прогремел несколько метров через место, где только что сидел Игорь Фёдорович, и застрял возле следующего «чемодана».

– Ну ты это!.. Хотя бы «Камень!» крикнул бы!? В горах, когда камень

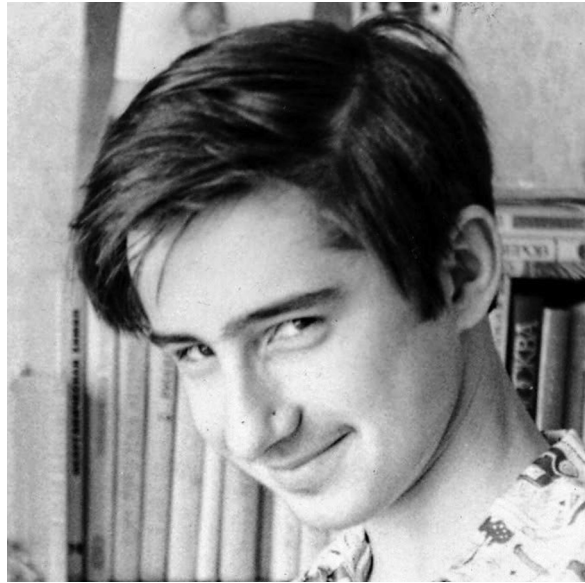

Фото 15. Девятиклассник Вадик Шахнович (1979)

падает, первый, кто это обнаружит, должен громко закричать это слово!

Нет, ну вы понимаете, что произошло? Я только что чуть не пришиб своего учителя, а он меня даже не отругал! Он меня начал учить, что и как надо делать в экстремальной ситуации.

Под впечатлением от произошедшего прошёл остаток дня. Мы успешно спустились на дно долины к нашим рюкзакам. Затем прошли ущельем Рамзая в долину Малой Белой. Всё это было лишь слабым фоном к исто-

рии с «чемоданом».

Прошло много лет. Никогда больше я не кидал в горах камни (совсем мелкие, размером с орех, не в счёт). И ученикам своим не разрешал. Всякий раз рассказывал им эту историю.

Сейчас, когда я пишу эти строки, я знаю, что обо всём рассказанном мог сказать (но так ни разу и не сказал мне) Игорь Фёдорович. Вот его слова, записанные в одном из педагогических дневников:

**«Шахнович Вадик – злодей, что спу-
скал на меня кирпичи на Рамзае –
все свидетели! и другие 18 чел.»**

И я точно знаю, что, когда он записывал эти 16 слов, в уголках его глаз пряталась хитрая улыбка. А учёным-физиком я так и не стал. Ровно через год после этого происшествия я поступил на физический факультет Московского государственного педагогического института имени Ленина.

ГОРИ, ЗОНТ!

ИЛИ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МЕТОДИКИ ПИТАНИЯ В ПОЕЗДЕ

Вот верно говорят, что «Как вы лодку назовёте – так она и поплывёт»!

Знаменитый туристский примус «Шмель» знали все, кто ходил в спортивные походы в 1970–1990-х годах. Наше поколение пришло в туризм в 1978 году и застало ещё первую его модель, так называемый «Шмель-1». Его выпускали с 1969 года. Правда, в 1975 году провели изменение соответствующих стандартов и технических условий, так что мы видели уже обновлённый вариант первого «Шмеля».

Примус был очень хорошим, достаточно сказать, что найденные в старых гаражах через 40 лет экземпляры этого примуса «заводятся» сразу, и почти без техобслуживания. А тогда, в 1979 году, купить такой примус в Москве было практически невозможно. Большое количество спортивных групп и недостаточные для города квоты приводили к тому, что появившиеся в магазинах очередные партии «Шме-

лей» раскупались буквально за полчаса. Однако, как я уже говорил в рассказе про Кировск, в каждом городе, где начинался или заканчивался наш маршрут, мы посещали книжные, хозяйственные и спортивные магазины и непременно обзаводились дефицитным для Москвы и очень нужным товаром. Не исключением стал и поход группы «Горизонт» Игоря Фёдоровича Попова на Кольский полуостров в августе 1979 года. При посещении Мурманска наша группа скупилась в одном из магазинов весь бывший в наличии запас «Шмелей» и потащила их с собой в Хибины.

Приключения начались ещё до выхода группы на маршрут в горы. После прибытия из Мурманска в Апатиты, прямо на привокзальной площади, новоявленные владельцы «Шмелей» решили испытать их в деле. Опыта работы с такими штуками ни у кого ещё не было, поэтому всё закончилось тем, что бензина в бачок при-

муса было налито не 2/3 объёма, как положено, а больше. Бензин разлился вокруг экспериментаторов и, в конечном итоге, загорелся. Поскольку всё происходило без взрослых, народ испугался, но не растерялся. В дело пошла почти новая штормовка, которую Серёга Мирский выпросил для похода у своего старшего брата (тоже, кстати, ученика Игоря Фёдоровича). Пожар тушили по науке: бензину надо перекрывать доступ кислорода, и брезент для этого – лучший материал. Если он мокрый, и его много. А это условие штормовка Мирского никак не выдерживала. Поэтому ребята размахивали ею не очень профессионально, что привело к тому, что от штормовки осталась, по большому счёту, одна большая дырка. Хорошо ещё, что дело было на бетонных плитах мало-

людной площадки за зданием вокзала. Пострадавших не было, а ущерб был нанесён только имуществу старшего брата нашего товарища. Возможно, именно поэтому Попов не сразу появился на перроне, чтобы встретить меня в Апатитах (см. рассказ «Семеро одного ждут» в этом же номере журнала).

Второй ночлег на маршруте был после перевала Рамзая – на моренных валах в верховьях реки Малой Белой. Нас окружали великолепные пейзажи. Совсем рядом была гора Петрелиуса с обрывистыми склонами и два её перевала: Восточный и Западный. Особенно красив был Восточный Петрелиус, про который Игорь Фёдорович рассказывал нам, что зимой на этом перевальном склоне образуется большой снежный карниз, который создаёт

Фото 16. Хибинь. Лагерь группы «Горизонт» под перевалом Восточный Петрелиус. Август 1979 г.

серьёзное препятствие на пути групп, идущих на перевал. Этот же карниз многократно увеличивает лавинную опасность и повышает зимнюю категоричность перевала с летней 1А до зимней 1Б.

На морене, которую Игорь Фёдорович выбрал для ночлега, было множество ровных и очень мягких площадок, отдалённо напоминавших поверхность плюшевого дивана в какой-нибудь городской квартире. У нас возникло естественное желание ставить палатки именно на этих мягких «подушках». Но Попов остановил нас словами: «Никогда не ставьте свои палатки на таких местах! Это – солифлюксия. Поставите на этой штуке палатки – утром проснётесь в луже». Для пущей убедительности Игорь Фёдорович залез ногами на одну из таких площадок, и начал прыгать на ней, топая ногами так, как будто танцевал какой-то непонятный танец. Иногда казалось, что его движения напоминают увиденные нами в Молдавии на винных заводах движения виноделов, которые ногами давят виноград, превращая его в сок. Через пару минут подобного «танца» всем стало очевидно, что поверхность солифлюксии размягчилась, превратилась в тестоподобную массу и вся пропиталась водой. «Видите? – удовлетворённо воскликнул Попов. – Мёрзлый грунт под ней начал оттаивать и потёк». Желание лежать на мягкой солифлюксии сняло, как рукой. Пошли искать другие ровные площадки и расчищать их от камней. Палатки «серебрянки» поставили достаточно плотно не только из-за отсутствия удобных мест, но и из-за начавшегося ухудшения погоды. Набежала облачность, начал усили-

ваться ветер, северное лето было довольно холодным, особенно ночью.

Утром группа еле шевелилась. Начали сказываться непривычно высокие физические нагрузки первых двух ходовых дней и холодное утро. Самые сильные духом вылезли собирать рюкзаки. Дежурные пошли к ближайшему озеру за водой для завтрака. Сергей Дьячков – здоровяк, наш гитарист и душа всей группы, приступил к подготовке примусов для кипячения воды. Он залил в бачок примуса бензин, закрутил насос, прогрел, как положено горелку и зажёл примус. «Шмель» ровно загудел и выдал над рассекателем горелки ровные и совершенно одинаковые голубые язычки. Мне всегда нравился этот цвет горящего пламени примуса не только за его чистоту и неповторимость, но и за то тепло, что он давал всем нам в холодном Заполярье.

Сергей повернулся к примусу боком, и начал что-то резать на кухонной фанерке, служившей нам и разделочной доской, и поддувалом для костра (при наличии), и защитой от ветра, если это понадобится для примуса. Сам примус, на который уже были установлены наши котелки, кстати, основательно разогрелся и начал нагревать воду. Я был метрах в 15–20 от кухни, и собирал свой рюкзак.

Дальше произошло следующее. Разогретый примус сработал, как настоящий огнемёт! Как показало позже проведённое нами «расследование», второй дежурный тоже решил заправить примус, ещё не зная, что это уже сделано. Он открутил насос, но не до конца – что-то его отвлекло, и он отошёл от кухни. Сергей, зная, что там всё уже в порядке, просто зажёл под-

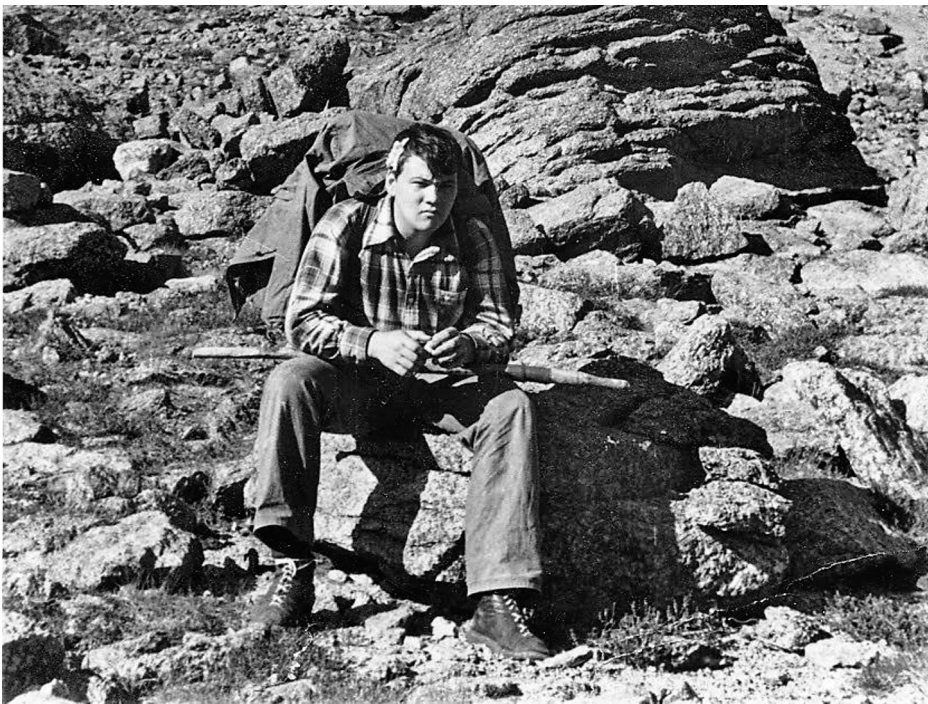

Фото 17. Сергей Дьячков через несколько дней после происшествия. Шапочки Гиппократы уже нет, но рана на голове ещё заклеена. Август 1979 г.

готовленный им примус и поставил на него воду. Внутри примуса был и бензин, и давление в бачке. Только насос в бачке был закручен не на всю длину резьбы (около 5–7 полных оборотов), а всего на 1–2 витка, если не меньше. Выросшее от нагрева давление сорвало эти полтора витка резьбы, и вытолкнуло насос как пробку вместе с парами разогретого бензина под давлением. Огнемёт попал точно в ближайшего человека, в дежурного – Сергея Дьячкова.

Сергей был полностью одет для выхода на маршрут. На нём был новенький самодельный ветрозащитный анорак из белого парашютного капрона. Огненная струя моментально воспламенила капрон. Горящий факел на

правом боку Серёжки пылал в полный рост, а сам Сергей от неожиданности, жара и всего остального начал размахивать руками и бегать между палаток, пытаясь сбить пламя.

Слава Богу, что рядом была вся группа и оба руководителя. Несколько человек бросились догонять факел, чтобы потушить его. Факел догнать было не очень просто, пока кто-то не сообразил подставить ему подножку. Серёга упал, на него навалилось сразу несколько человек с брезентовыми штормовками, которые быстро сбили пламя.

Немного очухавшись от стресса, начали подсчитывать потери. Оказалось, что Серёга не получил ожогов даже первой степени. Наверное, так

быстро бежал, что весь жар оставался сзади. Зато в пылу погони, при падении, он упал головой на камни и «пробил» себе череп. Кровеносных сосудов там вроде бы немного, но правая сторона головы была вся окровавленная. А ещё было страшно: чем всё это закончится? Сгоревшая анорак в этой ситуации в счёт уже не шла.

За дело взялись взрослые. Игорь Фёдорович осмотрел пострадавшего, задал ему какие-то вопросы, убедился, что человек что-то соображает и заключил: «Жить будет. До свадьбы – заживёт!» Галина Николаевна остановила кровотечение, продезинфицировала рану и наложила на голову повязку, какую я раньше никогда не видывал. «Вот тебе шапочка Гиппократ! Теперь голова мёрзнуть не будет» – сказала она потерпевшему. Притихшие и напуганные, мы ходили вокруг, стараясь помочь, кто как может. Ну, или, по крайней мере, не мешать.

Выход на маршрут, естественно, в этот день был отменён. Мы остались в лагере под Петрелиусом на незапланированную днёвку, чтобы убедиться, что у пострадавшего не будет симптомов сильного сотрясения мозга. Всё же, возвращаться назад к людям через один перевал проще, чем через два.

Урок, однако, усвоен был не всеми, и не до конца. Возвращаясь с Кольского назад в Москву, мы экономили на поездном питании. То есть, в вагон-ресторан не ходили. Однако жить всухомятку в группах Попова было не принято. Он разработал и всегда успешно реализовывал план, который обеспечивал группу нормальной горячей едой, при соблюдении всех норм безопасности, и одновременно

без помощи поездной бригады. Мы заранее изучали график движения поезда и находили там длительную остановку, максимально близкую к нужному нам времени приёма пищи. К этой остановке у дежурных уже всё должно было быть готово: чистая вода в кане, пакетики с супом или кашей, и самое главное – наши походные примуса. Дежурные выходили на перрон. Им всегда кто-то помогал, потому что успеть всё сделать вдвоём было просто невозможно. Где-нибудь в створке, чтобы не шокировать встречающих и провожающих, дежурные быстро раскопегаривали примус, ставили на него кан с водой и засыпали туда наши концентраты. Воду, кстати, почти всегда брали горячей, из вагонного титана – чтобы сэкономить не столько бензин, сколько драгоценное время стоянки. Всего за 10 минут при такой схеме действий можно было сварить «первое» или «второе». Оставалось только всю эту кухню собрать, и аккуратно занести в стоящий вагон, пока его не трясёт при движении.

Такая схема работала «железно». Как правило, группа успевала даже съесть свой обед, пока поезд ещё не тронулся. Но на этот раз что-то пошло не так. То ли дежурные «проспали» нужную станцию. То ли есть всем захотелось вне расписания. Или вместо обычного пассажирского поезда мы сели на «скорый», все стоянки которого были сокращены до предела. Сейчас это уже не важно. Двое наших дежурных – командир группы, бойкий и активный Андрей Разговоров и очень скромная, застенчивая Гелена Сиганевич, а ещё приданный им в помощь Сергей Дьячков – начали делать обед прямо в тамбуре движущегося вагона

Фото 18. Группа «Горизонт» на станции Полярный Круг Октябрьской ж.д. (август 1979 г.) Слева направо: Галина Николаевна Цыбренко, Галя Улова, Жанна Цыбренко, Андрей Разговоров, Оля Сапрунова, Сергей Мирский, Елена Сиганевич, ?, Марина Шленцова, Таня Нахутина, ?, Женя Серков, Сергей Дьячков

скорого поезда «Мурманск – Москва». Всё как обычно: примус «Шмель», котелок с водой, и какая-то каша, кажется гречневая. Примус жужжит, вода булькает, каша начинает издавать аромат на весь вагон.

Судя по всему, именно запах каши и привлёк внимание наших проводников. Источник запаха явно находился в пределах подведомственной им территории, то есть там, где его быть не должно! Проводник заглядывает в тамбур, видит открытый огонь в вагоне движущегося поезда, да ещё сверху – неустойчивая пирамида из закопчённого походного котелка с кипятком и гречневой кашей. Я думаю, что если бы проводник был предпенсионного возраста, то его прямо на месте «хватил бы Кондратий».

Наша проводница была средних

лет, поэтому с Кондратием она на этот раз не встретилась, зато закричала «благим матом» текст примерно следующего содержания:

– Вы что, с ума сошли!? Это же опасно! Это нарушение всех правил пожарной безопасности и железнодорожных перевозок! Немедленно всё потушить и убрать! Где, вообще, ваши руководители? Куда они смотрят?

И она побежала искать наших руководителей. Игорь Фёдорович сидел с нами в купе и что-то рассказывал. Врывается проводница. За ней – наши дежурные, которые уже успели всё погасить, собрать, и затащить в вагон...

– Как вы могли такое придумать!? – продолжила кричать проводница. – Я вам сейчас такой штраф выпишу! Вы вообще, знаете, что тут всё из пластика и из дерева? Вы вообще, знаете,

что вагон вместе с проводниками полностью сгорает всего за две минуты?!

И тут наша бесконечно скромная и застенчивая Гелена, с непреходящим румянцем на щеках, своим мягким и очень нежным голосом произносит:

– Скажите, пожалуйста, а **БЕЗ проводников он за сколько минут сгорает?**

С диким криком: «А-а-а-а!..» – проводница выскочила из купе и убежала в неизвестном направлении. Скорее всего, побежала жаловаться на нас бригадиру поезда.

Не теряя драгоценного времени, Попов произнёс:

– Быстро убрать все следы нашей кухни! И чтобы бензином нигде не вомяло!

Дежурные засуетились, и побежали куда-то прятать следы преступления, видимо ещё не осознавая, что скоро предстоит знакомство с начальником поездной бригады.

Буквально через минуту Попов что-то сообразил и вышел из купе. Я направился за ним. Фёдыч дошёл до конца вагона, заглянул в тамбур – никого. Возвращаясь мимо туалета, он что-то почувствовал, стукнул в дверь, и сказал:

– Ну-ка, откройте!

Дверь открылась, и перед нами предстало зрелище: Андрюха с Серёгой (вы ещё не забыли? Да, да, тот самый, который горел у нас под Петрелиусом!) сливают прямо в унитаз остатки бензина! Ох, как интересно высказался Игорь Фёдорович, бывший, кстати, в молодости железнодорожным электриком и прекрасно разбиравшимся во всей этой технике на колёсах! Точную цитату воспроизвести уже не смогу, но смысл был такой: «Ну, вы, блин, даёте! Там же под днищем вагона везде искры сыплотся! Ща как полыхнёт... мать вашу!..»

Короче, разговор с бригадиром в тот вечер был у Попова долгим. Не знаю, чем всё это для него закончилось, но в Москву мы приехали в целости и сохранности. И родители наши, вроде, никакие штрафы не платили.

С примусами мы ходили по тундре и горам ещё лет 10–15 после этой истории, пока на смену им не пришли современные газовые горелки. Но Попов уже к следующему походу где-то нашёл и доработал методику приготовления горячей пищи в поезде без использования примусов и тому подобных нагревательных приборов. Повествование об этом читайте в следующих рассказах.

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ПЕРЕВАЛ

ИЛИ О НЕПРОСТЫХ ОТВЕТАХ НА ПРОСТЫЕ ВОПРОСЫ

В 1979 году мы ещё не знали, что уже четверть века Игорь Фёдорович Попов работает учителем физического воспитания в школах, а в 1969 году из-за любви к туризму вынужден был окончить дополнительно ещё и

географический факультет пединститута со специализацией для себя (то есть для успешной работы в туризме) «четвертичная геология или геоморфология склонов». Наука эта изучает различные формы рельефа и причины

возникновения лавин, камнепадов, селей, солифлюкций, ледопадов, наводнений и других опасных природных явлений. Но умение нашего учителя без запинки произносить словосочетания вроде «флювио-гляциальная моренно-эрозионная гряда» – всегда производило должный эффект и воспринималось как высший профессионализм в деле географического образования школьников. Ну, то есть нас, балбесов и разгильдяев.

Поэтому, когда после рассказов о тектоническом разломе перевала Рамзая мы наслушались от него про всякие солифлюкции, моренные валы и озера между ними, сомнений уже не возникало – этого человека надо испытать на прочность, и найти всё-таки такой вопрос, на который он не знает ответа!

– Игорь Фёдорович, а это что? – спрашивали мы.

– А это, деточки, контрфорс – выпуклая форма рельефа...

– А вот это?

– Бергшрунд, через который вам ещё придётся лазить где-нибудь на Алтае...

И так далее, и тому подобное – эти «вопрос-ответ» могли продолжаться бесконечно долго. Казалось, что на каждый наш вопрос ответ был заготовлен заранее. Он знал про всё, о чем мы его спрашивали.

За вторым нашим перевалом – Западным Петрелиусом – лежало великолепное горное озеро. Увидев его с высоты нескольких сотен метров, я буквально онемел от потрясающей красоты цвета воды в нём. Этому цвету я не могу подобрать аналога уже почти 40 лет, хотя за прошедшие годы преодолено ногами множество пеше-

ходных маршрутов в самых разных горных районах нашей родины: от Хибин и Кавказа – до Южной Якутии и Камчатки. Синий и зелёный – вот две основных составляющих, соединившихся в этом цвете. Но какая глубина была у него! Какие необычайные переливы от синего к зелёному, какие фантастические оттенки, недоступные для воспроизведения! Потеряв всякую надежду найти такой цвет где-либо в других горах, в 2014 году я с друзьями вернулся на это озеро. Оно снова было великолепно, его талая снеговая вода была прозрачна на всю глубину; между прочим, весьма немалую – вряд ли меньше, чем два три десятка метров. Но того цвета, который я увидел в своём детстве, и который вёл меня за собой во всё новые и новые путешествия, уже не было. Разумом я понимаю, что так удачно тогда сложилась комбинация факторов: и освещение, и прозрачность воды, и угол зрения, и температурная составляющая, благодаря которой в озере, скорее всего, развилась определенная микрофлора (одноклеточные водоросли). Но сердце хочет верить, что это был цвет моей детской мечты, которая ведёт меня по жизни все эти годы. **«Цвет небесный, синий цвет, полюбил я с малых лет. С детства цвет сей означал синеву иных начал»...** [1]

Как бы то ни было, мы продолжали наш маршрут по Хибинам. Учитывая потери предыдущего дня и «дырку» в голове нашего товарища, Попов уверенно вёл группу вниз по долине ручья Петрелиуса. Серёжка, как пострадавший за благо группы, был сильно разгружен и шёл на самом лёгком месте в походной колонне – вторым,

вслед за руководителем. Попов периодически, не снижая темпа, поворачивал голову назад, и проверял, всё ли у него в порядке? В нашей группе не принято было разрывать походный строй. Фёдыч учил нас, что если самые сильные убегут вперёд, то более слабым идти будет намного труднее. Потому что помимо чисто физических нагрузок при движении по камням или по тропе, им придётся ещё выбирать линию движения, способ перехода через препятствия и многое другое, что грамотно и безопасно может выбрать только опытный член команды.

Так мы подошли к нашему следующему перевалу – Южному Чорргору. Руководитель оценил обстановку в группе и решил проходить перевал в тот же день, невзирая на то, что время уже перевалило за семь вечера.

Два перевала за день – это для нас, новичков, было сложно. Но руководитель много раз рассказывал нам, что так часто делают наиболее подготовленные спортивные группы. Сравнение нас с такими группами окрыляло и добавляло новых сил. Мы полезли вверх с удвоенной энергией, не замечая усталости и неумолимо наступающей ночи. «А ночью, между прочим, комаров в тундре меньше и идётся поэтому легче», – заявил ПИФ, рассказав, что все предыдущие походы старался передвигаться здесь именно ночью.

На Южный Чорргор мы залезли около полуночи. Было светло почти как днём, и только «отстегивающиеся» от усталости ноги мешали наслаждаться открывшимися с высоты видами. Кое-как спустились по крупному курумнику вниз, к озеру, и на

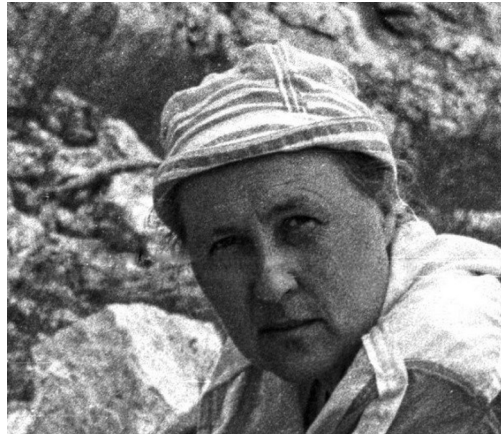

Фото 19. Галина Николаевна Цыбренко

зеленой наклонной площадке встали недалеко от его берега.

Ближе к 10 утра я начал шевелиться от неудобной позы: спали мы вниз головой по склону. Попов часто рассказывал, что спать лучше так, чтобы ноги были чуть-чуть приподнятыми относительно головы. Так кровь будет оттекать от уставших конечностей и организм лучше отдохнёт. Я верил, но не очень, и тем не менее – пробовал. На этот раз, наверное, склон оказался слишком наклонённым к голове, да и камни под спиной не давали устроиться в палатке поудобнее. После вчерашних подвигов всё болело. Я выполз наружу, и увидел недалёко от наших палаток Галину Николаевну [2], которая завершала расчёсывание волос и их укладку на голове. Оказалось, что тот маленький пучок, который я привык видеть у неё на голове – на самом деле является огромной и необыкновенно длинной косой буквально до колен! Как ей удавалось справляться с этим великолепием в походных условиях, да ещё делать это незаметно

Фото 20. Лагерь группы «Горизонт» под пер. Ю. Чорргор, август 1979 года

для группы – остаётся загадкой и по сей день. Женская красота – огромный труд.

Я оглянулся. Прямо передо мной лежал красавец Южный Чорргор. Он не был похож на предыдущие наши перевалы. Геометрически почти идеальная парабола заканчивалась по бокам скальными выходами, а внизу подпиралась нагромождением крупных скальных обломков, через которые мы вчера пролезали, когда спускались к месту ночлега. Игорь Фёдорович, не вылезая из палатки, высунул голову под марлевый полог, защищавший его «домик» от комаров, и издали наблюдал за происходящим в лагере. Любил он поставить свою командирскую палатку немного на отшибе, чтобы шум в лагере не мешал ни его отдыху, ни его работе. Да и приглядывать за сорванцами так было, конечно, намного удобнее.

– Игорь Фёдыч, а такой перевал как называется?

Попов, конечно, сразу понял, что речь идёт не об имени собственном этого перевала, а о его форме, очертаниях и происхождении – то, что в науке называется геоморфологией.

– Это классическая ледниковая

седловина; здесь когда-то был древний ледник, который спускался по обе стороны от хребта. Вот он и «пропахал» такую «дырку» в хребте, а мы её теперь используем как перевал.

Ведущий в тот день наш походный дневник, видимо, не до конца расслышал всё сказанное руководителем, и записал в блокнотик: «Классическая горная котловина», – непринужденно превратив выпуклую форму горного рельефа в вогнутую. Ну что возьмешь с «чайника»?

На следующий день мы спустились в долину ручья Меридиональный, а оттуда сделали несколько радиальных выходов на различные перевалы. Под горой Ферсмана Попов нашёл подходящий снежник и поучил нас глиссировать по его поверхности. Кататься в разгаре лета по снегу было весело.

– Игорь Фёдорович, а почему снег тут розовый? Его кто краской полил? – спросил самый внимательный из группы.

– А вы заметили, что он не просто розовый – он ещё и настоящими арбузами пахнет? – продолжал удивлять нас ПИФ.

– Ух ты, а давайте из арбузного снега мороженое сделаем? – тут же по-

следовало предложение туристских масс. – Вот у нас как раз и сгущёнка для этого есть!

Мороженое из сгущёнки и фирнового [3] снега, конечно, умеют делать все, кто бывал летом в похожих горах. Но Игорь Фёдорович без напора заметил, что сделать-то такое мороженое можно, но тех, кто его съест – «пронесёт». Потому что розовый цвет фирну придают не арбузы (откуда им тут быть-то?) а микроскопическая водоросль, приспособившаяся жить в таких непростых условиях. Видимо, чтобы мы не сильно расстраивались, Попов добавил: «Я сам раньше тоже ел такой розовый снег – бегаешь после него быстро, но не очень далеко – за ближайший поворот!» Мы посмеялись, и полезли на очередной перевал – Арсенева, или «Ложный Ферсман» как мы его тогда называли.

Перевал оказался высоким, крутым, и с противной мелкой сыпухой. Она всё время уезжала из-под ног, превращая усилия по подъёму на склон в какую-то непрерывную борьбу за высоту. Делаешь шаг вверх, а пока переносишь вторую ногу – сыпуха вместе с тобой сползает ровно на шаг вниз. Вспомнил сказку про Алису в Стране чудес: **«Приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте, а чтобы попасть в другое место, нужно бежать вдвое быстрее».**

Но самое странное было то, что характер этого перевала оказался непохож ни на один из предыдущих! Фактически мы вылезли на вершину хребта, от которого до соседней горы Ферсмана почти не пришлось набирать высоты. Когда мы вышли к обрывам этой одной из самых высоких

вершин Хибин, у меня, наконец, созрел вопрос:

– Игорь Фёдорович, а что такое – «перевал»? Ну, понятно, когда это Ущелье Рамзая или Южный Чорргор. Там действительно видно, что перед тобой перевал: слева горы, справа горы, перед тобой – «дырка» в хребте. Лезешь – и всё ясно. А тут-то, что мы видим? Никакой «дырки» в хребте! Вон, на другой стороне хребта тоже «дырка» есть (тектоническая трещина) – она же не перевал?

– Да как бы сказать... – немного замялся Игорь Фёдорович. – Где влезете – там и перевал! – Быстро нашёлся он.

Однако, такой ответ меня не удовлетворил, потому что под это «определение» подходило буквально что угодно, даже вершина горы, на которой мы стояли. Я сообразил, что, наконец, придумал вопрос, на который у нашего руководителя не нашлось ответа. И даже испытал некоторую гордость от этого. Впрочем, «доставать» Попова этим я не стал.

Мы спустились вниз, вернулись в лагерь, где остававшиеся там две девчонки-дежурные возбужденно рассказали нам, что в лагерь заходил настоящий медвежонок и слопал полпачки сахара, неосмотрительно оставленную кем-то у костра. Им бы испугаться, а они радовались: ещё не знали тогда, что без мамки в тайгу, или в горы, только туристы-школьники ходят. А медведица – наверняка где-то рядом своего малыша оберегала.

Мысль о перевалах и их разновидностях глубоко засела у меня в голове. Обдумывая её, я начал понимать, что этот августовский поход на Кольском стал для меня самым важным «перевалом» в жизни. Получалось так, что

Игорь Фёдорович Попов не просто взял и провёл меня по этим замечательным горам. За эти три недели на маршруте он сумел превратить меня из неуверенного, мало общительного и замкнутого мальчишки, которым была недовольна почти половина группы, включая всех её детских лидеров, в полноправного члена коллектива. Каждый вечер у костра или просто в палатке мы собирались в круг, и по очереди говорили о том, что понравилось или не понравилось в тот день. И про меня там рассказывали довольно много неприятного и, конечно, заслуженного. Например, так: «А вот он всё время самый последний из палатки вылезает! И ни с кем не общается! И вообще, самый умный, что ли?»

Наверное, я не смогу воспроизвести тут все претензии, которые

звучали в мой адрес. Но реально – я ощущал себя неким изгоем и внутренне ругал себя за то, что не смог и не захотел выехать как все нормальные люди – вместе с группой, с первого же дня путешествия. Они сдружились именно тогда, когда я прохлаждался где-то в Запорожье (см. рассказ «Семеро одного ждут» в этом же номере журнала).

Игорь Фёдорович дослушивал до конца такие разговоры, и, как бы между прочим, не споря и не возражая моим критикам, мягко замечал:

– А вы обращали внимание, что когда Вадик последним вылезает из палатки, он вытаскивает за собой полностью собранный рюкзак? И потом он не просто ждёт, когда вы все соберётесь – он помогает дежурным собирать кухню.

Фото 21. И.Ф. Попов высказывает замечания по отчету о походе в Хибины (сентябрь 1979 г.)

Казалось бы, мелочи я тут рассказываю? Но подростковое восприятие было совсем другим. Группа ругала меня довольно сильно, и почти на каждую претензию Игорь Фёдорович как-то «перпендикулярно» находил во мне что-то хорошее.

Группа: А ещё он посуду мыть не умеет!

ПИФ: А вы посмотрите, как хорошо он держит «горизонтальку», когда ведёт группу по склону! Сколько сил он вам всем сэкономил этим?

Наверное, нет смысла рассказывать все такие возражения Попова в защиту моей персоны. Но в итоге получилось так, что группа меня приняла как своего. Мы подружились со всеми, кто раньше «катил на меня бочку».

И уже в следующий осенний поход не Попов, а именно группа выбрала меня на самую престижную у нас должность – завхоза (главного по организации питания в походе). А ещё через поход – командиром группы. Я точно знаю, что Игорь Фёдорович не влиял на них в этом выборе. И когда на мой зимний день рождения пришли все, и устроили шикарное поздравление от всей души – я стал по-настоящему признанным другом. Спасибо им за это! Спасибо и Игорю Фёдоровичу, который провёл меня через этот «перевал» подросткового взросления.

А вопрос о том, что же такое перевал, я решал ещё лет двадцать после той истории. И однажды нашёл на него ответ, который был официально признан Туристским спортивным союзом России. В очередном перечне перевалов среднегорья (версия 2001 года) приведено такое определение этому понятию:

Перевалом в спортивном туризме называется **логичное для данного маршрута место перехода через водораздельную линию хребта**. Таким образом, в спортивном туризме перевал – это далеко не самое низкое и доступное место в гребне горного хребта или массива.

ТССР скромно указывает, что это определение найдено в интернете. Открою небольшой секрет: когда я впервые сформулировал его для русской Википедии, мне не хотелось делать это под своей настоящей фамилией. И тогда вместо собственного имени я, как автор, указал технический адрес (IP) своего домашнего компьютера. За прошедшие с того времени почти 20 лет никто пока не смог лучше рассказать про наши спортивные перевалы.

И только я сам не забываю вспомнить, что это – формула перевала «по Попову»! Помните его слова: **«Куда залезете – там и перевал!»** Не было, всё-таки, вопроса, на который он не знал ответа. Такая вот история.

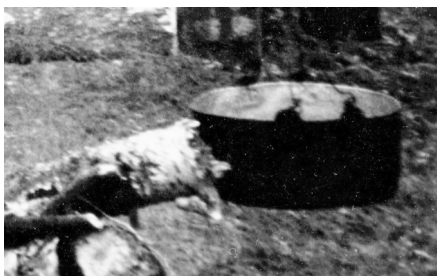
Примечания:

- [1] Строка из песни Булата Окуджавы.
- [2] Галина Николаевна Цыбренко – второй руководитель в нашей группе.
- [3] Фирн – особая форма многократно перекристаллизованного горного снега, состоящая из мелких ледяных шариков.

Использованы фотографии из личных архивов И.Ф. Попова, Г.Н. Цыбренко, Н.А. Васюнина и В.И. Шахновича.

СТОЛЬКО НЕ ЖИВУТ ИЛИ НЕОБЫЧНЫЙ РАССКАЗ ПРО ОБЫЧНУЮ КАСТРЮЛЮ

Готовлю я, значит, материал для книги об Игоре Фёдоровиче. Всё как обычно – сотни и тысячи давно известных, или наоборот – очень редких фотографий. Сканирую, сканирую, сканирую, и вдруг, ловлю себя на мысли, что на фотографии примерно 2000 года вижу своего старого друга! Так-так, думаю, увеличиваю... Точно, он самый! (Фото 22)

*Фото 22. Плоская походная
кастрюля (ок. 2000 г.)*

Быстренько перебираю уже отсканированные кадры, откручиваю «фотоленту» назад... ну где же он? Вот, точно: Тянь-Шань, 1983 год, ещё чистенький... (Фото 23). Если ещё чуть-чуть покопаться в фотографиях, должен найтись портрет этого моего старого друга ещё и на Полярном Ура-

*Фото 23. Плоская походная
кастрюля (1983 г.)*

ле, в 1981 году. Потому что именно летом 1981 года мне, студенту первого курса педагогического института, Игорь Фёдорович сказал примерно так: «Вот ходим мы с тобой Вадик, в походы с овальными канами. Всем они хороши: и лёгкие, и компактные, и складываются друг в друга. И крышки у них универсальные – как сковородки можно использовать. Грибочки поджарить в середине маршрута, или что-то в этом роде... Только вот на примуса ставить их опасно. Высокие они, а горелка на примусе – небольшая. Опорная площадка совсем крошечная. Да и сам примус тоже высокий. Пирамида из примуса и кана на нем совсем неустойчивая получается. Опасно это: и кипяток может на дежурных вылиться, да и горящий примус ронять – как-то всё время не хочется».

Обозначил, так сказать, мой учитель проблему, которая всем и без этого была очевидна. Начали обсуждать, как решить её? Мне, как студенту хоть и педагогического, но все-таки физического факультета, и без лишних рассказов было понятно: раз центр тяжести высоко, значит надо его ниже опускать. Но при этом и объём котелка сохранить требуется. То есть, нужно увеличивать ширину нашей походной ёмкости. Котелки-то наши, овальные которые, их советская промышленность выпускает уже готовыми. А тут – что-то нестандартное требуется сочинить. Не могу сказать, что всё изложенное было в разговоре «впервые в мире, под куполом цирка»... Однако,

сделаю небольшое «лирическое отступление».

Когда за три года до этого Попов повёл нас «первый раз в первый класс» – ну, то бишь, в первый наш с ним совместный туристский поход, котелков у нас вообще не было. Те, кто уже читал мой рассказ «Знакомство», знают эту историю. Попов в аварийном порядке заменял нашего штатного руководителя, который был вынужденно уволен из школы. Котелки в группе, насколько я помню, должны были быть именно его – личные. Остались мы без них, короче.

Попов, узнав о проблеме, тоже не мог помочь с важным снаряжением. До выхода на маршрут – меньше недели. Все, что можно было получить из нашего Дзержинского ДКШ [1] уже расписано по другим группам. Быстро купить правильные котелки в те годы – задача непосильная. И так в стране дефицит практически на все товары, а тут – современные и удобные котелки заводского исполнения. Расхватывали их как горячие пирожки в базарный день!

Выкрутился наш Попов быстро и достаточно просто. «У кого дома есть эмалированное ведро?» – спросил он у группы восьмиклассников. «Но только такое, чтобы не было на нём сколов и ржавчины – это опасно для здоровья, потому что мелкие кусочки отколовшейся эмали могут сработать внутри пищевода как острые ножи, и вызвать внутреннее кровотечение». Котелок, тьфу – ведро, нашёлся у нас дома. Мама моя – очень добрый человек, и уговаривать её долго не пришлось. Пошли в поход с эмалированным ведром (Фото 24).

Странно это всё было, смешно со

Фото 24. Эмалированное ведро вместо походного котелка (ок.1978 г.)

стороны, и неудобно на практике. Тащить ведро пришлось практически в руках. В рюкзак же не уберёшь? Неуклюжее оно, громоздкое, да ещё и круглое. Намучились с ним порядочно за две недели похода. Лично мне в том походе было стыдно перед «местными». Вон, идут какие-то придурки с мешками на спине, и с ведром в руке... А Игорь Фёдорович спокойно так, и уверенно, в ответ на эти «хи-хи», да «ха-ха», говорил: «Ну и что такого? Мы лет 20 назад только так в походы и ходили! И ничего, справились как-то... Постепенно и ваша группа наживёт себе правильное походное снаряжение». Умел ведь сказать! Спасибо ему за это.

Кстати, в 1960-е годы, когда овальные котелки специально для туристов наша промышленность ещё не выпускала, Попов придумал (или подсмотрел у кого-то) использовать для варки походной еды обычные консервные банки! Да-да, в которых томатную пасту продавали. Или другую какую-нибудь не очень дорогую продукцию. Были тогда, знаете ли, такие большие семилитровые консервные банки. Обычным консервным ножом отрезаешь у них донышко, пробива-

Фото 25. Использование больших консервных банок вместо походных котелков (около 1969 г.)

есть две дырки для ручки из проволоки – готовый котелок! Лёгкий, и совершенно бесплатный. И менять его можно хоть каждый поход, если вдруг прохудится или защитное покрытие прогорело (Фото 25).

Консервные банки как посуда – вообще одна из любимых тем Попова была. Почти все 1980-е годы мы вместо мисок брали в поход консервные банки из-под кильки. Их форма и размер идеально повторяли размер миски. А весила такая банка всего 80 граммов вместо 350, как у эмалированной миски. Советовал только нам Игорь Фёдорович вкладывать друг в друга две такие миски. Между ними тогда воздушный зазор образуется, и когда горячий суп в неё наливаешь – не так сильно обжигает руку. Просто и гениально. А ещё одинаковые миски всей группы можно было собрать в компактную упаковку, и убрать в тот же котелок – чтобы не мялись при переноске. И когда перекус сухой, или для других нужд дополнительные ёмкости нужны – количество мисок легко увеличивалось вдвое! Пока с запада не начали возить лёгкую титановую походную посуду – так и ходили мы с такой «кошатницей», как её мои

родители называли (у нас дома примерно из такой импровизированной миски кошка питалась).

А ещё Игорь Фёдорович активно рассказывал нам, как работают над облегчением веса рюкзаков в Тушинском клубе туристов. Там была сильная секция водного туризма, а у них, водников – катамараны, байдарки и прочее тяжёлое снаряжение. Всё на себе надо тащить, если поход сложный – пока сплав не начнётся. Вот и выворачивались они, как могли, на всём экономили. И про «кошатницы», скорее всего, тоже там додумались. Просто в то время у них Сергей Мочарный занимался, один из учеников Попова. Почему-то я уверен, что через него все эти придумки к нам и приходили. Больше всего поразила идея облегчать походные ложки. Казалось бы – мелочь! Однако «в походе и иголка тяжела», поэтому что они придумали? Пытались вместо прочных стальных брать деревянные ложки – ломаются. Заменяли на алюминиевые – гнутся, а потом все равно ломаются. Без ложки в походе трудно. Многие, помню, быстро учились вырезать себе ложку из подходящей баклуши, когда теряли важный элемент снаряжения. Так вот, тушинцы придумали облегчать прочные стальные ложки за счёт... Ни за что не догадаетесь! За счёт сверления в них дырок! Ну ладно дырки в «держале», это просто. Но они ведь сверлили также и «черпало»! А чтобы содержимое ложки не протекало, специально провели серию расчётов и экспериментов, чтобы подобрать правильный размер и форму дырок. Идея-то была в чём? Простая вода в походной ложке – редко бывает. А суп – он даже почти постный, походный,

всё равно некоторую жирность имеет. А у жирного супа – коэффициент поверхностного натяжения высокий. То есть, через небольшую дырку не прольётся. Надо только подобрать размер такой дырки. А уж кашу есть – можно даже палочками, тут ложка и её конструкция особо и не нужна. Такие вот «кулибины» были в туризме!

Однако, вернёмся к нашим баранам. Наверное, вся эта история с эмалированным ведром в первом походе крепко засела у меня в голове. Поэтому, при подготовке к летнему походу на Полярный Урал я с энтузиазмом взялся за решение задачи о повышении устойчивости кухонной пирамиды на примусе. Тогда мы с учителем просто обсуждали вслух требования к новому элементу походного быта, а сегодня я бы назвал это умным термином «техническое задание». И было оно таким:

1. Низкий центр тяжести.
2. Малый вес – не выше классических овальных канов.
3. Привычный объём, лучше даже – больше привычного: 7,5 и 5,5 литра минимум.
4. «Матрёшка» из двух, а лучше – трёх посудин; чтобы можно было сложить друг в друга и переносить в рюкзаке.
5. Крышки на каждую посудину.
6. ...

В общем, под это ТЗ идеально подходили простые алюминиевые кастрюли цилиндрической формы с большим диаметром и маленькой высотой. Широкие, то есть. С такими кастрюлями Попов экспериментировал в походах и раньше. Если внимательно присмотреться к фотографиям, можно, например, обнаружить их не-

далеко от горы Почепсуха на Западном Кавказе в ноябре 1979 года. Но были они все недолговечные и неудобные, поскольку не соответствовали самому трудному, последнему требованию нашего импровизированного ТЗ: кастрюли должны были уметь не только стоять на примусах, но и висеть на крючке, над костром. А вот с этим были сложности. Обычный кан имеет проволочную ручку, а за счёт высоты, которая больше, чем ширина кана, обеспечивает низкий центр тяжести в подвешенном состоянии. То есть – устойчивость всей конструкции при её подвешивании над костром. Это же свойство высокого котелка при установке на примус работает наоборот – не в плюс, а в минус, делая всю конструкцию неустойчивой. И наоборот, если сделать конструкцию, устойчивую для примуса, она окажется неустойчивой при подвешивании над костром. Кроме того, нашим плоским кастрюлям, которые мы уже успели закупить в магазине в количестве два комплекта по три штуки в каждом, требовалась ещё и удобная ручка типа той, что была на овальных канах.

Решение нашлось довольно быстро. Вместо одной ручки к каждой кастрюле было решено приделать пару – с тем расчётом, чтобы брать их в руку обе. Тогда у кастрюли не будет шансов перевернуться. Технически, решение помог реализовать мой отец. У себя на опытном военном производстве он попросил мужиков сделать пару десятков «железных» проушин, которые для пищевой безопасности покрыли каким-то «секретным» «космическим» покрытием. Мне оставалось только отпилить ножовкой алюминиевые заклёпки от штатных

Фото 26. Комбинированное использование канов и плоских кастрюль в группе «Горизонт»

ручек, и наклепать на кастрюли новые проушины. Да ещё пропустить через них стальной 3-мм тросик, да расклепать его через медную трубочку. Всех работ оказалось на пару часов, не считая, конечно, применённые «космические» технологии.

Проверку боем наши кастрюли выдержали успешно. Прошли двойку на Полярном Урале в августе. Потом лыжные Хибины, летнюю Адыгею, другие маршруты (Фото 26)...

Потом я ходил в походы уже без Игоря Фёдоровича, и судьба этих кастрюль разошлась с судьбой их изготовителя. И вот, через 37 лет, готовя книгу об Учителе, и сканируя фотографии из его архива, я нахожу эти кастрюли сначала в 1983 году, а затем и в 2001-м... Удачным, однако, оказался этот «девайс»! Ходил с ним Попов и

его ученики много лет, оказывается! Говорят, что кастрюли эти перешли «по наследству» к новым «горизонтникам», которые ходят с ними и сегодня. Или это уже совсем другие кастрюли?

Фото 27. Историческая кастрюля, или её «внучка» (2018 г.)

Только идея в них та же самая – поповская?

Да, кстати, второй набор кастрюль, который я купил, чтобы сделать походный набор посуды для себя лично, так и остался «городским жителем». Сначала он перекочевал за мной в другую квартиру, затем – переехал на дачу, потом на другую. И только по осени эти кастрюли вспоминают о своих «походных сёстрах», когда мы

начинаем варить в них грибы и прочую, почти походную, еду (фото 28).

Примечания:

[1] ДКШ – Дом комсомольца и школьника, один из видов организаций по внешкольной работе с молодёжью в СССР.

Фото– из личнх архивов И.Ф. Попова, Г.Н. Цыбренко, Л.А. Монич и В.И. Шахновича

Фото28. Плоская кастрюля, так и не ставшая «туристом» (2016 г.)

ПЕРФОКАРТЫ ИЛИ О ТОМ, КАК ПОПОВ УМЕЛ ВСЁ ЗАПОМИНАТЬ

В докомпьютерные времена, когда ещё не было ни мобильных, ни планшетов, ни ноутбуков... Ещё даже персональные компьютеры не избрели, были лишь огромные лампы-вы и транзисторные ЭВМ, программирование которых осуществлялось с использованием перфокарт, Игорь Фёдорович Попов вёл для себя почти настоящую базу данных!

Перфокарты можно было найти практически на любой помойке. Например, во дворе дома, где я жил в детстве, располагалось старинное здание, совсем недавно занятое каким-то ведомственным вычислительным центром. Они программировали свои компьютеры, а старые, ненужные или

ра! Даже монитор в вычислительных центрах был большой редкостью.

На этой помойке (правильнее её было бы называть временным складом хранения макулатуры) всегда валялось огромное количество разнообразных бумаг, словно пулями изрешечённых небольшими квадратными отверстиями. Если присмотреться и вдуматься, в них можно было бы найти какой-то порядок, и даже смысл. Но с точки зрения обывателя, это были просто совершенно одинаковые карточки из очень плотной бумаги, почти картона, испорченные зачем-то этими дырками. Причём обратная сторона перфокарт всегда была чистой. Многие брали такие карточки себе

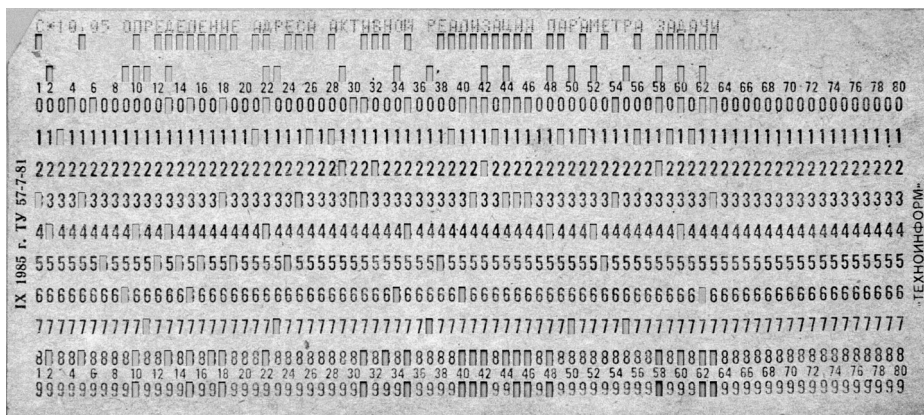

Фото 29. Обычная перфокарта с фрагментом компьютерной программы или других данных

ошибочные программы – выбрасывали на помойку. Да-да, «корзин» на «рабочем столе» тогда ещё не было, потому что не было ни «рабочего стола», ни самого персонального компьюте-

домой, для самых разных целей. Это было удобно и совершенно бесплатно.

Игорь Фёдорович использовал их для ведения записей о своих учениках. Он не покупал для этого класси-

ческий блокнот, записную или адресно-телефонную книгу с вырезанными по краям буквами алфавита, хотя они и казались тогда самыми приспособленными для этой задачи. Фёдыч записывал всё (или многое) из того, что он знал о своих учениках, именно на таких карточках.

На них широким размашистым почерком ПИФа можно было увидеть:

– ФИО не только ученика, но и его родителей, бабушек, дедушек, знакомых и их «социальных связей»;

– Домашний адрес и телефон. Если был, там же мог быть записан рабочий телефон отца или матери ученика;

– Дни рождения ученика и многих членов его семьи, если их удавалось узнать учителю;

– В каких походах побывал ученик, в какие годы, в каком качестве (командир, завпит, фотограф, хронометрист, краевед, метеоролог и др.);

– Записи о чертах личности, характера или увлечениях ребёнка.

– Часто там встречались даже такие нюансы, как имя (кличка) домашнего питомца: кошки или собаки.

Могли на этих карточках найтись и другие пометки, касающиеся того, что могло пригодиться учителю в практической работе с учеником. Что это, как не формализованная база данных со своей строгой структурой и наполнением?

Почему Попов считал такой формат более удобным? К тому было множество причин. Например, такая картотека была всегда актуальной. Ученики, которые перестали заниматься, просто перемещались в другую коробку, но никогда их карточки не выбрасывались! Карточку можно было легко заменить, если она устаревала.

Её можно было нарастить – добавить новую, если информации становилось слишком много для одной перфокарты. Жёсткая бумага позволяла долго сохранять карточки в хорошем состоянии.

Для аналогичных операций с блокнотом требовалось бы вырывать целые листы, или вклеивать дополнительные. В любом случае, блокнот быстро становился не очень удобным местом для поиска информации.

А с карточками – можно было «медитировать». Сидит наш Игорь Фёдорович у себя в кабинете туризма, ведёт с тобой приятную беседу, а сам... перебирает руками стопку перфокарт, быстро бросает взгляд на некоторые из них, и снова смотрит на тебя, продолжая разговор. Какой мыслительный процесс в это время шёл в его голове? О чём он думал? Какую информацию искал? Одно могу сказать точно: при каждой встрече с учеником он мог по-свойски спросить: «Ну как Лидия Петровна? Всё в порядке на работе?» – откуда он знал, что у конкретной мамы конкретного ученика были сложности на работе, которые могли, в конечном итоге, повлиять на судьбу её сына? Или так: «Ну, передавай привет Игорю Васильевичу, пусть поправляется».

Он знал такие подробности о жизни своих учеников, их родителей и семей в целом, о которых не знало подавляющее большинство учителей того времени. Да и современные учителя, к сожалению, тоже не блещут этим умением, несмотря на все возможности современных информационных технологий. Он мог поддержать в трудную минуту, причём эта поддержка всегда была точна и актуальна именно

в конкретный момент времени и применительно к конкретному человеку. Даже через 20 и 30 лет после того, как его ученики становились взрослыми, Игорь Фёдорович периодически спрашивал: «Ну как мама? (и неизменно называл её по имени и отчеству!) Как себя чувствует?»

КАК Я ПОЛЮБИЛ БОТАНИКУ

ИЛИ О ТОМ, ЧТО ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ – НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

Однажды в начале 1980-х годов мы разговаривали с Игорем Фёдоровичем о том, как МКК (Маршрутно-квалификационная комиссия)* проверяет отчёты о наших походах. И рассказал он мне вот что:

– Читаю, говорит, чей-то отчёт. Называет фамилию руководителя детской группы, который был тогда очень известен и выигрывал со своей командой множество всяких соревнований. Неоднократно становился призёром и победителем московских городских слётов. Мастер спорта, инструктор туризма, и всё такое прочее... Рассказывается в этом отчёте об очень сложном походе на Дальний Восток (для целей этого рассказа назовём тот регион отрёченно-обобщённо). Всё красиво, правильно, технично. А на фотографиях, где группа показывает, как проходила свои препятствия, наводила переправы, и всё такое – вижу... и называет ботаническое наименование конкретного растения.

Спрашиваю его: «Ну и что?»

А он мне и говорит: «Полезно, Вадик, ботанику изучать! Не растёт на «Дальнем Востоке» такая травка! Не ходили они туда – на Кавказ ездили, я это сразу понял».

Во всём этом, я думаю, ему помогала та самая, бумажная, база данных на перфокартах. Он пользовался ею даже в нашем 21-м веке, когда уже и компьютер у него дома был, и мир стал совсем другим.

– А зачем им это надо было, – спрашиваю?

– Ну, не знаю... – говорит Игорь Фёдорович. – Наверное, деньги государственные «экономил».

Он произнёс это с такой интонацией, что мне, тогда ещё неискушённому студенту, всё стало понятно. И про этого «руководителя», и про его великие «победы», и про то, что деньги, которые государство выделяет нам на походы, надо экономить совсем другим способом.

А вот о том, как сам Игорь Фёдорович распоряжался родительскими и государственными средствами, которые нам давали на походы, я расскажу в следующий раз.

Кстати, к фотографированию на маршруте после этого разговора я всегда относился весьма внимательно, чтобы ни у кого не возникло даже тени сомнения, в какой именно район страны мы ездили. Да и ботаникой стал намного больше интересоваться. На всякий случай :) (об этом, кстати, тоже рассказ будет чуть позже). А за отчёт тот, Попов, вроде бы, поставил высший бал. Поскольку дети свой маршрут прошли честно. Но в этом я, конечно же, не уверен...

***Примечание:** МКК – это Маршрутно-квалификационная комиссия, которая даёт разрешение на поход, контролирует прохождение группой маршрута, и подтверждает его про-

хождение для оформления спортивных разрядов и званий, чтобы следующий поход был ещё сложнее, интереснее и безопаснее.

АЛАВЕРДЫ

ИЛИ РАССКАЗ ПО СЛУЧАЮ НЕЧАЯННО ПРИКЛЮЧИВШЕГОСЯ ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Мало кто знает, что в России есть перевал Попова. Если точнее, то – «Перевал Игоря Фёдоровича Попова». Появился он на туристских картах в 2006 году, к 75-летию настоящего [1] дня рождения Игоря Фёдоровича. Группа под моим руководством прошла новый «пятерочный» [2] маршрут в практически не посещаемом туристами районе на границе России и Монголии. Несмотря на относительную туристскую простоту местных перевалов, большинство из них туристами до сих пор не пройдены. Для примера, на одном из перевалов мы нашли тогда записку 25-летней давности, в которой было написано, что это второе прохождение перевала, а первое было в начале 1960-х годов. То есть, за 50 лет мы там были всего третьими! По причине длительной закрытости для посещения этого пограничного горного района, а также из-за сложностей его транспортной доступности, район абсолютно необжитой, и поэтому девственно чистый. Даже местных жителей – монголов, бурятов и тувинцев здесь практически не встретишь.

Но начиналась история перевала Попова намного раньше – в 1982 году.

Игорь Фёдорович показывал нам зимние Хибины. Это была лыжная «двойка», в которой меня он сделал руководителем группы, а сам был записан в заявочной книжке как играющий тренер.

Маршрут оказался физически тяжёлым, было очень много «тропёжки» [3]. Температура пару раз ночью опускалась до -30°C . Мы первый раз были в горах зимой, и, несмотря на то, что обо всём таком знали по рассказам учителя заранее, действительность оказалась намного труднее и прозаичнее.

Середина маршрута пришлась на долину Кунийока, в районе базы КСС. 1 февраля 1982 года группа совершила радиальный выход на перевал Южный Партомчорр. Мы пересекли заливы озера Пайкуньявр (сейчас его называют переводным русским именем – Гольцовое). Затем вошли в узкое ущелье реки Лявойок. Поднявшись по её террасам выше зоны леса и обойдя небольшой каньонистый участок, мы начали подъём траверсом в сторону перевала.

Тягун там «конкретный», «хорошего» настроения добавил также выпавший накануне свежий снег, увели-

чивший трудности с тропёжкой. Шли, буквально преодолевая себя. Но чем ближе перевал, тем больше азарта!

Ещё с самого первого похода в горы у нас в группе считалось престижным подняться на перевал первым. Первый – он самый сильный, самый опытный в группе. Все, кто претендовал на психологическое лидерство в группе, всегда старались взбежать на перевал первыми. Кроме того, тот, кто на перевале оказывается первым, имеет сразу несколько уникальных шансов. Во-первых, именно у него появляется возможность первым найти перевальную записку и узнать, кто был на перевале до нас. Это было интересно, особенно, если такой записке повезло пролежать на перевале год, два или даже несколько лет. Кстати, в той же банке с запиской часто оставляли небольшой сюрприз: конфетку, маленькую шоколадку и так далее. Её можно было съесть по праву первовосходителя. Кроме того, первый оказавшийся на перевале, имел уникальную возможность ощутить себя наедине с горами. Только ты и – перевал. И вершины, которые смотрят на тебя сверху. Ощущение это словами передать невозможно. Понять это чувство можно только если сам первым забежал на перевал. Особенно, если это новый для тебя перевал. А фотографам право первыми взойти на перевал давало ещё возможность сделать «чистые» снимки гор без людей. На некоторых перевалах возможности обзора ограничены, и люди, сидящие и стоящие на перевале как попало, часто закрывают обзор на долины. Сделать хорошую панораму в таких условиях бывает трудно... Мне никогда ранее не удавалось первым взойти

на перевал и ощутить всё то, что я вам сейчас рассказал.

Когда до перевала оставался всего один бросок (минут 20 хода), ПИФ остановился, и, обращаясь ко мне, сказал:

– Вадик, у тебя же сегодня день рождения? Я дарю тебе этот перевал!

Я сразу понял, что это уникальный подарок. Возможно, самый главный подарок в моей жизни.

– Игорь Фёдорович, но ведь Лёшка впереди, он быстрее меня туда забежит?!

– Ничего, ничего... Беги, я их тут задержу! – то ли в шутку, то ли всерьёз сказал Фёдыч, и я побежал...

Лёшка, конечно, быстро вырвался за мной, и мы бежали с ним до перевала наперегонки. На лыжах! По довольно крутому девственно чистому снежному склону. Кто был – тот поймёт.

Но на перевал я «взлетел» первым. Подарок на день рождения оказался великолепным! На моренке над перевальным озером стояла кем-то построенная снежная иглу [4]. Ветер стих. Стало проглядывать ещё холодное солнце. День был прекрасным!

Прошло 25 лет, и вот я, в качестве руководителя «пятёрки», поднимаюсь с группой на очередной перевал Большого Саянского хребта. Это было не первое первопрохождение перевала в том маршруте. Но ещё до выхода в район я договорился с группой, что один из новых перевалов мы назовём именем Игоря Фёдоровича Попова. Делая каждое следующее первопрохождение, я сверялся с внутренним ощущением: соответствует ли характер этого перевала характеру Игоря Фёдыча? Я считал, что перевал дол-

жен быть похож на нашего учителя. И вот, наконец, я нашёл именно такой перевал на нашем маршруте.

В этом месте Саянского хребта горы стали менее скалистыми, и больше напоминали Полярный или Приполярный Урал. Именно в таких относительно спокойных и дружелюбных горах совершал большинство своих походов Попов. Классический пешеходный район, классический пешеходный перевал.

Широкая троговая [5] долина без тропы шла в сторону высокого хребта. Издалека казалось, что нам придётся лезть на скально-осыпной склон, чтобы перебраться в нужную нам долину. Однако, в самом конце долины, совершенно неожиданно для нас, справа по ходу обнаружился то ли небольшой поворот, то ли «карман» долины, в котором оказалась довольно глубокая (относительно гребня хребта), пологая и очень удобная перемычка. Пере-

тринкой, и очень добрым, уютным и приветливым. Ветра на перевале не было, его сдерживали окружающие складки гор. Было тепло так же, как тепло было рядом с самим Игорем Фёдоровичем.

Всё сошлось. Мы изучили перевал на предмет пребывания тут людей до нас. Никаких следов мы не обнаружили. Не было даже слабых троп. Не было консервных банок. Не было остатков бумаг, железа или других следов деятельности людей. Мы изучали перевал больше часа. Я поднялся выше перевала на склоны гор метров на 100–150, и сделал все возможные в этих условиях панорамы.

Потом мы сложили два тура. Один – для туристских групп, которые будут снимать тут перевальные записки. Поставили точно в центре седловины, на небольшой моренке. Сложили из самых крупных камней, которые смогли поднять – чтобы простоял по-

мычка была «седлом» давно растаявшего перемётного ледника, которая вела в нужную нам речную систему. Как это соответствовало характеру Игоря Фёдоровича! Все, кто его помнят, неизменно говорят о характерной хитринке в углах его добрых глаз! Хитринку эту подчёркивали небольшие морщинки, лучиками расходившиеся во все стороны. И перевал наш оказался именно таким: с поповской хи-

дольше. Внутри оставили банку с запиской.

Второй тур подняли выше перевальной точки на гребень, и сделали его малозаметным. Вторая записка была более капитально упакована, и содержала в себе информацию о группе, о том, что мы предлагаем назвать этот перевал именем Заслуженного Путешественника России, члена Русского Географического Общества

(РГО), Мастера спорта и Старшего инструктора по туризму... Мы перечислили в записке всё, что тогда знали про Игоря Фёдоровича. И спрятали записку так, чтобы она могла пролежать там очень долго. И просили тех, кто её найдёт, не уносить с перевала, оставить в туре.

25 августа 2006 года мы приехали к Фёдычу на день рождения с длинной и плоской коробкой, в которой лежал наш (и мой личный!) подарок. Из коробки Фёдыч достал свой личный перевал – метровой длины фотопанораму, которую я сделал на перевале Попова. Соответствующие надписи с географическими координатами подарка (GPS координаты тура: 52.035810, 99.200190) были написаны на обороте. Потом эта панорама много лет висела у Игоря Фёдоровича дома, в его комнате.

Алаверды! [6].

Послесловие

Сам Игорь Фёдорович, получая от нас этот подарок, загадочно улыбнулся, сказал: «Спасибо!» – и велел поставить панораму «своего» перевала в угол. Недавно, изучая архив И.Ф. Попова, любезно предоставленный мне для работы его детьми, я обнаружил, что же на самом деле он подумал в тот момент, и что скрывалось за его загадочной улыбкой. Вот прямая речь самого Игоря Фёдоровича, датированная, предположительно, 2013-м годом: «Сдуру они на сотом меридиане, на границе с Китаем в Восточном Саяне «обнаружили» перевал Попова и сказали мне об этом». Вот такими не-серьёзными мы оказались в его глазах «первооткрывателями».

Примечания:

[1] По рассказам самого И.Ф. Попова, он родился не в 1932, а в 1931 году. Во время войны что-то там напутали в документах, и в итоге он паспорт получил «помолодевшим» на год.

[2] «Пятёрочный», «пятёрка» – поход пятой категории сложности. Одна из высших категорий сложности, за два руководства которой в те годы присваивалось звание Мастера спорта по спортивному туризму.

[3] «Тропёжка» (турист.) – тропление лыжни, прокладка новой лыжни по снежной целине. При глубоком рыхлом снеге очень трудоёмкая работа.

[4] Ёглу – эскимосский снежный домик полусферической формы, считается идеальным укрытием от полярных холодов и снежной пурги. Ударение ставится на первой букве – «й».

[5] Трог – переводится как «корыто». Троговая долина – корытообразная в профиле долина, сформированная древними ледниками. Склоны у таких долин как правило крутые, а относительно ровное и плоское дно завалено моренными (каменистыми) валами.

[6] Алаверды – от арабского allah «бог» и турецкого verdi «дал» (форма прошедшего времени глагола ver «давать»; буквально «бог дал»). Используется в застолье как обращение к тому, кто должен продолжать тост.

Ссылка на описание перевала им. И.Ф.Попова на сайте «Wikimapia»:

<http://wikimapia.org/#lang=ru&lat=52.035809&lon=99.200363&z=14&m=b&show=/12335247/ru/Перевал-Попова-1А>

Перевал Попова на спутниковых снимках:

ПОПОВ НА ЧУКОТКЕ

РЕПОРТАЖ ИЗ РОДИЛЬНОГО ДОМА БЕЛЫХ МЕДВЕДЕЙ

В личном архиве Игоря Фёдоровича Попова смогли сохраниться две плёнки из его чукотской командировки. Их, судя по всему, никто никогда не видел, поскольку слайдовая плёнка не разрезана на кадры, они не вставлены в рамочки, да и плёночная основа почти не поцарапана, что косвенно подтверждает моё предположение. На плёнках этих нашлось немало интересных и познавательных кадров. Когда я их сканировал и обрабатывал, мне иногда казалось, что учитель делал эти снимки специально для нас с вами, его учеников. Возможно, эта мысль навеяна мне длительной работой над будущей книгой, тем не ме-

нее. Что думал – то и сказал.

Плёнки эти были отсканированы и обработаны настолько, насколько позволяли имеющиеся технические средства, навыки и наличие времени. В какой-то момент я обратил внимание, что цепочка кадров очень напоминает рассказ о прогулке по посёлку Уэлен, где три года жил Игорь Фёдорович. Я сел за компьютер, и написал тексты почти ко всем обработанным кадрам. Получилась небольшая «экскурсия с Игорем Фёдоровичем». Мы смотрим на Уэлен через объектив его фотоаппарата и слушаем рассказ, который он мог бы рассказать нам сам. Большинство из написанного я пы-

таюсь воспроизвести по устным рассказам о Чукотке, которые лично слышал от своего учителя. Используются также общедоступные материалы об этих краях, найденные мной в интернете, и переработанные так, как будто это рассказывает сам Попов. Но классическую оговорку всё же приведу: мнение автора может не совпадать с мнением редакции (а также с мнением самого И.Ф. Попова).

Результат показался мне интересным и познавательным, поэтому приглашаю вас прогуляться с Игорем Фёдоровичем по Уэлену и его окрестностям. Мы побываем в комнате, где он жил. Посмотрим, что было видно из его окна. Посетим его школьный кабинет географии. Потом пройдемся по улицам посёлка. Выйдем на берег Тихого океана. Вместе с местными жителями будем встречать долгожданный «пароход», бежать к вертолётной площадке и махать руками красной винтокрылой машине, идущей на посадку на окраине посёлка. Игорь Фёдорович познакомит нас с

некоторыми своими учениками. Вместе с ними мы поднимемся на склон сопки и посмотрим на Уэлен сверху. Подойдем к скальным обрывам и подышим воздухом с Великого океана. А потом – сфотографируемся все вместе на память.

Одевайтесь потеплее, на Чукотке бывает не только солнечно и тепло. В полярную ночь Попов проведёт нас по заснеженным улочкам, где кроме снега и темных облаков на небе виден лишь один тёплый свет в чьём-то окошке.

И да, чтобы не забыть: от холода камера часто замерзала. Может быть поэтому множество фотографий получились нерезкими и недотянутыми до следующего кадра (наползают друг на друга). Но мы постараемся «вытащить» из них максимум, чтобы лучше понять, о чём он тогда думал, когда почти в 60 лет бросил всё привычное, и уехал на три года на край света. Поехали!

Село Уэлен расположено в восточной части Чукотского полуострова, в

Фото 30. Уэлен. Общий вид с горы Нэпыгэллен

Фото 30. Уэлен зимой. Общий вид с вертолёта 1991 – 1994 гг.

непосредственной близости от мыса Дежнёва – самой восточной точки Евразии. Находится в северной части лагуны Уэлен – лагуны размером 15 на 3 км, отделённой от вод Чукотского моря галечной косой Уэлен, вдоль которой и вытянулось село. Высота над уровнем моря – три метра. Таким его видел И.Ф. Попов в 1991–1994 гг.

Вот комната в учительском общежитии, где он по-холостяцки живёт целых три года. Коврики, кружки, кастрюли. Даже казённая занавесочка на окне не добавляет этому жилищу уюта. Наверное, поэтому главное в этой комнате – мир за её окном.

Посмотрим, что видно из его окна. Тихий океан, Чукотское море. Каменистый берег. Старые ржавые бочки не сильно портят настроение, если по берегу идёт пара влюблённых (я надеюсь!) молодых людей. Синяя вода. Безбрежный горизонт – может быть,

глядя на него, он думает о нас с вами? Это же мы с вами – «Горизонт»! Там, на горизонте – проходящий мимо корабль, который зовёт нас в новые путешествия.

Школьный кабинет, где И.Ф. Попов работает учителем не только географии, но и недавно появившегося нового предмета – «Основы безопасности жизнедеятельности» (ОБЖ). Обычные парты и стулья. На окне – два «фикуса», глобус, и, кажется, кружка. Вместо школьной доски – на всю стену географические карты мира, СССР (да, да – это ещё он!). И по центру – карта США. Я уверен, что США именно по центру классной доски не потому, что они в начале 1990-х снабжают нашу страну «ножками Буша», а потому, что до них (штатов) от окна этого кабинета всего-то около 70 километров.

Выйдем на улицы посёлка Уэлен.

Фото 32. Уэлен. На берегу Тихого океана (1991–1994 г.г.)

Обычные немощёные дороги. Деревянные дома. Самый высокий дом в посёлке – трёхэтажный. Примерно такой же, «трёхэтажный» здесь и русский разговорный язык. Да, кстати, и на своём языке местные чукчи говорят так, что любой русский мужик их понимает почти без перевода. Мусор из домов выбрасывают под ближайший склон, часто прямо на берег океана. Вывозить мусор из Уэлена на кораблях – дорого, а перерабатывать на месте – негде. Примерно такое же отношение здесь и к людям. На «материке» их никто не ждёт, а в Уэлене – почти нет работы. Зато много водки и мало стариков. Посёлок молодой, потому что тут высокая смертность. Про социальные проблемы местных жителей Игорь Фёдорович знает много, но об этом он расскажет нам отдельно.

В Уэлене много детей и молодых.

Позовём с собой на прогулку по берегу Тихого океана пару-тройку учеников Игоря Фёдоровича. День выдался пасмурный и ветреный, зато компания весёлая. Уэлен – справа, океан – слева. По узкой галечниковой полосе пойдём на восток в сторону скал, что маячат вдалеке. Посмотрим, что там есть интересного?

Коса Уэлен, на которой стоит посёлок, намывная, и сформирована океаном как результат действия приливов и прибой. От жилых домов до воды – чуть больше 100 метров. По берегу можно ездить на автомобилях. Повсеместно видны следы колёс от тяжёлой техники. Её используют при разгрузке судов. Впереди – чёрная труба местной котельной. Горизонт ограничивает пологая гора Нэпыгэллен, высота которой составляет 482 метра. На её северном склоне ещё лежат снежни-

ки-перелетки. Лето в самом начале.

Продолжаем движение к горе. Узкая полоса гальки вдоль воды доступна для прогулок только во время штиля. На воде сидит большая стая чаек. В сезон штормов волны бьют в берег, вздымаясь на несколько метров вверх. Игорь Фёдорович учит нас тому, что, гуляя по косе вдоль океана рано утром, можно найти кусок моржового бивня... Может и нам повезёт найти кусок бивня 10–12 см. длиной? А пока мы шли и говорили, впереди, перед котельной, стал различим небольшой катер, лежащий на берегу.

А вот и он, катер с бортовым номером РМ-100-20-29. Как он оказался на берегу? Посмотрите: слева от него – рабочий с лопатой. Он копает в галечниковом пляже канал (канаву) до воды. С использованием этого канала катерок можно, наверное, и вытащить на берег для ремонта, и вернуть его

потом назад в море.

Наконец мы подошли к котельной посёлка Уэлен. Весь уголь сюда привозят пароходами во время летней навигации. Посёлок сейчас полностью зависит от «большой земли». Уголь разгружают прямо на берегу, и отапливают с его помощью дома всю долгую полярную зиму.

Заканчивая прогулку по берегу, остановимся у свалки металлолома. Экологическая ситуация в Уэлене сложная. Вывозить мусор на «большую землю» дорого, да и сделать это можно только в короткий период летней навигации. Так и ржавеют на берегу остатки всевозможного оборудования.

Наступает полярная ночь. Солнце не выходит из-под линии горизонта. Морозы достигают -25°C , что при ветрах с моря, и здешней влажности может ощущаться и как минус пять-

Фото 33. Посадка вертолётa в Уэлене (1991–1994 г.г.)

десят. Всё вокруг завалено снегом. И только где-то далеко слегка теплится свет в чьём-то окошке. Фотоаппарат на морозе замерзает, снимки получаются совсем невысокого качества. Однако, даже они дают представление о том, что видят жители Чукотки зимой.

Но, как бы ни была длинна полярная ночь, она неизбежно сменяется не менее длинным полярным днём. Вот уже и небо голубое, и солнышко начинает пригревать. Март. И наступающая весна радуется даже в условиях разрухи, которая повсюду кругом. Океан слева, и лагуна Уэлен справа ещё скованы льдом. Но скоро, скоро начнётся летняя навигация! Придут корабли с грузами, и жизнь в посёлке снова проснётся после зимней спячки.

И вот, наконец, через открытую форточку слышен давно ожидаемый шум. Вдалеке появляется сначала маленькая красная точка, которая постепенно приближается и превращается в настоящий вертолёт. Он прилетает сюда только в хорошую погоду, когда видимость – «миллион на миллион».

А на горизонте – корабль, пришедший с «большой земли»! Весь посёлок выходит на улицу встречать долгожданных гостей. Вертолёт стартовал с корабля, чтобы первым доставить на берег Уэлена самое важное: почту (и что-то ещё). Первыми на окраине посёлка у вертолётной площадки собираются, конечно же, дети. Для них начинается самое интересное в череде одинаковых дней жизни Уэлена. Вертолёт пролетает над крышами посёлка и заходит на посадку.

Потом он зависает на секунду над бетонными плитами и мягко опускается на землю. А на горизонте, уже совсем близко к рейду, большое судно ледокольного класса. Мы с Игорем Фёдоровичем тоже спускаемся со склона горы вниз, чтобы узнать у вертолётчиков интересные новости. Вертолёт сел, часть жителей разговаривает с лётчиками, а мы с вами пойдём посмотрим на «пароход».

Пройдём немного вдоль берега лагуны, чтобы затем кратчайшим путём пересечь Уэленскую косу и выйти на

Фото 34. Уэлен. Встреча теплохода с туристами (1991–1994 г.г.)

Фото 35. Уэлен. Игорь Фёдорович Попов и его чукотские ученики (1991–1994 г.г.)

противоположный берег, туда, где будет стоять на рейде теплоход. Вместе с местными жителями ждём долгожданный «пароход», который уже совсем близко. Кажется, что даже само солнце опустилось в море, чтобы покачаться на кильватерной волне этого

судна-красавца.

И вот с иностранного, как оказалось, круизного судна спустили небольшой катер, который мчится к берегу. Уэленские школьники фотографируются с кораблём-гостем. А на корабле уже идёт посадка на следую-

Фото 36. И.Ф. Попов на Чукотке (1991–1994 г.г.)

щий катер.

В один из тёплых дней начала лета Игорь Фёдорович познакомил нас с некоторыми своими учениками. Все вместе, с Игорем Фёдоровичем и его учениками, мы поднимаемся на склон сопки. Вы ещё не забыли? Она называется Нэпыгэллен, и имеет высоту 482 метра. Но мы не пойдём так далеко и так высоко. Уже от начала подъёма на эту гору сзади открывается потрясающий вид на Уэлен и на его лагуну. Весь посёлок – как на ладони! За посёлком – воды Чукотского моря.

Уже на первом крупном перегибе склона стоит старая заброшенная башня. Местные, конечно же, знают, что это такое. А мы только предположим. Скорее всего это – вышка, относящаяся к погранзаставе Уэлен. Она как раз находится прямо внизу, под нами, на окраине посёлка. Отсюда все окрестности на виду! Очень удобная для наблюдения точка. Только уже никому не нужная. Разве что нашим ученикам. Пусть полазят по ней, посидят на её крыше! Игорь Фёдорович всегда разрешает своим ученикам маленькие шалости. А кто не хочет лазить по крыше – пусть погрееется на солнышке. Лето в Уэлене короткое, и температура редко поднимается даже до 15–20 градусов. Вдобавок, в хорошую погоду можно ещё поиграть с собакой, которая увязалась за нами

из посёлка. А где же наш Игорь Фёдорович? А ну да, он тоже любит погреться на солнышке. Особенно когда рядом такие замечательные детки.

Мы идём к скальным обрывам, расположенным недалеко от Уэлена. Высота скал в этом месте превышает 100 метров, а в тени у их подножья всё лето сохраняется снег. Под этими скалами, кстати, белые медведи устроили себе «родильный дом», и каждую зиму ходят сюда прямо через посёлок. А пограничники пытаются отогнать их от людей светом прожекторов в полярной ночи.

Вот мы и на самом верху. Игорь Фёдорович, конечно, рассказывает всем о том, как образовались эти скалы, и что ещё интересного можно увидеть вокруг. И завершает свой рассказ обязательным: «Дети, посмотрите, какая тут красота! Я дарю вам эти прекрасные скалы! Я дарю вам это синее море! Я дарю вам этот ласковый ветер!» С таким подарком от Игоря Фёдоровича обязательно надо сфотографироваться! А потом – залезть на самый край, самой высокой верхушки, самой красивой скалы, чтобы подышать воздухом с Великого океана! Позвать учителя и сфотографироваться вместе с ним на память. И услышать от него классическое: «Приезжайте к нам на Чукотку!»

2018 г.

Фото – из личного архива И.Ф.Попова

ПОПОВ Игорь Фёдорович, педагог дополнительного образования, руководитель детско-юношеского туристско-краеведческого клуба «Горизонт», академик Международной Академии детско-юношеского туризма и краеведения имени А.А. Остапец-Свешникова, старший инструктор-методист по спортивному туризму, Заслуженный путешественник России

г. Москва

КАЗАНЦЕВ Владимир Васильевич, главный редактор информационно-образовательного журнала «Родина-РУ», заместитель директора ГБОУ Дом детского и юношеского туризма и экскурсий «Родина» (с 2006 по 2014 гг.), член президиума Международной Академии детско-юношеского туризма и краеведения имени А.А. Остапец-Свешникова, Почётный работник общего образования, Заслуженный путешественник России

г. Москва

ГОРИЗОНТ – ПЕРСПЕКТИВА, КОТОРАЯ ВСЕГДА ВПЕРЕДИ! [56]

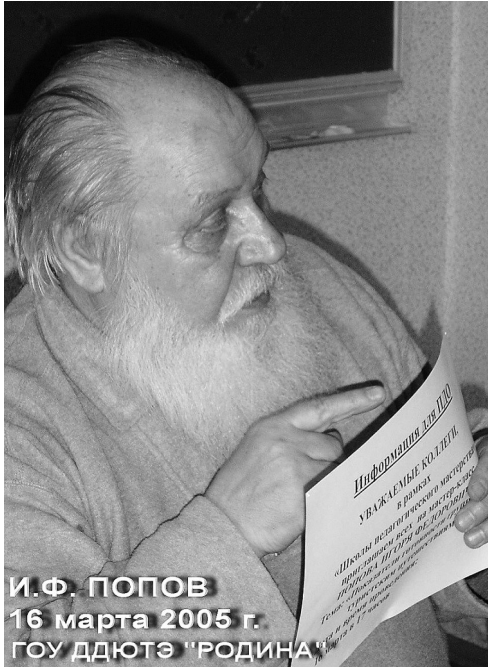
Игорь Фёдорович Попов
ИНТЕРВЬЮ-БЕСЕДА О ЖИЗНИ И О ДЕЛЕ (ЧАСТЬ 2-я)
НАЧАЛО ИНТЕРВЬЮ (ЧАСТЬ 1-я) ОПУБЛИКОВАНА
В ЖУРНАЛЕ «РОДИНА-RU», № 5/2015 г.

Игорь Фёдорович Попов – педагог с огромным педагогическим опытом (более полстолетия) с детьми круглогодично: на занятиях, на тренировках, на отдыхе, на экскурсиях, в походах и экспедициях... Игорь Фёдорович создал детско-юношеский спортивно-туристский клуб «Горизонт» в 1969 году. С тех пор беспрестанно он вместе с детьми в одном Большом путешествии, которое продолжается полвека. Изначально у клуба был замечательный девиз: «Туризм – наука, Труд – необходимость, Коллектив – сила!» Этот девиз придавал осмысленность туристскому делу, помогал мобилизоваться в трудную минуту, сопутствовал коллективу клуба во всех его многочисленных походах по всей стране.

Со временем, в раздумьях о жизни, о работе, о людях, у И.Ф. Попова родился

ещё один неформальный девиз. С этим девизом: «Горизонт – перспектива, которая всегда впереди!» он не расстанётся всю свою жизнь. Продолжал расти клуб «Горизонт» уже под этим девизом.

Представляем читателю нашего журнала вторую, заключительную часть нашего интервью. Квадратными скобками [] выделены фрагменты, добавленные редактором для лучшего понимания смысла текста.

«единицу» [58] можно только в пределах от Москвы до Волги, в крайнем случае – до Урала.

Казанцев В.В.: Да, только по Центральной России. Эта идея в Первенстве Москвы традиционно реализуется, то есть «единичку» можно делать только в Центральной России.

Попов И.Ф.: А как же тогда ребята, которые, к примеру, из Красноярска? [Им что, в «единичку» надо за три тысячи километров от дома ехать?] А наши ребята-москвичи? [Почему они] в Красноярске могут делать [только] «двойку» или «тройку»? [58] Это тоже неправильно.

Казанцев В.В.: Сами красноярцы у себя могут и степенной поход делать.

Попов И.Ф.: И второе: ещё Каптерев [59] и Лейцингер [60], сказали, что придёт такое время, когда школьники кругосветные путешествия будут делать, знакомиться с планетой. Это тоже неплохо, понимаешь?

Казанцев В.В.: Конечно.

Попов И.Ф.: [Но есть и другие примеры туризма.] Ты мне, сказал, что Центральный совет борется с [так называемым] «сексуальным» туризмом. Сходненская Академия [61] [тоже с этим псевдотуризмом] борется. [Или вот] Ольга Зобина сейчас едет в Америку, за свои [между прочим] деньги, и вернётся. Она [там] проводит языковую практику с детьми. Тебя не будем в пример брать. Курбатов [62] ездил с ребятами по Европе, официально

Попов И.Ф.: Владимир Васильевич, я считаю так: если разрешается делать экспедиции, а под экспедицией понимается поход, который можно прерывать транспортом каким-нибудь, или подъезжать на котором, то ограничений по географии путешествия быть не должно. В экспедиции мы с детьми исследовательскую работу ведём.

Казанцев В.В.: Всё верно: группа в экспедиции выполняет определённую общественно-исследовательскую работу.

Попов И.Ф.: Но против этого Ярошенко [57]. Он говорит, что уезжать в

[оформлял эту поездку как туристский поход. Маршрут у него был] по пути Суворова. И так далее, [примеров ещё множество].

Казанцев В.В.: Курбатов по пути Суворова не ездил, и не ходил. Через перевал Сен-Бернар [он] не ходил, там другая группа детей на велосипедах прошла – из села Поим Пензенской области. Это весьма значимый и показательный поход был. Я хотел об этом уникальном детском велопоходе дать материал в нашем журнале, но пока не случилось... Кое-какие материалы [у меня] есть, но с руководителем пока связаться не удалось...

Попов И.Ф.: Неважно. Это крайность, хотя без крайностей и жизни не бывает... Но раскрывается мир, как говорил Саша Остапец, прежде всего вокруг своего родного дома. Но так, сам понимаешь, не всегда получается. Хорошо, что сейчас есть такие приборчики, которыми может пользоваться даже мой трёхлетний правнук [63].

Казанцев В.В.: Это правнук, а не внук?

Попов И.Ф.: Да, правнук. А другой [правнук скоро] уже в школу пойдёт.

Ольга Зобина, которую прозвали «Фудзияма», преодолевая языковой барьер, была в Японии, в Непале, в Индии и несколько раз в Америке с детьми. Юрка Каменецкий [64], её учитель, в Израиле поход сделал с ребятами. И теперь встаёт вопрос: какой у нас [детско-юношеский] туризм будет – за свой счёт или за государственный? Я раньше [уже рассказывал тебе], что [еще до революции] четыре Лавры добивались и добились, чтобы каждый гимназист Российской Империи обязан был посетить их (Лавры). И принимали там бесплатно этих ре-

бятишек, это ведь большое дело.

Казанцев В.В.: Киево-Печёрская Лавра, Почаевская, Троице-Сергиевская, Александро-Невская. Это [ведь] не только Московский эпицентр?

Попов И.Ф.: Паломничали из Омска, из Иркутска – это вся Россия.

Казанцев В.В.: А кто этого добился?

Попов И.Ф.: Лейцингер из Пятигорска, швейцарец по происхождению. Казалось бы, какое ему дело до российских гимназистов?

Казанцев В.В.: Это паломничество делали за казённый счёт – дорога, питание, проживание?

Попов И.Ф.: Всё за казённый счёт, питались в монастырях. И в настоящее время мы можем прийти туда, нас накормят. Но за это ты должен отработать: посуду помыть или что-то другое, делается всё по уму.

Казанцев В.В.: Да это нормально. Я с детьми прошёл велосипедную «тройку» по Европейскому Северу. Изюминка маршрута – «Государева дорога» (Повенец – Нюхча), от которой практически ничего не осталось. Затем из Североморска мы заехали на Соловки, жили на Соловках. И мы поработали в монастыре основательно, несколько дней. В основном подвалы разбирали и хлам выносили: камни, доски, железо ржавое, мусор бытовой и хозяйственный – уйма мусора... Взамен мы побывали на островах Малом Заяцком и на Анзере. Маршрут сделали, а главное – нам разрешили попутешествовать по Соловецкому острову с полевыми ночлегами... Мы уезжали, и каждый ребёнок получил грамоту монастырскую за трудолюбие.

Попов И.Ф.: И сейчас [надо] осуж-

дать этих товарищей, которые как бы прикрылись этими экспедициями, и не хотят делать категорийные походы, второй или третьей категории сложности. Сейчас категорийные походы делай, сколько хочешь. Сто километров, «единицу», можно сделать за три дня, а то и [за] два. Ярошенко за день делал [с детьми по] пятьдесят километров, да ещё на Приполярном Урале, по болотам. Сейчас разговор идёт о том, чтобы отделять то, что [можно делать и делают] в спортивных залах, от активного туризма. [Примерно так же,] как [в своё время] отделились от альпинизма скалолазание, [а] от туризма – спортивное ориентирование.

Казанцев В.В.: Сейчас [появился] новый вид спорта – фрироуп (свободная верёвка) [65].

Попов И.Ф.: Я считаю, так же как и ты, между прочим, что [и так тоже] можно делать. Но захочет ли администрация брать на свою шею это? А вдруг ребёнок там ногу подвернёт? Или на башку что-то свалится, понимаешь? Зачем чиновнику, администратору, это нужно?

Если бы у меня было только десять учеников, которые стали школьными учителями, и если каждый из них за свои 25 лет работы в школе также воспитает по десять человек [учителей], то получается, они воспитают 5000 человек, понимаешь? [66] Но всё это будет доступно, если захочет наша администрация. А захочет ли она – вот в чём вопрос...

Казанцев В.В.: Так кто сильнее, педагог-энтузиаст или чиновник, который не желает [ничего делать]?

Попов И.Ф.: Конечно чиновник, директор школы, завуч. «Без туризма

жили, и всё хорошо было. Зачем нам это?» [– вот их логика!]

У директора есть [так называемые] «папки»: пожарная команда, санэпидемстанция, всеобуч обязательно, там ещё что-то такое... Десятки папок [с разными заданиями от начальства]... Попробуй не выполни! А туристской папки не было. Мы эту папку делали в Куйбышевском районе, и не только в Куйбышевском. И давали каждому туристскому организатору школы. Там были правила, как подготовить поход, то есть алгоритм действий. Так же и алгоритм краеведения. Что ты должен сделать? Достать блокнот, открыть его, достать ручку, написать число, где [дело] происходит, и вот [так] дальше, дальше. Я могу только одно сказать, вот эти [классические] формы туризма пускай существуют.

Казанцев В.В.: А вот ваши дети, их трое. Они как-то с туризмом связаны?

Попов И.Ф.: Значит, первый ребёночек, Ленка который. Ей 50 с лишним лет, на пенсии. Она и сейчас работает педагогом в Сокольниках. Вообще она у меня гидролог. Когда она была молодой, то вместе с Ирой Гайлит [67] и другими девчонками, она была чемпионкой вот в этих наших соревнованиях по ориентированию.

Теперь, Алёшка – инструктор горного туризма. Он сначала у меня занимался, а когда учился в техническом училище, занимался в горной школе у Олега Стрельникова [68]. И Олег его сразу назначил инструктором туризма. Я в это время со школьниками в Северной Осетии был. Алёшка в это время «Безенгийскую пилу» [69] проходил.

Танька – младшенькая, ей скоро 40

будет, тоже туризмом занималась, потом закончила колледж ландшафтного дизайна, здесь, на улице Чечулина. Она хороший специалист в своей профессии. Не хочет поступать в институт на биофак. Вот такая ситуация.

Казанцев В.В. Жизнь по всякому складывается...

Попов И.Ф.: А вот ещё проблема: делают «липу» [некоторые] руководители, в поход не пошёл, а написал, что был в походе.

Казанцев В.В.: Какую «липу» руководители делают? Ну, понятно, что нельзя это делать. Они обосновывают как-то?

Попов И.Ф.: Именно, что обосновывают как-то! Члены МКК в любом случае вас поймают, лучше не позорьтесь, лучше честно. Меня заинтриговал вопрос, как «он» [ФИО скрыто редакцией] ходил в лыжный поход по Кольскому полуострову, по Хибинам со школой № 708? По отчётам всё нормально, всё хорошо. Но в это же время отдельно шла школа инструкторов, которую Венера [Казакова?] ведёт, группа «Ветер странствий». Кратко называется «Вестра». И они «его» [ФИО скрыто редакцией] не видели. Одним словом, я хотел бы, если «он» будет выступать 15 марта, [чтобы] кто-то был «ему» оппонентом, спорил с ним.

Казанцев В.В.: К сожалению, это будет у Димы Плоткина [70], не у нас, к сожалению, потому что это в Новокосине и я не успею...

Попов И.Ф.: Вот есть у меня [ученик один, Сергей, очень] парень грамотный, знает более пятнадцати языков [87]. Ведёт с аспирантами занятия по электронике...

Казанцев В.В.: А он ведёт офици-

альный кружок туризма?

Попов И.Ф.: Официально нет, он помогает вторым руководителем, сейчас он ходил вторым руководителем с Васюниным [71]. Возмущается, никак не может втолковать, что безопасность превыше всего.

Казанцев В.В.: Кто возмутился, Васюнин?

Попов И.Ф.: Нет, Сергей ему говорит, мол, сколько можно говорить, что у Вас должен быть план эвакуации на каждый ходовой день, который Вы не сделали! А тому, как с гуся вода. И так поступает человек, который учит, а сам учиться не хочет.

Казанцев В.В.: Это называется аварийные варианты: есть запасные, а есть аварийные.

Попов И.Ф.: Так в этом и проблема. Несоблюдение аварийных правил – это до поры до времени. Случись чего, чиновник тут, как тут. Они только и ждут такого, чтобы запретить походы.

Или вот ещё: вместо того, чтобы брать с собой лёгкие сухари, он даёт детям на каждый день тяжёлые пряники. Но лучше бы кусочек сахара взамен к сухарям был – и полегче, и полезнее [для быстрого восполнения энергии в походе].

У Маслова своя [«заморочка»], Анатолий Григорьевич [72] есть такой.

Казанцев В.В.: Заместитель директора Федерального центра [детско-юношеского туризма и краеведения].

Попов И.Ф.: А что он будет курить, ты не знаешь?

Казанцев В.В.: Я не в курсе. Новый директор пришёл, Михаил Михайлович, фамилия – Бостанжогло... [73].

Попов И.Ф.: Красивая фамилия!

Ну, так вот понимаешь, выпустил свою программу, «президентскую» программу – Маслов вместе с Константиновым [74], книжечка голубенькая, ребетёночек там [на обложке] красивый сидит...

Казанцев В.В.: Это что за «президентская» программа, по линии Академии?

Попов И.Ф.: По линии денег. Понимаешь, у них свои игры. И там, на каждом шагу слово «гедонизм» – это было такое учение в древней Спарте, когда получаешь наслаждение [75]. Чем больше наслаждения получишь, тем жизнь лучше. Древняя Спарта, видимо, поэтому и развалилась.

[Основная идея у них –] чтобы дети всё время чувствовали наслаждение. Так нужно не наслаждение, чтобы дети чувствовали, а чтобы пот с них [в три ручья шёл]. И после пота они почувствуют себя ох как здорово!...

Казанцев В.В.: Не наслаждение, а удовлетворение от проделанной работы.

Попов И.Ф.: Вот здесь у нас с ним, с Николаем Алексеевичем, и вопросы. Ведь Серёжка с ним на Алтай ходил, Серёжка с ним на Кавказ ходил, Серёжка с ним на Кольский полуостров два раза ходил. Это не считая, что я [с ним сам очень много ходил], а он сопротивляется [опыт сложных походов перенимать]. А ему так [видишь ли] удобно, [когда] он один в палатке лежит. [А ведь это очень большой дополнительный вес группового снаряжения!] А то, что ребята, которые уже опытные, в 10–11 классе [уже учатся], лежат [у него в походах] ногами к выходу, а не наоборот – чтобы быстренько выскочить при лавинах, или ещё что-то [других экстренных и опасных

ситуациях]. Он не хочет [всё] это видеть. Он хочет [делать только так], как он считает [нужным]. А ведь он «с нуля» пришёл ко мне заниматься.

Казанцев В.В.: Либо не научили, либо человек упрямый, так бывает...

Попов И.Ф.: Упёртый, да.

Казанцев В.В.: Но, тут уже ничего не сделаешь, Бог с ним. Николай Алексеевич – он фотограф, по-моему, хороший?

Попов И.Ф.: Да, но просто хорошим фотографом его назвать нельзя. Хотя он [и] профессиональный фотограф. [У него основная работа такая:] летит в самолёте и параллельно снимает другой самолёт, который разваливается в воздухе – испытательный. Но, когда я даю ему видеокамеру, и когда люди в Пятигорске, потом на Валдае, в Пушкинских местах: люди поют, [а] он упёрся, что только певцов [надо снимать], камеру надо посмотреть...

Казанцев В.В.: Игорь Фёдорович, я не записал тогда, скажи мне, пожалуйста, своё ощущение, как ты понимаешь Родину? Только не так, как принято [писать] в учебниках, в науке, а вот просто своё личное ощущение?

Попов И.Ф.: Главное – это само чувство Родины. Для этого я с ребятами, как правило, перед дальним походом прихожу на Красную площадь, чтобы они знали, что они, москвичи – нормальные люди. Потому, что когда мы встречаем [на маршруте] местных жителей, [те спрашивают:] «Вы из Москвы?» Из Москвы, [отвечаем]. [А они удивляются:] «Не может быть... а почему они [москвичи] в телогрейках, в сапогах с портянками, да ещё и здороваются?» [Стереотипы о москвичах в России такие сложились, понима-

есть?]

Казанцев В.В.: Это к [понятию] Родина небольшое отношение имеет. Это потому, что они [твои ученики] воспитаны [нормально].

Попов И.Ф.: Правильно, [а почему они у меня так воспитаны?] Потому что я [сам] воспитан был так, понимаешь? Это тоже относится к [понятию] Родина.

Казанцев В.В.: Я сейчас о другом, что [такое] Родина?

Попов И.Ф.: Родина – это где родился и пригодился... Это и Остапеч говорит: «То место, где ты родился». Да, условно это может быть [и так названо]. И поэтому я с ребятами не на самолёте лечу [когда мы в поход отправляемся], а плетусь потихоньку на дальнем удобном поезде, чтобы они поняли, какая у нас большая Родина. Чтобы они её узнали, полюбили.

Поэтому они её будут защищать, как положено. А не так, как её защищали иные народы. Призывали защищать [Родиной], а где [она, эта] Родина? Родина – [это] мой аул и всё, а остальное – «по барабану», понимаешь? Поэтому я за то, чтобы ездила Зобина со своими учителями, [чтобы было с чем сравнивать]...

Казанцев В.В.: Казахские бойцы, которых под Москву перебросили [зимой 1941 года], для них Родина – Казахстан, а не подмосковные поля. Но они все честно выполнили свой долг, и полегли под немецкими танками [здесь, в нашем Подмосковье].

Попов И.Ф.: Конечно, потому, что дисциплина была [тогда очень жёсткая]: «Ты солдат, ты обязан», – понимаешь? Мы [во время войны] в эвакуации страдали по Подмосковью, [его] лесам. Потому что там [везде] степи,

И.Ф. ПОПОВ и Л.В. АЛИЕВА

и [только] редкие берёзовые перелески... Вот мимо нас гнали чеченцев в сорок третьем году, одеты кое-как, детей держали за руки. [Они недалеко от нас в карьере как в лагере содержались]. И туда солдаты ходили. А мы, детдомовцы, туда подходили, смотрели, как и что. Для них это не Родина была.

А моя, понимаешь, сирота, тоже воспитанница детского дома. Ей при распределении [на работу после института] дали [географическую] карту и сказали, выбирай [где работать будешь], кроме Москвы и Ленинграда – туда нельзя. Она ткнула пальцем [наугад], и попала в [город] Грозный. И поехала туда физкультуру преподавать. Она была небольшого росточка, [видимо поэтому только до Грозного дотянуться смогла – он ведь у нас на юге, внизу карты]. У неё размер ноги был тридцать третий.

Казанцев В.В.: Кто она?

Попов И.Ф.: Жена моя.

Казанцев В.В.: В какие годы она там работала?

Попов И.Ф.: 1954–1955 годы.

Казанцев В.В.: А потом вернулась?...

Попов И.Ф.: Ну, конечно, вернулась ко мне. Вернулась к мужу. Вот такие, вот дела, понимаешь. Поэтому, как посмотреть [на] Родину: и Дагестан тебе Родина! Или не Родина? Тут и Москва тебе не Родина, если вокруг тебя сплошь чужие люди. Ребятам говоришь, что это русская земля. Вот и Америка, тоже была русской, а по дури продали, или по неизбежности – Бог весть...

Казанцев В.В.: Ну, а детей, чтобы они ни боялись холодов, будем учить строить иглу? [76]

Попов И.Ф.: Не всегда, потому, что нет [у нас поблизости] такого снега.

Казанцев В.В.: В Подмоскowie нет такого снега?

Попов И.Ф.: Должен быть ветровой наст, он тогда крепкий и не очень толстый. Спроси у Лукоянова [77], у меня на перевале Партомчорр целый городок [из иглу] был [построен].

Казанцев В.В.: На Партомчорре строил?

Попов И.Ф.: Да-да, и не одну, а несколько. И соединил их проходами для интереса. Это я спартаковскую школу вёл, и школьники мои ночевали там. Ветра не слышно в иглу, ничто не дёргается и ничто не шумит. Благодать...

Казанцев В.В.: Если вход закрыть, да ещё примус там развести...

Попов И.Ф.: Да не то слово. Тепло!

Казанцев В.В.: Какая температура будет, если закрыть вход?

Попов И.Ф.: Ну, во всяком случае – плюсовая. Если примус, то конечно плюсовая. А если даже десять человек дышат, то тепла выделяется как от печки «голландки». И если на улице даже минус сорок, то здесь – пять, не ниже. Это же большая разница! Ну что, ещё вопросы есть?

Казанцев В.В.: Я посмотрел [твою] пенсионную книжку: [она] выписана 1 апреля 1993 года, и выписывали её там, на Чукотке. И когда ты вышел на пенсию, [учебный] год закончился, и ты уехал. С радостью уезжал или с грустью?

Попов И.Ф.: Ты знаешь, какое-то двойственное чувство было. Во всяком случае, я не брал [с собой на материк] контейнер морской [с барахлом], хотя все брали.

Казанцев В.В.: То есть ты налегке уезжал?

Попов И.Ф.: Что в контейнере все везли? Кирпич, доски, в основном...

Казанцев В.В.: Оттуда?

Попов И.Ф.: Ну, конечно! Вот хапуги!... Туда же едут-то все... Ты, спрашиваешь: «Как жили?» Там хорошо живут! Там живут тепло.

Казанцев В.В.: Ты жил там отдельно? Комната или квартира была?

Попов И.Ф.: Там была отдельная комната. В квартире было три комнаты, [жили в них как в коммуналке] учительница по литературе, завуч и ещё один учитель. Три человека.

Казанцев В.В.: А отопление печное было?

Попов И.Ф.: Нет, водяное отопление.

Казанцев В.В.: Как посёлок назывался?

Попов И.Ф.: «Уэлен». На любой карте он есть.

Казанцев В.В.: На побережье Тихого океана?

Попов И.Ф.: На побережье Тихого и Ледовитого.

Казанцев В.В.: То есть это самый край? Берингов пролив, по сути?

Попов И.Ф.: Так это и есть, Берингов пролив. Я и детям там говорю: «Мы же с вами живём в самом интересном месте планеты Земля. Потому что у нас самое первое солнышко восходит!»

Казанцев В.В.: А обучение на русском там шло?

Попов И.Ф.: Да, только на русском. Ну, английский [тоже] преподавали, чукотский.

Казанцев В.В.: У них свой чукотский [язык] есть? Они владеют им?

Попов И.Ф.: Они не хотят!

Казанцев В.В.: А в семье они разговаривают на чукотском?

Попов И.Ф.: Нет, проще на русском. Вообще-то я им всё время говорил, что нужно свой язык знать, ребята. Вот ребята ушли от училки [с урока родного языка] и ко мне пришли. [Я им и говорю:] «Вот это вы плохо делаете...»

Казанцев В.В.: Что, прямо с урока?

Попов И.Ф.: Да, конечно. Она довольна – нет детей. Они там на «ты» всех называют. Пришли: «Мы у тебя хотим». Я спрашиваю:

– Ты что в прошлый раз рисовал?

– Я моржа рисовал.

– Сейчас Умку будешь рисовать.

Казанцев В.В.: А вы с той учительницей [разве] один предмет вели?

Попов И.Ф.: Да нет, я географию вёл.

Казанцев В.В.: Но ведь там же описание должно быть. Как [же] они ушли?

Попов И.Ф.: Да взяли и ушли, и всё.

Казанцев В.В.: А у тебя не было урока?

Попов И.Ф.: У меня был урок в 9-м классе. Открываются двери, и ещё дети идут:

– А мы к тебе идём! – говорят дети.

– А что она, «заквасила»?

– Нет, она там сидит, ну и пусть сидит...

А у меня вода была. Они кисточки промыли и за дело взялись...

Казанцев В.В.: А у них что, рисование было?

Попов И.Ф.: Школа-интернат художественного воспитания, понимаешь? Поэтому преподавать приходилось предметы художественного цикла. Пришли девочки ко мне на переменке, прибежали.

– У вас что было?

– У нас сейчас предмет, а мы делали композицию. Предмет композиции.

– А что вы делали?

– А композицию мы на х... делали.

– Девочки, так нельзя говорить! – А это им кость моржа принесут, понимаешь?

– Учитель, ты ничего не понимаешь, у меня бабушка Заслуженный художник Российской Федерации, она знает, как говорить. Сегодня делали композицию на х..., а завтра х... будем резать. (см. фото на стр.80).

Тебе [наверное] представляется «колбаса-сервелат», как его режут... Ан нет, ни хрена – будет резьба по кости. А композиция – это рисунок был нанесён, понимаешь, карандашом – или зелёным, или красным.

Казанцев В.В.: Там кость в основном?

Попов И.Ф.: Да, но кость большая, хорошая. Вот потому, что сам клык моржовый, он ценится очень. В воскресенье «американцы» прилетят на вертолёте. Продажа будет идти.

Казанцев В.В.: «Американцы» летали там с Аляски через Берингов пролив?

Попов И.Ф.: Да, там всего полчаса лёта.

Казанцев В.В.: Пограничники там летают, проверяют?

Попов И.Ф.: А как же! У нас [в Уэлене] застава своя. Пришёл начальник заставы и говорит: «Игорь, ты скажи им, проволоку зачем зубами перекусывают?»

Казанцев В.В.: Какую проволоку? Кто перекусывает?

Попов И.Ф.: Колочую проволоку перекусывают девочки. Продолжительность жизни – тридцать семь лет

у чукчей и эскимосов.

Казанцев В.В.: Почему такая низкая?

Попов И.Ф.: Вот именно, низкая, а потому, что там деревьев нет, кустарников нет, там травы нет, там только мох и камни.

Казанцев В.В.: Оттого, что фруктов и овощей нет, а что они едят?

Попов И.Ф.: В основном мясо, носят современную одежду, от которой у них сопли, понимаешь, до колен зелёные, и из ушей течёт. Это вместо того, чтобы надеть некрасивую меховую одежду, в которой ты будешь себя комфортно чувствовать, не замёрзнешь, и ничего тебе [плохого в ней] не будет. Ушёл охотник в тундру, его нет день, два, три. Его никто не ищет потому, что они не будут иглу делать. Он же с собачками пошёл [зачем ему иглу? Если холодно будет – он между собачками спать ложится]... А если его совсем нет, то, значит, ушёл к «верхним людям», понимаешь?

Казанцев В.В.: Там спокойно это воспринимают?

Попов И.Ф.: Да, спокойно, ушёл к «верхним людям», и там его не найдёшь, потому, что белый медведь его сожрёт. Ему тоже кушать хочется – Умка называется.

Казанцев В.В.: И собаки пропадают?

Попов И.Ф.: Конечно, собаки не возвращаются. Очень страшно, если они не в упряжке, дикие, но они не голодные.

Казанцев В.В.: Собаки там «лайки» или «хаски»?

Попов И.Ф.: Лайки в основном, «хаски» мало, все с голубыми глазами. «Американцы» предпочитают брать наших «лаек», ну, во-первых,

кровь, говорят.

Казанцев В.В.: А чем «лайки» лучше «хасок»?

Попов И.Ф.: Я не специалист, я не знаю. Не буду тебе говорить, хотя я...

Казанцев В.В.: У Шпаро в Карелии «хаски».

Попов И.Ф.: Это его дело, кто чего хочет в зависимости от... Ну, я не знаю.

Казанцев В.В.: Ясно.

Попов И.Ф.: Прилетают на лёгких самолётиках, понимаешь, на бензинчике которые...

Казанцев В.В.: Тоже из Америки?

Попов И.Ф.: Нет, наши. Японцы на воздушном шаре [были], но ждали ветра, который бы унёс их в Япономать... Не скучно было, понимаешь? Авдеева Вера Петровна [78]...

Казанцев В.В.: Она с «Метелицей» [79] там шла, да?

Попов И.Ф.: С «Метелицей» шла.

Казанцев В.В.: Вы встречались? Она с «Метелицей» дошла прямо до Берингова пролива?

Попов И.Ф.: Конечно, до Берингова пролива дошла, дальше она не пошла.

Казанцев В.В.: А девчонки, они дальше пошли?

Попов И.Ф.: Тоже не пошли. Не все пошли. Пошла японка одна, я ей лыжи сбивал, понимаешь. Пошла американка.

Казанцев В.В.: Мне Вера рассказывала эту историю, что-то там случилось, но я не помню.

Попов И.Ф.: Туда начальница их поехала, через пролив для свадьбы своей дочери с американцем, понимаешь. И вот они приехали к нам в Уэлен.

Казанцев В.В.: Ну, они наверно не

приехали, а пришли на лыжах?

Попов И.Ф.: У них был бронетранспортёр, у них были собачьи упряжки, и даже оленья была упряжка. И у них был вертолёт ещё впридачу.

Казанцев В.В.: И всё это они использовали?

Попов И.Ф.: Нет. Начальница их сказала: «Если вам будет некомфортно, вы только скажите. Мы изменим график движения, и т.п. и т.д.» Но ничего она не изменяла, гнала их. Поэтому, когда они доехали до этого самого, до Уэлена дошли, то получилось так. Как раз 8 марта они встречали у меня в комнате: все [были], и американка и японка.

Казанцев В.В.: В каком году это было?

Попов И.Ф.: В 1992 или в 1993, я уж не помню. А в 1994, уже в Москве, я пришёл к Саше Остапцу [80] работать.

Казанцев В.В.: Ну что же там произошло, почему дальше [Уэлена] Вера [Авдеева] не пошла [с «Метелицей»]?

Попов И.Ф.: Ну, Вера должна была им написать книгу об истории этой «Метелицы». И Вере пообещали автомобиль купить, подарить. Но там получилась такая фигня. Слишком заматерела вот эта начальница, которая не воспринимала то, что надо было воспринимать. Но там были хорошие люди. Ну, вот этот, написал хорошую книжку по безопасности. Как же его? Ну, в общем, учёный [81]. Ну, а та, тоже как раз готовила космонавтов, полковник, женщина. Вот. Ну, в общем, конфликт произошёл [у них в группе], и они решили не ходить [через пролив]. Потому что они задержались очень сильно, кстати сказать. Они стали лыжи ломать, которые

[раньше нормально] прошли и Антарктиду, и [другие их сложные походы]. Они думали так...

Казанцев В.В.: Они на «Бескидах» [82] ходили?

Попов И.Ф.: Нет, на французских [лыжах]. А по Антарктиде как они шли? Шёл [санный] поезд – тракторы с вагончиками, «Харьковчанки». Когда они («Метелица») замерзали, то туда – греться. Тоже едут. Отогрелись, взяли видеокамеру... Ну, вот и всё, понимаешь...

Казанцев В.В.: А Вера там участвовала?

Попов И.Ф.: Нет, Вера участвовала в Гренландии, по-моему.

Казанцев В.В.: Ну и что, вот они конфликтовали, разошлись, и вся эта история кончилась?

Попов И.Ф.: Да, и кончилась. Сели на вертолёт и улетели.

Казанцев В.В.: И после этого они уже не ходили [в походы вместе]?

Попов И.Ф.: Нет, они ещё куда-то ходили. Но уже всё, понимаешь? Это закат [спортивной карьеры этой группы] был. Потому что, надо быть человеком [в первую очередь]. Даже ребята, школьники [чукотские], и те почувствовали нехорошее отношение к ним. Что вот они, [якобы,] дикари, им апельсинов, мандаринов привезли, понимаешь. А ребятам [в Уэлене] и яблоки, и апельсины, и мандарины – всё время были, понимаешь? На столе были и бананы, понимаешь – избалованы, кстати сказать. Кстати сказать, ничего [сами] не умеют делать [в плане самообслуживания], потому что в интернатах учатся. Так что только пьют...

Казанцев В.В.: А когда в домах живут, они там к хозяйству привлека-

ются, более приспособлены?

Попов И.Ф.: Конечно.

Казанцев В.В.: Ну они там все в домах живут?

Попов И.Ф.: Все живут в домах. А в домах, понимаешь, дует. В яранге, там хорошо было, там не дует.

Казанцев В.В.: А в чумах они не живут?

Попов И.Ф.: В ярангах [чукчи традиционно всегда жили]. А [сейчас] яранг нету уже.

Казанцев В.В.: А летом они скотоводством занимаются?

Попов И.Ф.: Нет, [в Уэлене –] это [так называемые] «береговые» [чукчи живут]. Есть «береговые» [чукчи], а есть – «оленные». Вот скотоводством занимаются олени. У нас не было скота в посёлке. А олени в другом посёлке [были], там три–пять тысяч голов. [Чукчи], они [вообще-то] безразличные [ко всему]. У нас тоже там было, [«приключения» всякие]. Звонит мне, [например,] телефон среди ночи. Я быстренько хватаю [трубку], чтобы не разбудить завуча [в соседней комнате]... Я шепчу: «Алё, алё...» Женский голос: «Деда, мы, однако с тундры приехали». Я говорю: «Ну и что из этого вытекает?» На том конце: «Деда, там ничего не вытекает, там очень шибко холодно». Спрашиваю: «А я-то причём здесь?» В ответ: «Ну как, ты же деда умный человек, ты же знаешь где можно достать [водки]?». Я говорю: «Но есть же умнее меня!» Уточняют: «Это кто?» Я констатирую: «Ну, директор школы...» На том конце после небольшой паузы: «Он муд..., япона мать!!!»

Казанцев В.В.: А кто это звонил-то?

Попов И.Ф.: Женщина. Она па-

стух.

Казанцев В.В.: А почему тебе-то она звонила?

Попов И.Ф.: А потому, что у меня [в комнате] свет всё время горит. Я так [специально] сделал, [потому что небольшой «огород» на подоконнике развёл]. И огурцы у меня растут. Я говорю: «Ты знаешь, сейчас три часа ночи». «А что же ты делаешь, деда?» Я говорю: «Для твоей внучки сделал вот, задачки готовлю... Завтра буду спрашивать». «Ой, спасибо, что ты сделал, что ты приехал к нам. Мы тебя все любим. Но нет у тебя [из спиртного] ничего?» «Ну, вот есть у меня одеколна немножко». «Ну, я у тебя брала [уже], там немножко осталось, меньше чем на плоток». Ну, говорю: «К концу Красной Армии будут давать, к 8-му марта [тоже]».

Казанцев В.В.: А что с водкой [там] проблемы были? Свободно в магазине не лежала?

Попов И.Ф.: Нет. Им только раз в месяц бутылка полагалась.

Казанцев В.В.: На каждого?

Попов И.Ф.: На каждого.

Казанцев В.В.: По талонам что ли?

Попов И.Ф.: Нет, по деньгам, по списку. А денег нету. Деньги все на сберкассу переводят. По списку тебе там четыре банки капусты положено морской. Я пока иду туда [в магазин этот], я этой морской капусты [прямо на берегу океана] наберу, сколько хочешь. А тут [всего] четыре банки норма. 400 грамм конфет на месяц дают, понимаешь. Ну, я брал горошек, потому что хорошим детям, кто отвечает, я давал зелёный [горошек в качестве поощрения].

Казанцев В.В.: Но это ещё до революции было, до 1991-го года? Когда

на прилавках пусто было?

Попов И.Ф.: Нет, просто всегда там так было. Потому что [«северный»] завоз идёт один раз [в год]. Иногда бывает, что ледокол не пробил. Он же пошёл от Хабаровска, или от Владивостока, или от Находки. Он прежде в Магадан, потом в Петропавловск-Камчатский, потом он в Певек зайдёт, потом ещё куда-то, пока к нам дойдёт. А у нас там уже льды мощные. Всё [и нет завоза на следующий год].

Казанцев В.В.: А о [своих] родителях ты мне не рассказал.

Попов И.Ф.: Значит, родители... Мама в большой семье родилась. У деда, Василия Григорьевича, было 13 детей. Род [наш] – с губернского города. Хоть Лермонтов и сказал: «Тамбов на карте генеральной / Кружком означен не всегда...» В центре был огород, сад и двухэтажный дом. Значит, Катерину, старшую, в гимназии держали (учили). Дед был мастер большой, специалист по всем механизмам.

Казанцев В.В.: А мать, каким ребёнком по счёту была?

Попов И.Ф.: Значит, потом Катя была, потом моя [мама] Юлия – её уже дед не мог держать в гимназии. Потом была Зоя, потом два мальчишки, а потом опять девки пошли.

Казанцев В.В.: В каком году она родилась?

Попов И.Ф.: В 1902-м. Поэтому к моменту революции она была вот только-только... И в связи с тем, что там [в тех краях] голодающие были, в Поволжье мёрли люди, американская помощь была – так называемая «АРА». Помощь американских рабочих. И её за то, что она активистка, по-

могала разносить эту жвачку что ли, я не знаю, направили на учёбу. На учёбу её направили в сельскохозяйственную Академию в Москву. Где второй МГУ [83], куда я завтра еду, на Пироговскую. А парню дали направление в педагогический.

Казанцев В.В.: Какому парню?

Попов И.Ф.: А видимо это был отец мой, [будущий]. Понимаешь? И они обменялись. Можно было обменяться. Поэтому мать поехала туда, а сельскохозяйственный факультет окончил мой отец. Ну, в общем, факультет механизации и электрификации сельского хозяйства.

Казанцев В.В.: Отец откуда был родом?

Попов И.Ф.: Отец из станицы Цимлянская, донской казак. И где-то, когда было восстание, он крестьян поддержал. Ну, неправильно это было. И вот не то он был расстрелян... Ну, мамы тоже это коснулось, понимаешь?

Казанцев В.В.: А отца ты даже не знаешь? И в каком году это было?

Попов И.Ф.: В 1931-м или в 1932-м. Не знаю. А мама в педагогическом [училась], дошкольное отделение. А хотела она на русский язык и литературу, вообще-то. Одним словом, она вскоре стала работать в Наркомпросе, в этом Союзе. И где то с Надеждой Константиновной [Крупской] схлёстывались они. И ещё не закончив Второй МГУ – Ленинский институт, она была послана на Урал, в район Свердловска, в Садкинский район на подъём, как это Остапец говорил, «площадки». И где-то там, или когда приехала, она познакомилась с мужиком [одним]. Он ректор тюменского пединститута был. Ну, от него мой младший брат Алексей [родился].

Его фамилия Зуев Фёдор Ильич. Поэтому мне отчество дали Фёдорович. А тот-то, [настоящий мой отец], был Карпов Александр Иванович. Я знаю, что работала мама в Кратове.

Казанцев В.В.: И жил ты с мамой до какого возраста?

Попов И.Ф.: Ну, до войны. А потом получилась такая фигня. Она работала в школе деревенской, Горецкой неполной средней школе – семилетке, а рядом было имение, усадьба Рукавишниковых. Ну, там [работали] люди, которые помогали учёным: Жуковскому и так далее. И вот в рукавишниковской больнице я и родился, понимаешь. А в рукавишниковском туберкулёзном санатории, там детский дом после войны был.

Казанцев В.В.: Так почему ты в детском доме жил, а не с мамой?

Попов И.Ф.: Потому что получилось так, что [в эвакуацию] уезжал детский дом с мамой. Уезжал в две очереди. Когда война началась, уезжали прежде малыши. Лёшке тогда было лет пять, и они уехали [раньше], а я остался под присмотром [других воспитателей].

Казанцев В.В.: Сколько тебе тогда [лет] было?

Попов И.Ф.: Ну, девять лет.

Казанцев В.В.: Переехали вы в Казахстан?

Попов И.Ф.: Нет. Прежде приехали на Средний Урал.

Казанцев В.В.: Ну там-то вы с мамой встретились?

Попов И.Ф.: А мамку, как говорит Юлия Васильевна, отправили дальше...

Попов И.Ф.: Вот стихи обо мне. Восьмого марта 1993 года участница Полярного перехода «Евразия – Аме-

рика» через подвижные льды Берингова пролива лыжной экспедиции команды «Метелица» **Вера Петровна Авдеева:** [78]

**Дружба с Игорем
Фёдоровичем Поповым
от Чукотки до Кавказа
не подвела меня ни разу!**

В поход отвести он любого готов:
Детишек, географов, группу из вдов,
Больших, и не очень, любителей леса
Он водит. И сразу фиксирует пресса,
Как мощно и здорово сдвинул засов
В сознании масс этот Игорь Попов.

И всех, кого вёл, он приблизил к науке,
К науке прожить без болезней и скуки.
Да здравствует дело его и он сам –
Водящий людей по дремучим лесам!

На фото, что снято лет сорок назад,
Глаза у Попова всё так же горят.
А рядом и я – пионерка ещё,
И правит страной Никита Хрущёв.

С тех пор пронеслись очень разные годы,
Но всё ж, невзирая на вой непогоды,
Тем более - под расслабляющий штиль,
Обоих ещё нас не сдали в утиль.

Я радуюсь каждой нечаянной встрече.
И радуюсь, если я встречу намечу.
И жду воскресенья – от кромки лесов
В маршрут через чашу уходит Попов.

Вот счастье! Да кто ж за такое осудит?
Да, есть на Земле интересные люди,
Которые знают, куда нам идти.
Пусть звёзды им будут подмогой в пути!

1993 г.

Я свой 70-летний юбилей встретил
на Байкало-Амурской магистрали.
Возвращались мы из похода. Поэтому

пишу: «По окончании каникул в ноябре 2002 года в помещении МосгорСЮТура, я бы сказал – торжественно и пышно, отметили мой 70-летний юбилей. Спасибо всем вам, мои дорогие друзья».

25 августа 2002 года мой день рождения на БАМе был солнечным. Голубые рельсы несли наш длинный поезд, извивающийся вокруг сопок, по мосту через величайшую сибирскую реку Лену. Ощущение торжественной музыки испытали все участники похода под звуки органа, которые извлекли колеса из огромного железнодорожного моста. Таким я запомнил свой день рождения в пути, возвращаясь из похода третьей категории сложности домой в Москву. А принародно большинство моих друзей могло собраться только в осенние каникулы. Вручили дипломы, грамоты, денежную премию в 5000 руб. из которых на развитие МКК сразу же пожертвовал тысячу рублей. Назвали «Заслуженным путешественником России», от Федерации значок пристегнули, который очень скоро отстегнулся и потерялся в пыли планеты Земля. А Наташа Комарова (Мочарная Наталья Алексеевна) умудрилась успеть здесь, в зале, написать на трёх страницах не своим врачебным, а красивым почерком, это сердечное письмо, в котором может быть нечаянно, но отразила самую сущность моей работы в туризме. За что спасибо вам, выросшие дети.

Значит, что она пишет: «Дорогому путешественнику и воспитателю. Поздравляем Вас с присвоением звания «Заслуженный путешественник России». Так, как оно наиболее соответствует делу Вашей жизни.

Кто такой путешественник? Пу-

тешественник – это тот, кто ходит по маршруту, даже если он проложен не по дорогам и тропам, а просто по азимуту. Маршрут надо проложить, пройти, отметить на карте, описать в отчёте. Бывают варианты и их много: первопрохождения, различные категории, виды препятствий, которые преодолеваются в горах. В горах – вершины, на реках – пороги, на равнинах – расстояния. *«Холод, дождь, мошкара, жара – не такой уж пустыяк».*

Путешествия – это образ жизни, это мировоззрение, это состояние души человека с рюкзаком. Путешественник – это идущий по пути, по жизненному пути. Путешествием так же является и твоя жизнь. И она в конечном итоге будет такой, какие маршруты ты выбирал, что ты берёшь с собой, и как ты их проходишь. Путешествие – это сумма всех твоих маршрутов в течение жизни. Сойти с маршрута можно лишь в крайнем случае. Только если ты явно пошёл не туда.

Путешествие может быть длительным и сложным, а может быть коротким по времени и небольшим по расстоянию. Путешествием может стать прогулка в саду или парке. В путешествии мы можем отправиться сидя у реки, уплывая мыслями вслед за бурлящей водой, торопящейся к океану. Или сидя у костра, и улетающая вслед за искрами к небу, и путешествуя уже по звёздному Млечному пути. Человек путешествует во сне. Но просыпаясь, он часто не может вспомнить, за каким опытом отправлялась его душа во сне. И заканчиваем мы наше путешествие после жизни. Существуют миры, в которые мы отправляемся после земной жизни.

Как же мы можем отличить, когда

путешествуем, а когда нет? Оказывается, в путешествии всегда происходит открытие. В путешествии человек изменяется, он делает попытку преодолеть своё ограничение и свои недостатки, которые ему мешают идти по жизни вперёд. А продвигаясь по пути вперёд, человек открывает новые грани для себя, учится у природы, становится её другом. Наша группа называется «Горизонт», это очень хорошее название для путешественников. Ты стремишься к горизонту, а он, как только приблизишься, опять отодвигается. Это возникает, и когда решаешь в жизни какие-то задачи. Казалось бы, цель близка, а потом возникают новые проблемы. И твоя цель опять недостижимо далека. Так же и с поиском истины. И с далёких времён нас успокаивают мудрецы, которые говорили: «Путь к истине и является истиной». А ещё они говорили: «Ты бы не искал меня, если бы уже не нашёл».

Новые открытия, новое понимание себя и окружающих, никогда не даются без усилий, без труда, не преподносятся на блюде. Надо преодолеть себя, пройти тернистый путь. *«Через тернии – к звёздам!»* – учили Вы нас... Мы вечером, уставшие, но довольные, собирались у костра и пели:

Вслед за песней позовут ребята,

В неизвестные ещё края,

И тогда, над крыльями заката

Вспыхнет яркой звёздочкой мечта моя...

Вот тогда у нас и родилась мечта о настоящей дружбе и любви. И ещё удивительно, что многие из нас так и несут в сердце эту мечту. Несмотря на наши и Ваши седины, и шрамы от испытаний на тернистом жизненном

пути.

Получается, кроме того, что Вы сами шли, Вы и нас, совсем детей, брали в серьёзные путешествия. «Учитель воспитывает ребёнка своей личностью» – написали Вы в каком-то из официальных писем кабинетным чиновникам, воспитывающих из своего уютного кресла. Как вы мне напомнили слова великого педагога, которого вынуждена была признать официальная педагогика из-за его отеческой жизни – Януша Корчака [84]. «Мы не даём вам Бога, ибо каждый из вас должен сам найти его в своей душе, не даём Родины, ибо вы должны её обрести трудом своего сердца и ума, не даём любви к человеку, ибо нет любви без прощения, а прощение есть тяжкий труд и каждый его должен взять на себя. Мы даём вам одно – даём стремление к лучшей жизни, которой нет, но которая когда-то будет. Жить по правде и справедливости. И может быть, это стремление приведёт вас к Богу, Родине и любви».

Игорь Фёдорович, спасибо Вам, что Вы взяли нас в поход, поверили в нас, совсем этому недостойных, научили нас путешествовать, дав нам напутствие, с которым мы идём каждый по своему жизненному пути. «Дружба и братство – дороже богатства» записали мы в своих дневниках в «Крупинках туристской мудрости». Благодаря этой простой истине, которую каждый из нас, как может, бережёт в своём сердце, мы не только легче справляемся с жизненными проблемами но и помогаем другим людям, идущим с нами рядом».

Комарова Наташа – воспитанница группы «Горизонт» с 1969 года. Врач, мать двоих детей-туристов – тоже вос-

питанников «Горизонта».

70-летие И.Ф. Попова 25 августа 2002 года.

Вручено юбиляру 16 ноября 2002 года в МосГорСЮТуре [85]

И ещё мне был посвящён стих, прочитанный уже на 75-летие:

Ученики группы «Горизонт» к 75-летию И.Ф. Попова

Вы рождены под знаком Девы,
С её мятущейся душой,
Любви чудесные напевы
В дорогу звали за собой.
Кавказ, Саяны, Апатиты
И милый каждому Байкал –
Всё было Вашим аппетитом,
И стал «Поповым» перевал. [86]
Мужчина с возрастом приятен,
Ваш возраст – славное вино:
Букет с годами ароматней,
И всё почти что решено.
Почти... мы ставим многоточье,
Вас манит новая звезда – за горизонт,
И снятся ночью земля другая и вода.
Чукотка в прошлом, тут же Кольский
А Вы, прищулив хитрый глаз,
Вдруг позовёте: «Друг, Дзвонковский
Айда, к Венере иль на Марс!»

Это мне было в Сокольниках зачитано 25 ноября 2007 года.

Казанцев В.В.: Умница Ваша Наташа Комарова. Завтра вечером заеду к тебе после МКК.

Попов И.Ф.: Хорошо, если этот текст отпечатается... Вот в чём фигура: почему завтра МКК, завтра [ведь] только вторник? [88]

Казанцев В.В.: Завтра вторник, точно! Завтра – вторник.

Попов И.Ф.: Я же не знаю, как ты планируешь, на сколько страниц [номер журнала делать]. Понимаешь, я считаю, старые фотографии без толку [публиковать], так как в типографском варианте они блёкнут. Знаешь, мой юный друг, будем прямо говорить, я всё, что мог, тебе рассказал, а более – поспрошал бы ты у людей. С другой стороны, чего Веру Петровну спрашивать – она всё написала в своих стихах.

Казанцев В.В.: Игорь Фёдорович, ты обещал людей перечислить и телефоны дать, тех, кто может что-то [о тебе] рассказать. Я не успел записать, как там...

Попов И.Ф.: Сейчас, найду... Во-первых, не в этом дело, я записал [тебе в список для дальнейшего сбора материалов в журнал] Авдееву Веру Петровну [78], Бондаренко Светла-

ну [89], Сергея Дзвонковского [87], Вадима Шахновича [90], Шенкман Донару Аркадьевну [91], Харина Павла Вячеславовича [92], который в МосгорСЮТуре [85] работает.

Казанцев В.В.: Павла Харина я знаю по работе, но я не знал, что он твой ученик.

Попов И.Ф.: Вот знай, талантливый учитель химии, [но] получилось так, что он по воле судьбы работает у Слесаревой [93].

Казанцев В.В.: Игорь Фёдорович ещё вопрос, в тех бумагах, которые я получил от тебя, там есть статья с оборванными страницами. Третьей страницы нет, а называется она «Подари себя людям». Кто это писал?

Попов И.Ф.: Я не помню. Помоему её написал «гастролёр», который у нас работал недолго в «Родине» у Остапца, который вроде бы был [на-

печатан] и в журнале «Турист». Он плохо написал, не то он написал. Он хрень написал. Это было тогда, когда я только пришёл [работать] в «Родину». Остапец даже забыл, что я вместе с ним работал в МОПИ [94], понимаешь... А вообще Саша Остапец был очень доверчивым, потому как был открытым для всех человеком.

Казанцев В.В.: Бондаренко, Харин кто ещё?

Попов И.Ф.: Мне сегодня звонил Игорь Некрасов [95], [надо] спросить его о велосипеде, [о] его подруге. Позвонил ... решил ли Казанцев подобрать вариант письма, стихи, которые приходили к юбилею.

Казанцев В.В.: Да, да, да. Мне очень это пригодится.

Попов И.Ф.: Я и пишу, пусть перестанет меня мучить, пусть всё спросит у детей и людей разных поколений: Шенкман Донару Аркадьевну, её телефон 8(432)-XXX-XX-XX домашний, работает в Центральном округе, 1928 года рождения. Она всё знает, и обо мне всё знает, одним словом. Вот так вот. Авдеева Вера Петровна обо мне много знает и многое тебе порассказать может – телефон её тебе нужен?

Казанцев В.В.: Вроде бы у меня есть, но мы уже давно не общались; было время – вместе в Хибины на лыжах ходили...

Попов И.Ф.: Запиши Петровны телефоны:
домашний: 8(499)XXX-XX-XX,
мобильный: 8(903)XXX-XX-XX

Харин Пашка: 8(903)XXX-XX-XX
Шахнович Вадим Игоревич, 1 февраля 1963 (под пятьдесят ему, недавно отца схоронил): 8(916)XXX-XX-XX.
Аня Игонина [96], дочь Волковой Тани (подруги Н. Мочарной) и Димы Игонина. [Она] учительница иностранного языка плюс преподаёт информатику, плюс учитель года, сейчас сидит с маленьким Васькой, всё расскажет, как на духу – Ане позвони...

Казанцев В.В.: Игорь Фёдорович, как ты представляешь, я наберу номер телефона и скажу: «Аня...»

Попов И.Ф.: Ну, да. Она же совсем молодая, Анна наша, молодая совсем! Мобильный телефон её:

8(903)XXX-XX-XX,
домашний – 8(341)XXX-XX-XX.

А ещё девочка наша, Ира Якшина: она была в «Горизонте», [ещё] когда была ученицей, [потом] пионервожатой, [потом] организатором внешкольной работы. А сейчас она – директор школы нашей, в Гольяново, сейчас она уж и не Ира вовсе, а она у нас – Ирина Михайловна Забудская. Время бежит безвозвратно... Ничего не поделать, время не остановить, а, значит, оно при наших усилиях, при добросовестном вкладе в общее дело каждого из нас, должно работать на нас, на наших детей, внуков, на наших правнуков, на нашу с тобой страну, на нашу Родину – Россию нашу...

2012 г.

*Фотографии – из личного архива
В.В. Казанцева*

Примечания:

[56] Девиз спортивно-туристского детско-юношеского клуба «Горизонт», под руководством Игоря Фёдоровича Попова.

[57] **Ярошенко Виталий Владимирович** – педагог, ветеран детско-юношеского туризма, один из организаторов московского детско-юношеского туризма (некоторое время работал директором МосгорСЮТур). Туристский стаж с 1951 года. Мастер спорта СССР, старший инструктор-методист по туризму, судья 1-й категории. В качестве руководителя совершил свыше 240 многодневных походов, 14 из них – высшей, пятой категории сложности (по классификации тех лет. – прим. ред.) Председатель тренерского совета спортивно-туристского клуба «Лидер» (объединение туристских клубов «Полянка», «Товарищ», «Искра»).

[58] «Единица», «двойка», «тройка» и так далее – бытующее среди спортивных туристов наименование категорийных походов первой, второй, третьей и других категорий сложности.

[59] **Каптерев Пётр Фёдорович** (1849–1922) — выдающийся российский и советский педагог и психолог, основоположник отечественной педагогической психологии.

[60] **Лейцингер Рудольф Рудольфович** (1843–1910) – выходец из Швейцарии, предприниматель, один из инициаторов и организаторов «Кавказского Горного Общества в Пятигорске» (1902), первой в России общественной организации туристов и путешественников. «Дедушка русского альпинизма» и основатель школьного туризма в России.

[61] **Российская Международная Академия Туризма**, расположена недалеко от ж/д станции «Сходня» в г. Химки.

[62] **Курбатов Юрий Дмитриевич** – педагог, кандидат в мастера спорта и инструктор туризма. Был участником нескольких походов под руководством И.Ф. Попова и работал вместе с ним в Восточном административном округе Москвы.

[63] Сейчас уже непонятно, что имел в виду Игорь Фёдорович: мобильный телефон, компьютер или навигатор...

[64] **Каменецкий Юрий Авсеевич** – педагог, ветеран московского детско-юношеского туризма. Работал туристским организатором Перовского района Москвы и заведующим методическим кабинетом отдела туризма Московского городского Дворца пионеров и школьников.

[65] **Фрироуп** – новый вид спорта, придуманный в России. Это преодоление дистанций, созданных на деревьях или искусственных опорах из веревок, досок, покрышек. Простые правила: не коснуться земли от старта до финиша.

[66] Тут Игорь Фёдорович в своих расчётах явно ошибся, завывсив эту оценку.

[67] **Гайлит Ирина Теодоровна** – педагог, Заслуженный учитель России, Мастер спорта и старший инструктор по туризму. Работала заведующей отделом туризма МосгорСЮТур, внесла значительный вклад в развитие московского детско-юношеского туризма.

[68] **Стрельников Олег Михайлович** – свыше 30 лет работал инструктором физкультуры, тренером по туризму в ДСО «Спартак». С 1975 по 1980 г. работал

в отделе Международных альплагерей Спорткомитета СССР, старшим тренером МГС ВДФСО «Трудовые резервы», старшим тренером по подготовке сборных команд Москвы и Московской области Призер Чемпионата СССР по горному туризму. Мастер спорта СССР по туризму (1971 г.)

[69] **Безенгийская пила** (Безенгийская стена) — одна из величайших стен Кавказа. Она возвышается с юга над ледником Безенги и имеет перепад высот около 2 километров и протяженность около 12 км. Вся стена состоит из шести вершин, из которых два пятитысячника (если считать только главные вершины): Шхара Восточная (4.866), Шхара Главная (5.068), Шхара Западная (5.057), пик Шота Руставели (4.960), Джанги-Тау Восточная (5.038), Джанги-тау Главная (5.085), Джанги-Тау Западная (5.058), Катын-тау (4.970), Гестола (4.860) и Ляльвер (4.350).

[70] **Плоткин Дмитрий Владимирович** – педагог дополнительного образования ГБОУДО ДТДиМ имени А.П. Гайдара, член-корреспондент общественной организации «Международная академия детско-юношеского туризма и краеведения имени А.А. Остапец-Свешникова».

[71] **Васюнин Николай Алексеевич** – фотограф Российского самолётостроительного концерна «МиГ», инструктор детско-юношеского туризма. Около 15 лет (с 1998 года) в качестве второго руководителя водил детей в походы вместе с И.Ф. Поповым.

[72] **Маслов Анатолий Григорьевич** – кандидат педагогических наук, начальник Федерального ресурсного центра ФГБОУ ДОД ФЦДЮТиК.

[73] **Бостанжогло Михаил Михайлович** – экс-директор Федерального центра детско-юношеского туризма МОН РФ.

[74] **Константинов Юрий Сергеевич** – с 1982 года работал директором Центра детско-юношеского туризма и краеведения Министерства образования России. С 1997 года Ю.С. Константинов является вице-президентом Федерации спортивного ориентирования России. Почётный член ФСО России. Награждён почётным знаком «Заслуженный учитель Российской Федерации», в 2003 г. защитил докторскую диссертацию по педагогике.

[75] **Гедонизм** – (др.-греч. ἡδονή — «наслаждение», «удовольствие») — аксиологическое учение, согласно которому удовольствие является высшим благом и смыслом жизни, единственной терминальной (целевой) ценностью (тогда как все остальные ценности являются инструментальными, то есть средствами достижения удовольствия). Гедонизм утверждает, что является ценным, но при этом не делает предписаний, как должны вести себя люди. Гедонизм сам по себе не является законченной моральной системой, он лишь может служить ценностным основанием для построения такой системы. Гедонизм, в отличие от утилитаризма, допускает и чисто личное, эгоистическое стремление.

[76] **Йглу** – (iglu) на языке индейцев Северной Америки – куинзи – зимнее жилище эскимосов. Сооружение из плотного ветрового наста, имеющее полусферическую форму; выдерживает экстремальные ветровые и холодовые нагрузки заполярной зимы.

[77] **Лукоянов Пётр Иванович** – Заслуженный мастер спорта России, Старший инструктор-методист по туризму. Участник Великой Отечественной войны

1941–1945 гг., прошел путь от лейтенанта до полковника, был ответственным офицером Генерального штаба Вооруженных сил СССР. Окончил две военные академии и ушел в запас в звании полковника. Награждён многими боевыми орденами и медалями. П.И. Лукоянов внёс значительный вклад в развитие спортивного лыжного туризма в стране. Он стоял у истоков организации туристских полярных путешествий к Северному Полюсу, лично организовал и провел несколько сложнейших лыжных переходов по дрейфующим полярным льдам. Много сделал в области разработки специального снаряжения для обеспечения безопасности туристских походов. Большое внимание уделял воспитанию и обучению юного поколения. Неоднократно возглавлял главную судейскую коллегию на соревнованиях и слётах детско-юношеского туризма.

[78] **Авдеева Вера Петровна** – педагог, ветеран детско-юношеского туризма, Мастер спорта СССР и старший инструктор-методист по туризму. Много лет работала методистом в отделе туризма Московского городского Дворца пионеров и школьников на Ленинских Горах, а затем – с И.Ф. Поповым в Доме пионеров Сокольнического района Москвы. В этом номере журнала есть её рассказ о встрече с Поповым в Уэлене.

[79] **«Метелица»** – женская спортивная группа лыжниц, совершившая несколько уникальных лыжных походов высших категорий сложности в условиях Заполярья, в частности к Южному Полюсу (Антарктида) и переход «Евразия – Северная Америка» через Берингов пролив, о котором есть упоминание в этом выпуске журнала.

[80] **Остапец-Свешников Александр Александрович** – педагог, Мастер спорта по туризму (1964), автор ряда книг по туризму и краеведению. Один из самых ярких представителей и организаторов педагогики детско-юношеского туризма и краеведения. Доктор педагогических наук, автор первой диссертации по педагогике, посвящённой детско-юношескому туризму. Создатель, идеолог и первый президент Международной Академии детско-юношеского туризма и краеведения (МАДЮТК). В память о его большом вкладе в науку о детско-юношеском туризме и краеведении президиум Академии учредил ежегодную медаль его имени, Академия с 2013 года носит имя А.А. Остапец-Свешникова.

[81] Вероятно, И.Ф. Попов имеет в виду книгу **Виталия Георгиевича Воловича** (1923–2013), участника Великой Отечественной войны, полковника медицинской службы в отставке, доктора медицинских наук, профессора. Он был первым человеком в мире, совершившим в 1949 году, вместе с А.П. Медведевым, прыжок на парашюте на Северный полюс. В 1960–1980 гг. в качестве старшего научного сотрудника Института медико-биологических проблем участвовал в советской космической программе, готовил экипажи космических кораблей по программе выживания при аварийном приземлении (или приводнении) в произвольной точке земной поверхности. Автор 19 книг и около 300 научных работ. Наиболее известны из них «Жизнеобеспечение экипажей летательных аппаратов после вынужденного приземления и приводнения», «Человек в экстремальных условиях», «С природой один на один», «Академия выживания».

[82] **«Бескиды»** – деревянные туристские лыжи с металлической окантовкой,

выпускавшиеся в СССР на фабрике в г. Мукачево (Молдавия). В советские годы считались лучшими лыжами для лыжных походов высших категорий сложности. Именно на таких лыжах в те годы совершены, в частности, первые в мире переходы по дрейфующим льдам, в том числе – первый автономный лыжный переход на Северный Полюс.

[83] **«Второй МГУ»** – так после 1917 года непродолжительное время называли Московские высшие женские курсы, позже переименованные в Московский государственный педагогический институт имени В.И. Ленина.

[84] **Корчак Януш** (1878–1942) – (польск. Janusz Korczak; настоящее имя Эрш Хёнрик Гольдшмит) выдающийся польский педагог, писатель, врач и общественный деятель. Погиб в концлагере Трешлинка, отказавшись от предложенной в последнюю минуту свободы и предпочтя остаться с детьми, своими воспитанниками, приняв с ними смерть в газовой камере. Педагогическая деятельность Корчака основана на формировании в детском коллективе и у отдельных воспитанников навыков самопознания, самоконтроля, самоуправления.

[85] **МосгорСЮТур** – ГОУ Московская городская станция юных туристов – ныне всего лишь структурное подразделение Московского городского экологического центра, к нашему великому сожалению...

[86] В.И. Шахнович по праву первопрохождения назвал безымянный перевал Большого Саянского хребта в честь И.Ф. Попова. Этому событию посвящён рассказ В.И. Шахновича «Алаверды», представленный в данном номере журнала.

[87] **Дзвонковский Сергей Леонидович** – ученик И.Ф. Попова с 1983 года, пришёл к нему ещё семиклассником. Ходил с ним в походы в качестве второго руководителя особенно много в последние годы (2000–2014).

[88] Традиционное время проведения заседаний МКК МосгорСЮТур – по средам.

[89] **Бондаренко Светлана Ивановна** – заведующая методическим кабинетом самодеятельного туризма Московского учебно-методического центра ИПК РТЭО. Ученица И.Ф. Попова с 1973 г.

[90] **Шахнович Вадим Игоревич** – ученик И.Ф. Попова с 1978 года, часть его воспоминаний об Учителе опубликована в этом выпуске журнала.

[91] **Шенкман Донара Аркадьевна** – ветеран московского детско-юношеского туризма: работает в этой области с 1947 года (школы №№ 40, 587, 23, 533, 45). Всегда много внимания уделяет подготовке похода, его содержанию, пропаганде туризма и краеведения среди учителей и учащихся. С 1963 по 1978 год работала на Московской городской детской экскурсионно-туристской станции. Участвовала в проведении туристских слётов и соревнований. Инструктор пешеходного туризма, судья первой категории по туризму. Неоднократно её команда была победителем пешеходного Первенства. Игорь Фёдорович Попов дружил с Донарой Аркадьевной, очень её ценил, много о ней рассказывал коллегам и ученикам.

[92] **Харин Павел Вячеславович** – педагог Государственного бюджетного образовательного учреждения дополнительного образования города Москвы «Московский детско-юношеский центр экологии, краеведения и туризма» (бывшая МосгорСЮТур). Ученик И.Ф. Попова с 1969 года.

[93] **Слесарева Людмила Петровна** – в 1990–2000 годы директор ГОУ «Московская городская станция юных туристов», авторитетный организатор столичного детского туризма, кандидат педагогических наук.

[94] **МОПИ** – Московский областной педагогический институт имени Н.К. Крупской

[95] **Некрасов Игорь Борисович** – педагог, ветеран детско-юношеского туризма Москвы, награждён знаками «Отличник образования», медалью «Ветеран труда», лауреат Гранта Москвы в области образования.

[96] **Игонина Анна Дмитриевна** – ученица И.Ф. Попова; её родители (оба) – тоже ученики Игоря Фёдоровича из первого набора группы «Горизонт» (1969).

ПОПОВ Игорь Фёдорович, педагог дополнительного образования, руководитель детско-юношеского туристско-краеведческого клуба «Горизонт», академик Международной Академии детско-юношеского туризма и краеведения им. А.А. Остапец-Свешникова, старший инструктор-методист по спортивному туризму, Заслуженный путешественник России

г. Москва

КОСТЕРЕВ Николай Александрович, зам. директора по научно-методической работе ГБОУ Центр внешкольной работы «Раменки», Отличник народного образования, главный редактор сайта «Методический центр по туризму», член редсовета журнала «Родина-Ру», кандидат в мастера спорта, старший инструктор по спортивному туризму

г. Москва

МЫ НА ПРАВИЛЬНОМ ПУТИ...

ИНТЕРВЬЮ Н.А. КОСТЕРЕВА С И.Ф. ПОПОВЫМ В БОЛЬНИЦЕ № 51 25 СЕНТЯБРЯ 2012 г.

Пояснение: квадратными скобками [] выделены фрагменты, восполненные редактором слова участников диалога – для лучшего понимания смысла текста. В ряде случаев, если редактор сомневался в правильности понятого текста, он ставил в конце квадратных скобок вопросительный знак. В круглых скобках, курсивом – комментарии от редакции.

Костерев Н.А.: Приказано – выпить. Я не знал какой, поэтому выбрал общий, если много, поделишься с доктором.

Попов И.Ф.: Замечательно. Нефига пить с доктором. Доктор пойдёт домой – пить какао.

Костерев Н.А.: Сегодня [может быть и пойдёт]. Они такие доктора, ещё завтра придут.

Попов И.Ф.: Она только сейчас пришла на утренний обход. Она моего соседа хотела отправить в Боткинскую больницу. На самом деле, судя по разговорам, она соображает. Она профессионал.

Костерев Н.А.: Главное дело, что есть профессионал, которому можно доверять.

Попов И.Ф.: Так что тебе большое спасибо и за хорошие цветы. Они ещё постоят у неё. Спасибо, спасибо, Коля тебе, что заехал сюда.

Костерев Н.А.: Ты не скучай тут. Когда тебя отвезут к этому?...

Попов И.Ф.: Как только у них освободится место. Там я проведу некоторое время, потому что так через какие-то приборы проходить надо. Мой сын, Алексей, не очень хорошо к этому отнёсся. От меня отказываются все, Бакулевский, Пироговский, Сеченевский... Второй раз я сюда попал. Первый раз [много лет назад] с отмо- роженными ногами, должны были ампутировать. Всё нормально, Николай Александрович. Я спокойно [к этому] отношусь.

Костерев Н.А.: Я тоже доверяю ей, как специалисту.

Попов И.Ф.: [Доктор говорит:] «У нас Вы будете три недели не меньше...»

Костерев Н.А.: После того, как...

Попов И.Ф.: Я понимаю, там сразу будет реанимация. Одним словом, я спокойно отношусь. Есть какое-то волнение, как всегда... Она говорит конкретно. Многие не понимают её юмора. Она говорит: одышка. Я сегодня с полтретьего до полшестого сидел [спать не мог из-за одышки]. У нас электрические кровати у каждого, которые по триста семьдесят [тысяч рублей?] каждая [стоит?]. На них можно ездить по коридорам. Врач подошла ко мне, потыкала [в кнопки на этой кровати] – не получается [её оживить]; нужна другая кровать. Вот товарищ сейчас уйдёт [из больницы, и кровать должна его освободиться]. Мужик этот доносит главному врачу на неё.

Костерев Н.А.: Надо принести нормальный тройник. Это тебе всё, Игорь Фёдорович.

Попов И.Ф.: Иди, пей чай, тебе большое спасибо.

Костерев Н.А.: Подумай, чем три недели будешь заниматься? Пиши мемуары.

Попов И.Ф.: Понимаешь, не пишется почему-то.

Костерев Н.А.: Вот видишь штука, вот потрогай её. Это магнитофон. На твои деньги таких можно много купить.

Попов И.Ф.: Не буду, не буду. У меня есть, если я где-то упаду, то мог бы сказать, где меня подобрать. Я, грешным делом, очень хочу написать следующую разработку, но я в цейтноте: «Разработка туристского маршрута как вида искусства». Но искусствоведы разнесут и в хвост, и в гриву, понимаешь.

Костерев Н.А.: Это телефон... Пусть разнесут. Только не вид искусства, а вид творчества, тогда это будет правильно.

Попов И.Ф.: Творчество такое и такое, а когда такое... И когда я слы-

шу, как выдавал на своих лекциях тот же Щербина Сашка, я с ним согласен. Я не согласен был с Остапцом, потому, что это не самоуправление, а соуправление. Как Вера Авдеева?

Костерев Н.А.: Я видел её недавно на концерте. У человека три недели отдыха, надо взять тетрадочку, листочки и писать хотя бы обрывки мыслей.

Попов И.Ф.: Ты, понимаешь. Я обрывками [и] пишу. Корова хорошо щиплет всё, а овца – то здесь, то там. Мне «моча в голову стукнула», я написал какую-то фразу, [а] потом какое-то слово я [вдруг] забыл. Я беру энциклопедию, начинаю искать это слово. Я его нашёл, [а] у меня уже склероз [– забыл о чём писал]. Восемьдесят [лет] и один месяц [мне]. Если ты убедишь этого Михал Михалыча, – а говорят, у него спортивный туризм был когда-то, – убедишь в том, чтобы он прочитал мой отчёт, первую половину, внимательно. Первая половина очень перегружена, я именно к истории «Родины». Почему к истории [Центра] «Родина»? – потому, что она специализирована. Специализирована, как станция юных туристов. Очень хорошие отчёты сдали МЧС-ники, из Южного округа, которые ведут занятия в интернатах по программам МЧС. Там какую-то программу сделали Дрогов и Маслов.

Костерев Н.А.: «Школа безопасности» [называется].

Костерев Н.А.: Под эту марочку ведут свои кружки. У них ещё военный поиск, но военный поиск – это немножко не то. Слава Богу, что этим [тоже] занимаются.

Костерев Н.А.: С Гавриловым давно не общался? Гаврилов у вас этим

там занимается.

Попов И.Ф.: Гаврилов привёл целую кофлю ко мне на семинар. Они не всегда бывали [на занятиях], семинар очно-заочный.

Костерев Н.А.: Работу написали – [это] самое главное, и сводили детей в поход.

Попов И.Ф.: Но Гаврилов халтурщик ужасный, такой халтуры я не видел ни разу в своей жизни. Он ездит на БАМ всего-навсего до Братска. От Братска до какой-то большой станции на БАМе, которая уже давно... (*В палату вошла какая-то женщина*) ... Я тоже, молодец. Мне сегодня 80 лет и один месяц и он пришёл меня поздравить. Вся Москва знает, что Костерев такой человек.

Костерев Н.А.: Про БАМ ты мне рассказывал.

Попов И.Ф.: Про БАМ. Сажусь в автобус и еду на экскурсию. Дорога дальняя, до Бородино. Разговариваю с водителем. Он в процессе беседы спрашивает: «А вы знаете Гаврилова?» Я говорю, знаю. Водитель говорит, что его сын ездил с ним на БАМ [в поход] четвёртой категории сложности, новичок... (*И.Ф. смеётся*). Он ехал другой стороной Байкала, не этой стороной Байкала, [западной], а той, [восточной]. Я в 1961 году работал в школе-интернате, [ездили мы] в тот заповедник. Как он сейчас называется?... ну Бог с ним (*Баргузинский заповедник – прим ред.*) Мы в заповедник ходили. Там медведи чуть ли не ручные, дорога там нормальная для велосипедистов. Он рассказывает такие сказки, что нафиг туда никто никогда не пойдёт, тем более на велосипедах. Ну, вот, а папа мне рассказывает всё про сына и [про] всё остальное... Слу-

чайно. Правда, я знал Зарайск, южнее... в общем, халтура.

Костерев Н.А.: Ну, а ребята его как, которые приходят?

Попов И.Ф.: Понимаешь, ребята дисциплинированные, нормальные.

Костерев Н.А.: Раз профессионалы, МЧС-ники.

Попов И.Ф.: Да, он их учит, награждает медалями и орденами, у него есть такая возможность.

Костерев Н.А.: Человек должен расти.

Попов И.Ф.: Ну, Слава Богу, дети не болтаются. Я не против всяких разных вариантов, я только против имитации туризма. (Стучит по папке). У меня здесь и написано в отчёте, что мы в России Федеральный центр пытаемся возродить, спортивный туризм, как было [в СССР]. Понимаешь? Здесь разговор будет о возрождении спортивного туризма. Тем более, на самом деле, значит, у нас семинар; там четыре вида [занятий]: начальный, базовый, средний и высший [уровни]. Начальный – это как-бы НТП, базовый – это второй разряд, третий – кандидат в мастера, четвёртый – мастер спорта. В большом туристском сборнике [написано], что мы не к начальному относимся, а к базовому.

Костерев Н.А.: [Да, к] базовому.

Попов И.Ф.: Уже хорошо. В своё время, я говорил, Шлякову: «Валя, с..., что же ты делаешь? У них меньше, у них только девяносто [учебных] часов [в программе], но ты пойми то, что мы даём людям. Это [же] учителя, педагоги, [они] в педагогическом вузе проходили [и] педагогику, и психологию; а у тебя [в предлагаемой учебной программе по туризму] всего там два часа. Нельзя, так делать.» Мне могут

[программу] там не утвердить. Слава [Титов?] слабо относился к этому: если в одном месте платят на три рубля больше, [значит] надо переходить туда. [А он мне в ответ:] «Игорь на наш век туристов хватит!» Я взял [к себе в группу] несколько его учеников [которых он от себя погнал]. Два года со мной [из-за этого] не разговаривал. Это Маринка Каменева, которая была директором книжного магазина напротив Моссовета, рядом с Юрием Долгоруковым. Таньку Данилкину...

Костерев Н.А.: Данилкина вела кружок в школе, где училась ваша, на месте олимпийского стадиона. Ты с ней поговори, она училась в этой школе. Учительница, классный руководитель, Оксана Николаевна Егорова, она перешла [работать] к «шефу» (В.В. Ярошенко – прим.ред.). «Тесен круг революционеров».

Попов И.Ф.: Там у них была Вешнякова Ира. Она у меня [в районе] была пионервожатой. А моя младшая дочка с ней дружила.

Костерев Н.А.: Вешнякова Ира – это мой выпуск.

Попов И.Ф.: Танька мне привезла от неё яблок, а я не могу их есть, зубов нет.

Костерев Н.А.: [Тебе всё-таки] надо писать воспоминания.

Попов И.Ф.: Если брать эту тему – [будет] безумно интересно. У меня есть диктофон [в телефонном аппарате]. Мне диктофон со многими каналами, и впиши свою фамилию туда.

Костерев Н.А.: У тебя диктофона здесь нет. Есть телефонная книга, вот туда я запишусь. Ты же мне звонил, [значит мой номер у тебя записан].

Попов И.Ф.: Я с другого [телефона] звонил. У меня на бумажке запи-

сано.

Костерев Н.А.: На букву «К» [там записана] только Комарова. Пытаюсь сохранить.

Попов И.Ф.: Я записал, где я встретился с этими друзьями из Дзержинского района. Какие походы [я прошёл – тоже уже записал].

Костерев Н.А.: Надо продолжать и дальше. Константинов издал книгу воспоминаний Донарину (*Шенкман Донара Аркадьевна – прим.ред.*). Не читал?

Попов И.Ф.: Нет.

Костерев Н.А.: Там про Ярошенко у неё есть. Когда последний раз выжирали Минделя, он приносил и раздавал книги Константинова на этом собрании. Тебя не было? У меня есть дома, я принесу. Сидим мы дома ночью. Вдруг стук в дверь: «Открывайте!» Я сейчас не помню детально. Вваливается Ярошенко. Шёл мимо и зашёл к нам на квартиру. У него [там есть] интересные житейские эпизоды, воспоминания.

Попов И.Ф.: Что-то я слышал [об этом] от самого Ярошенко, по-моему. Это книжка Полякова.

Костерев Н.А.: Ярошенко издал две толстые книги воспоминаний о нашем клубе. «Последний костёр» книгу не дарил?

Попов И.Ф.: У меня есть.

Костерев Н.А.: У тебя детей, [учеников в туризме,] осталось не меньше.

Попов И.Ф.: Если Ярошенко очень умный, то я дурак дураком, и уши у меня холодные. Понимаешь, у меня метода немножко другого типа. Я детям разрешал всё. Будем купаться? Обязательно. Подходим к речке осенью. Раздеваюсь. А что Вы делаете? Купаться будем. Можно мы будем

вместе с Вами? Можно. Там хороший вход в воду. Почему они ко мне шли, Данилкина и другие, «плакаться»? От Славки [Титова] я много получил [и знаний, и опыта]. Он экспериментатор, понимаешь? [Например] у нас есть палатка, хиленькая такая, и тент. Тент заменили на это, а спальный мешок – на тент, который стандартный, [но уже использовали его] в качестве спального мешка. [А] для того, чтобы было тепло, приторочили марлю [в] один слой. Все спят так. У меня есть венгерский спальный мешочек, состыкованный – я буду в нём спать. Поочередно то Данилкина, то её подружки [греться приходили], потом выталкивал их [назад]. Потом другие [приходили] отогреться на ночь. Славку это бесило до ужаса!

Костерев Н.А.: Это и есть «контрольный экземпляр». Это записывать надо!

Попов И.Ф.: А то, что делал Ярошенко, понимаешь, идиотские [«штучки»]. Ничего не идиотские! Понимаешь, нас в 1942 году, детдомовцев, станция за Курганом, до детдома сто с лишним километров. Мы без дорог шли, топали эти сто двадцать километров, нам было всего ничего. Я за эти вещи, то есть если ребёнок... Вот здесь я даже пишу. Смотри, как получается: «Был в Туле, видел, рельсы трамвайные. Помню, как на машине с открытым верхом [ездили] на экскурсию в Ясную Поляну. [Это] тридцать седьмой, тридцать восьмой год: была война в Испании. На мне, и на младшем брате Алексее, была детская военная форма: на голове пилотки с кисточкой, под названием «испанки». Помню 2 мая 1937 года, открытие канала «Москва–Волга»,

праздничная флотилия из Горького. Там на Сормовском [заводе] построили эти теплоходы. Запомнилась каравелла «Колумба», шлюзы в Яхроме. А в Икше, уже ночью, многопалубный [теплоход] застрял при шлюзовании. Нас, почётных гостей, высадили ночью на берег. Мне запомнилась острая щебёнка под ногами и стоны идущих [по ней] взрослых. А кто-то в темноте сказал, показывая на меня, что [вот] идёт маленький мальчик. Ему тоже тяжело, а он идёт и не хнычет. Тогда, наверное, я впервые ощутил и понял, что даже ребёнок может многое. Жизнь и годы подтвердили это. Потом прислали грузовые машины, открытые «Портики» и «Эмки». Уже начало рассветать. Было очень холодно. На всю жизнь запомнил, как под утро ехали в открытой машине, и этот короткий топоним – Икша.

1941–1942 годы. Сатка, Миасс, Ильмень, озеро Тургояк – Южный Урал, эвакуация.

1942–1944 годы. Станция Лебяжья, в ста километрах село Половинное, через него сейчас проложена железная дорога. Целинные земли, степная часть Западной Сибири. Эвакуация детдома. Через село под конвоем, по степи, в метель, гнали репрессированных чеченцев. Это были одетые не для Сибирских морозов старики и женщины, матери с детьми. Два–три дня они «отдыхали» в глубоком глиняном карьере под открытым небом. Поверху ходили часовые в длинных меховых тулупах с винтовкой наперевес, даже штыки были, вообще мрак. За одно зёрнышко кукурузы, которое они несли с собой из Чечни, они в обмен для детей получали два стакана просо для каши. На славу тогда уродилась

чеченская кукуруза на чернозёмных землях Западной Сибири. Часть оставили и, похоронив умерших, остальных погнали на юг Казахстана. Потом помню, как привезли в наш детдом «скелетные» группы блокадных ленинградцев-старшекласников. А за большей частью москвичей приехал раненный Дима Виноградов, и увёз нас в Москву.

1944–1945 годы. Новый год. Измождённых воспитанников отправили в санаторий РККА в Марьино, в бывшее имение князя... (*Звонит дочь Татьяна, идёт разговор И.Ф. с дочерью по телефону*).

Попов И.Ф.: (*Телефонный звонок. Ответ И.Ф. по телефону*): «Я не знаю, когда там освободится место. Ты думаешь это всё просто? До свидания, спасибо, всего доброго».

Костерев Н.А.: Я слышал про этот случай, когда Мартынова Костика выкинули. Это твоё поколение, ты сам лично выкидывал его? Я читал про это.

Попов И.Ф.: Детский дом был на речке Горетовке, там, где проходит Пятницкое шоссе. В этом месте был санаторий Рукавишникова. Тот, который Рябушинский [строил]. У него была плотина, господа [в нём свои] лёгкие лечили. Понимаешь, в этом месте в революцию сделали колонию детскую, вот так она там и осталась. У нас был чудесный директор, бывший воспитанник Макаренко, и он знал, как воспитывать эту шпану.

Костерев Н.А.: Не Карабанов?

Попов И.Ф.: Нет, Иван Иванович Селиков. Мы ходили на Круглое озеро мимо Мышинского Дениса Давыдовича.

Костерев Н.А.: Там дома то были?

Попов И.Ф.: В Мышинском была деревня, сейчас осталась [только] одна аллея. Мы ходили на это озеро мимо Мартыновской усадьбы. Там тоже детский дом был. Директор договаривался, мы обедали там. От детского дома мы ходили вниз по р. Горетовке в Мцыри, где Лермонтов. На Клязьме была «Яловская культура». У нас были талантливые воспитатели. Я был «бегун», мне не интересно было в одном месте находиться, часто «делал ноги». Учебный год кончался, и я убежал из детского дома, [потом меня] ловили. Любил я изобразительное искусство так скажем. Я при школе жил, мама учительница русского языка. Бывало, наберётся полно деревенских ребят, были две большие керосиновые лампы, учитель читал и все слушали. Радио не было. Мама работала и в санатории Верховного Совета. Комната у нас была на улице Кирова, дом двадцать четыре, квартира шестьдесят девять на пятом этаже. В войну её занял какой-то генерал, не важно. Отец был деканом пединститута. Завхоз у него был, который воровал. Он ему сказал, что не надо так делать. Этот завхоз на партсобрании сказал, что «декан у нас не согласен с линией партии». Отец уехал в Тюменскую область. Заложили хорошую основу, понимаешь.

Мы одноклассники с Дегтярёвым, у него день рождения девятнадцатого мая, а у меня – двадцать пятого августа. Он настоящий еврей. Эта нация всегда была в гонении, правильно [рассказываю?] Они должны были, как говорят, жить в каких-то местечках, или принять Христианство. Они были хорошие врачи, аптекари, часовщики и золотые мастера. Они обращали внимание, на то, что дети у них были хорошо обу-

чены и хорошо питались. У русских, к сожалению, этих вещей (традиций – прим.ред.) нет. Когда мне говорят, оба учителя физкультуры, у меня ещё ремесленное училище, что я отстаю от этих ребят. По иностранному языку я знаю только два слова. Сейчас я на компьютере работаю, а там выражения на английском. А начинать всё сначала, когда мне нужно только текст набрать, понимаешь [поздно]. Дзвонковский привёз мне «интернет», и говорит: «Я поставлю Вам». Я говорю – заведи [не надо, всё равно не освою]. При тебе мне дарили [это] у костра.

Костерев Н.А.: Надо было поставить, полезно.

Попов И.Ф.: Зачем? Не буду я этим заниматься. У меня вот это... Мне надо сделать. Интернет – [это] интересно, но тогда я писать не буду. Здесь есть товарищ, ему стукнуло шестьдесят, он на пенсию ушёл. Он старше меня [всего] на три года. Из них, [из его поколения,] люди другой формации получились. Они [во время войны] в армию не попали. Они [хоть и] считаются ветеранами войны, [но] на самом деле – не ветераны. Двадцать девятый год (1929 год рождения – прим.ред.), они к этому [военному] времени [только] подросли. У них, оказывается, [к окончанию войны] лобочек обволосел и х... стал подниматься. Девушек они и «окучивали». Вот он и говорит [мне]: «Я до сорока лет не мог жениться, замотали [эти девки]». Я учился в ПТУ, было у нас [на курсе] четыре таких человека. Димка Мальцев из детского дома, он был моим ровесником. Мы с ним дружили по детдому «Жучки» в Хотькове, вот... И если я убежал в музей в Абрамцево, на занятия... Как-то мы пошли с мастером производствен-

ного обучения моей группы к [этому] Димке Мальцеву домой. У него одного глаза не было, он был вставной. [Он так всем и говорил:] «Я всегда буду ходить в шикарном костюме, и красиво одеваться». Я показал мастеру, в какой клоаке в Сокольниках живёт Димка. Я открываю [дверь в его квартиру], а мастер меня отталкивает. Дима жил у своей тёти. [Видим:] Дима голый, тётя голая, и он её «обрабатывает».

[Другой пример:] я прихожу с тренировки, приходит такой Вася. Спрашивает у меня, где я был? «На тренировке», – [отвечаю]. «А у меня, смотри, галстук от бабёночки, и расписание». Вот эта когорта возрастная, она вот такая, понимаешь? Когда мы говорим об эстетике, морали, нравственности – ведь это тоже надо иметь ввиду! Тридцать миллионов мужиков не вернулось, а [дома остались их] жёны, бывшие и подросшие девицы. [Ещё один такой,] из тамбовской деревни, подался в Москву, на ЗИЛ устроился и приобрел «авторитет». Поехали [мы с ним как-то] в совхоз под Нарофоминском, делали крышу коровника. И он, оказывается, отвёз железо к себе в деревню. И покрасил его зелёной краской, которой красили военные машины два раза, и стоит [эта крыша] уже семьдесят лет [как новенькая]. И сейчас я лежу с [таким вот примерно] товарищем, с которым мне явно не по душе. Он мне говорит: «А ты спроси [у врачей,] какое тебе лекарство [назначили]?» А мне [это] зачем? Но они мне должны поставить... то-то и то-то, она не хочет, а у меня мерцательная аритмия...

Костерев Н.А.: Надо собой заниматься. Игорь Фёдорович, продолжай.

Попов И.Ф.: Я постараюсь, а с дру-

гой стороны, кому это надо?

Костерев Н.А.: Один мой знакомый, ветеран [рассказывал:]... «Я тут дома покопался, случайно нашёл описание (*воспоминания – прим.ред.*) своего прадеда, который в 1812 году воевал с Наполеоном». [Вот и нам] сейчас надо написать о себе, и спрятать [подальше], а через сто лет [это] найдут [наши] внучата.

Попов И.Ф.: У меня ученик, Шахнович Вадик, [этим сейчас тоже занимается, пишет про историю своей семьи]. Получается, что я повторяю Шахновича. Шахнович как у меня [в учениках] появился? Это, значит, Сашка Безруков, муж Данилкиной, готовит на слёт группу. В это время Слава [Титов и] говорит: «Саша не может [их на слёт вести], Игорь Фёдорович, возьми себе Вторую школу». Я [их и] беру... совершенно незнакомые ребята. Один день я их кормлю [дежурю за них], другой... в конце концов, я не вытерпел [и послал там одного...] И мне всю жизнь [теперь некоторые] это вспоминают. С одной стороны я непедagogично поступил, а с другой стороны, кто это знает, [как надо было?]... (*прим. ред: упомянутая И.Ф. история описана в этом же номере журнала в статьях В. Пересветова «Слово о ПИФе» и В. Шахновича «Педагогическая за-дача»*)

Костерев Н.А.: Пойду я, дойду до [твоего] доктора.

Попов И.Ф.: Там торцовый выход и приёмный покой.

Костерев Н.А.: Я рад тебя видеть бодрым, и мы на правильном пути. Всех кого увижу, передам привет. Будьте здоровы. До свидания!

И.Ф. ПОПОВ. СПИСОК РАНЕЕ ОПУБЛИКОВАННЫХ СТАТЕЙ

Попов И.Ф. Безопасность юных туристов в походе. «Детский туризм: ступени мастерства», сб. статей, под ред. В.В. Казанцева. Департамент образования г. Москвы, Московская городская станция юных туристов, Москва, 2009, с. 94-102.

Попов И.Ф. Образовательная программа группы «Горизонт» на 2000-2001 учебный год. «Детское туристско-краеведческое объединение – среда жизнедеятельности ребёнка», учебно-методическое пособие. ЭЦДЮТЭ «Родина», Москва, 2001, с. 85–103.

Попов И.Ф. Сан Саныч Остапец. Хроника творческих встреч. Журнал «Родина-Ру», № 1 (63), 2016, с. 102–104.

Попов И.Ф. Молодому руководителю детского туристского коллектива о работе с родителями. Журнал «Родина-Ру», № 5 (67), 2016, с. 110–119.

Попов И.Ф. Симфония русского слова. Журнал «Родина-Ру», № 5 (67), 2016, с. 169–170.

Попов И.Ф. Кадры решают всё! Отчёт о проведённом очно-заочном семинаре Федерального центра детско-юношеского туризма и краеведения МОН РФ «Инструктор детско-юношеского туризма» в 2011–2012 учебном году на безвозмездной основе на базе ГОУ Дом детского и юношеского туризма и экскурсий «Родина» им. А.А. Остапец-Свешникова ВАО г. Москвы. Журнал «Родина-Ру», № 2–3 (69-70), 2017, с. 161–171.

И.Ф. ПОПОВ В ЖУРНАЛЕ «РОДИНА-RU»

ЖУРНАЛ «РОДИНА-RU», № 5 (67), 2016:

Казанцев В.В. Патриарх детского туризма. Народная педагогика Игоря Фёдоровича Попова. Журнал «Родина-Ру», № 5 (67), 2016, с. 8–18.

Попов И.Ф., Казанцев В.В. Горизонт – перспектива, которая всегда впереди! (Девиз спортивно-туристского клуба «Горизонт») Интервью-беседа о жизни и о деле. Часть 1-я. Журнал «Родина-Ру», № 5 (67), 2016, с. 35–70.

Миндель А.Я. О добром времени нашей молодости. Игорь Фёдорович Попов Журнал «Родина-Ру», № 5 (67), 2016, с. 70–73.

Долгопятов А.В. Мой старший товарищ. Игорь Фёдорович Попов. Журнал «Родина-Ру», № 5 (67), 2016, с. 73–76.

Плоткин Д.В. Аксакал народной педагогики. Игорь Фёдорович Попов. Журнал «Родина-Ру», № 5 (67), 2016, с. 76–78.

Горбатенко С.А. Игорь Фёдорович Попов: портрет широкими мазками. Журнал «Родина-Ру», № 5 (67), 2016, с. 79–84.

Ильяшенко И.Е. Игорь Фёдорович Попов: профессия – учитель, педагог-путешественник. Журнал «Родина-Ру», № 5 (67), 2016, с. 84–88.

Самохин Ю.С. Игорь Фёдорович Попов: О судьбе человека весёлого и мужественного (Анонс второго выпуска видеопроекта «Команда»). Журнал «Родина-Ру», № 5 (67), 2016, с. 89–91.

ЖУРНАЛ «РОДИНА-RU», № 1 (68), 2017:

Лещенко Б.П. Игорь Фёдорович Попов: светлая память и боль утраты... Журнал «Родина-Ру», № 1 (68), 2017, с. 70–72

ЖУРНАЛ «РОДИНА-RU», № 2–3 (69–70), 2017:

Казанцев В.В. Всё отдаю людям. Игорь Фёдорович Попов. Журнал «Родина-Ру», № 2-3 (69–70), 2017, с. 159–160.

ЖУРНАЛ «РОДИНА-RU», № 1 (71), 2018:

Шахнович В.И. Настоящее краеведение. Рассказ о том, кто бомбил из космоса ручей в Хибинах. Журнал «Родина-Ру», № 1 (71), 2018, с. 60–65.

ФОТО НА ЦВЕТНОЙ ВКЛАДКЕ

- **стр. 97:** И.Ф. Попов в Кижях (Карелия), около 1965 г.
- **стр. 98:** И.Ф. Попов (наверху) и его ученик С.М. Балашов (внизу) на Араданском хребте. Семинар Высшей инструкторской подготовки (ЦСТЭ), август 1983 г.
- **стр. 99:** Фото-1. И.Ф. Попов (в центре) – инструктор школы НТП и Инструкторов школьного туризма (МосгорСЮТур). Абхазия, май 1981 г.
- **стр. 99:** Фото-2. И.Ф. Попов (крайний справа) – руководитель похода группы «Горизонт» по Алтаю. Август 1986 г.
- **стр. 100:** Фото-1. И.Ф. Попов в походе по хребту Ергаки, август 2000 г.
- **стр. 100:** Фото-2. И.Ф. Попов проводит экскурсию для группы «Горизонт» в музее АНОФ-1 (Кировск, Хибины). Август 1998 г.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

